

Научное сетевое
периодическое
издание

№ 1 (7) 2024

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

на основе материалов конференции «СКАНДИНАВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (19-20 октября 2023 года)

Iceland

REYKJAVIK

Faroe
Islands

Norway

OSLO

Sweden

STOCKHOLM

Denmark

COPENHAGEN

Finland

HELSINKI

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

№ 1 (7)

Научное периодическое сетевое издание

Выпуск составлен по материалам XV Всероссийской научной конференции
с международным участием

СКАНДИНАВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Санкт-Петербург, 19-20 октября 2023 г.

Санкт-Петербург

2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гехт А. Б. – заведующий кафедрой истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Неровный А. В. – заместитель заведующего кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Цверианашвили И. А. – заместитель декана факультета Социальных цифровых технологий (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Бекшаева Н. Э. – специалист по учебно-методической работе кафедры истории и регионоведения (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алёшин А. С. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасов В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасова В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Барышников В. Н. – доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Белов В. В. – доктор психологических наук, доцент (НГУ физической культуры физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия)

Белова Е. В. – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Борисова Н. А. – кандидат технических наук, доктор исторических наук, доцент Центральный музей связи имени А. С. Попова, Санкт-Петербург, Россия)

Бурлина Е. Я. – кандидат искусствоведения, доктор философских наук, профессор (Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия)

Васильева Е. В. – кандидат культурологии, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия)

Вольфсон М. Б. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Воронов И. И. – доктор исторических наук, доцент, (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Герашенко Л. И. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Гончарова Е. А. – доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Губанов И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Завалишин А. Ю. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Зиновьева Е. И. – доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Зотова А. В. – доктор исторических наук, академик РАН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Иваненко А. В. – кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ипполитов Г. М. – доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникации и информатики, Самара, Россия)

Камедина Л. В. – доктор культурологических наук, профессор (Забайкальский государственный университет, Чита, Россия)

Ковалёв Б. Н. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Краснова Е. В. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Кулик С. В. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Кульназарова А. В. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Лейбенсон Ю. Т. – кандидат исторических наук, доцент (филиал МГУ в г. Севастополе, Севастополь, Россия)

Макаров В. В. – доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Мальченкова А. Е. – кандидат социологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Марков А. П. – доктор педагогических наук, доктор культурологии (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия)

Мешков А. В. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Микешин М. И. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Михеева Н. М. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия)

Полторац С. Н. – доктор исторических наук, профессор (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Пученков А. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рудник С. Н. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рупасов А. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Сидорова Н. А. – кандидат культурологических наук, доцент (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Стародубцев М. П. – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сыроватская Е. Ф. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Хлезов А. А. – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия)

Чернов С. А. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Цыгоняева А. Ю. – кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Эйдемиллер К. Ю. – кандидат географических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яценко М. В. – доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

О. Л. Губарев

Даны Рюрика на западе и на востоке в IX-XI вв. (Как меняет взгляд на историю начальной Руси гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского).....7

О. А. Маркелова

Рецепция заселения Исландии и "Книги о заселении земли" в исландской художественной литературе 1980-2020х гг.....21

И. А. Цвериянашвили

Формирование явления охраны природы в Швеции в конце XIX – первой половины XX в.31

В. Ю. Полутин

"Большая программа русификации" 1914 года или как в Российской империи решался финляндский вопрос?.....36

М. А. Несин

Набег русов на Константинополь летом 860 года (ход событий, продолжительность, командование, численность судов).45

О. А. Яковлев

Пребывание цесаревича Александра Николаевича в Швеции и Дании в 1838 г..... 56

Д. Г. Черкасов

Северное движение сопротивления: история формирования и современная специфика движения63

А. Ю. Покрищук

«Завязки мира» на скандинавском клинковом оружии: реальность существования.....69

Г. Ю. Иршин

Руны и человек, который их вырезает. О слове «erilaR» на рунических памятниках.78

А. В. Востров

Туве Янссон и Ингмар Бергман: неожиданные параллели жизнетворчества..... 88

КУЛЬТУРА И ЯЗЫКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

А. С. Алёшин

Образно-символическая система стихотворного сборника М. Мёртлунд «Я еду через Юхонпие, когда цветёт иван-чай».....97

А. Ф. Батанова

Интерпретация творчества норвежского художника Николая Аструпа (1880-1928) в контексте международных течений в искусстве.....104

Е. А. Дорофеева

Выборг-Хельсинки-Каунас: судьба шведоязычного финского писателя-модерниста Генри Парланда (1908-1930) и его семьи в XX веке.125

В. Е. Романенко

Положение мусульманских общин в странах Северной Европы.....134

С. А. Куприк

Увековечивание памяти Эдит Сёдергран: от забвения к памятнику.....140

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

УДК 94(47)

ДАНЫ РЮРИКА НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ В IX-XI ВВ. (КАК МЕНЯЕТ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ НАЧАЛЬНОЙ РУСИ ГИПОТЕЗА О ТОЖДЕСТВЕ РЮРИКА И РЁРИКА ФРИСЛАНДСКОГО)

О. Л. Губарев

Что просто написано, то и понимать надо просто
В. З. Завитневич

В статье рассматривается гипотеза тождества двух личностей - легендарного первого князя Руси Рюрика и исторической фигуры вождя норманнов Рёрика Фрисландского. Рассматривается влияние принятия данной гипотезы на историю Начальной Руси. Отмечено, что с принятием данной гипотезы получают простое и логичное объяснение многие ранее непонятные сообщения источников и археологические находки. В научный оборот по истории Начальной Руси с принятием гипотезы вводятся новые источники или заново должны быть пересмотрены сообщения уже известных источников.

Ключевые слова: Рюрик, Рёрик Фрисландский, гипотеза тождества, источники, саги, империя франков, Русь 839 г., Русь Рюрика

Введение

История Начальной Руси до сих пор во многом была скрыта от нас, поскольку русы не имели в IX в. письменности и первые сообщения летописей относятся к XI в. Но гипотеза тождества первого князя Руси Рюрика и вождя норманнов Рёрика Фрисландского позволяет пролить новый свет на эту историю.

Частью в научный оборот русистики вводятся новые источники, частью сообщения старых, уже известных нам источников приобретают иное звучание. Сообщения древнерусских летописей, ранее вызывавшие недоумения получают вполне логичное и простое объяснение. Отпадает необходимость нагромождения одна на другую дополнительных гипотез, чтобы объяснить возникающие вопросы и картина истории Начальной Руси значительно упрощается.

Любые сообщения древнерусских летописей требуют критического подхода и осмысления. Однако, если непонятные прежде сообщения получают

простое и логичное объяснение с помощью данной гипотезы, то исчезает необходимость нагромождения дополнительных гипотез и допущений, срезаемых "Бритвой Оккама" [см.эпиграф].

Гиперкритический подход, как показала история развития исследований, с попытками как-либо по-другому объяснить сообщения летописей, либо вообще отбросить их, предлагая свое собственное прочтение, хорош далеко не всегда.

Конечно, после того как непонятные прежде сообщения летописей с помощью выдвинутой Ф. Крузе и Н. Т. Беляевым гипотезы получают простое объяснение без нагромождения дополнительных гипотез и догадок, без *героизма*, исследователя можно обвинить в "начетничестве", то есть буквальном понимании сообщений летописи, как это сделал в отношении меня А. С. Щавелев [28, с. 53].

Ранее исследователей в сообщениях древнерусских летописей озадачивало многое.

Например, А. А. Шахматова при- Русь как на Востоке, так и на Западе вело в недоумение упоминание в ПВЛ среди варяжских народов (см. рис.1).

Рис.1. Русь на Западе и на Востоке и торговые пути и направления походов в VII-IX вв. [18, с. 468].

«Помещение Руси среди варяжских народов, живущих на западе, могло бы дать придирчивой критике основание отметить противоречие этого места с сообщением сказания о том, что Рюрик и его братья "по яша по собъ всю Русь", но согласимся пока с Гедеоновым, что это выражение летописца нельзя понимать в буквальном смысле» [28, с. 3].

А гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского объясняет то,

что было непонятно Шахматову. Рёрик /Рюрик привел с Запада из Фризии, с территории империи франков "дружину многу и предивну", которая состояла из данов и примкнувших к ним фризов. А после избиения оставшихся на Западе данов и убийства их вождя Готфрида в 885 г. (см.рис.2), данов во Фризии не осталось и получается, что Рюрик действительно привел с собой "всю русь".

Рис.2. Предательское убийство Готфрида, к которому перешли владения Рёрика, в 885 г. на переговорах с франками (картина голландского художника Якоба ван Дейка).

И тогда не нужно нагромождать одна на другую дополнительные гипотезы, поскольку критерий *простоты* является одним из важных критериев достоверности гипотезы. Кроме того эта гипотеза отвечает критериям *уменьшения неопределенности* и *широты* и *основательности*. Она отвечает критерию основательности, так как, объясняя ряд фактов, данная гипотеза позволяет ожидать подтверждающих сообщений источников и археологических подтверждающих находок. И их находят или они уже найдены, но на них не обращали внимания и интерпретировали по-другому [14, с. 60-62; 12, с. 220-224].

Но обязательно ли нужно по примеру Шахматова объяснять то, что трудно понять современному человеку с его рациональным мышлением "поздними вставками", или по примеру его

ученика М. Д. Приселкова вообще не доверять сообщениям древнерусских летописей, объявляя их написанными по заказу князей, в стремлении угодить политическим требованиям момента.

"К сожалению, в исторической литературе последних десятилетий, когда искусство критики источника достигло совершенства, появилось течение, всячески старающееся опровергнуть чуть ли не любое известие древних летописцев, все и вся ставящее под сомнение... Шлимань полезнее для науки, чем Каченовские" [17, с. 67].

Гипотезу тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского принимает явное большинство российских историков, но, похоже, никто не задумывается над последствиями, проистекающими из принятия данной гипотезы.

Советскими историками во времена антинорманизма, как господствующей идеологии в исторической науке, было сделано множество безуспешных попыток признания русов славянами и удревнения русов-славян и их культуры, достаточно хотя бы вспомнить "эпоху Кия" Б. А. Рыбакова и признание славянами скифов-сколотов Геродота тем же Рыбаковым [21, с. 23-32]. В ходу тогда был очередной оксюморон: "русские славяне". А то, что арабы, и не только арабы, рассматривали русов и славян как два совершенно отдельных народа в те времена старались не замечать.

В то же время принятие гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского ведет начало клана Скьельдунгов-Рюриковичей во времена англосаксонского эпоса "Беовульф", в VI в. Имя Хрёрек [Рёрик/Рюрик], довольно редкое среди скандинавских имен, было родовым именем королевского датского рода Скьельдунгов [19, с. 44-47].

1. Основные этапы истории Древней Руси в IX в.

1.1. Легендарная Древняя Русь "Саги о Скьельдунгах" и "Старшей Эдды".

Если доказано, что Рёрик Фрисландский принадлежал к королевскому датскому роду Скьельдунгов, то согласно гипотезе, что князь Рюрик и известнейший вождь норманнов Рёрик Фрисландский это один и тот же человек, то династия Рюриковичей автоматически связывается с датскими Скьельдунгами.

Что же указывает на принадлежность Рёрика Фрисландского к Скьельдунгам?

К Скьельдунгам согласно "Песни о Хюндле" [26, с.364-375] принадлежал Хальфдан Сньялли (Смелый), один из вождей норманнов, легендарный вождь клана.

"Хальвдан до этого
лучший был Скьельдунг;
победные войны
вел он, воитель,
до края небес
неслась его слава.

В родство он вступил
с Эймундом смелым,
холодным мечом
поразил он Сигтругга,
женился на Альмвейг,
лучшей из женщин,
у них родилось
восемнадцать сынов.
Отсюда род Скьельдунгов,
отсюда и Скильвинги,
отсюда и Аудлинги,
отсюда и Ильвинги..."

Согласно "Саге об Инглингах" Ивар Широкие Объятья был сыном Хальфдана, а значит тоже принадлежал к клану Скьельдунгов. Рёрик и его брат Хельги после женитьбы Рёрика на дочери Ивара Ауд породнились и тоже стали Скьельдунгами. Имена Рёрик и Хельги стали родовыми именами клана Скьельдунгов, как об этом говорит упомянутый выше А. А. Молчанов.

Таким образом, имена героев *Sögubrot* совпадают с именами первых Рюриковичей и такое совпадение едва ли могло быть случайным [11, с.1-11].

Генеалогическая линия Скьельдунгов "Песни о Хюндле" полностью совпадает с генеалогией из *Sögubrot*. Если битва при Бравалле имела место ок. 770 г., то все события, описанные в *Sögubrot*, относятся к концу VII в. и к VIII в. Во вступлении к "Саге о Хрольве Пешеходе" говорится, что события, о которых рассказывают саги о древних временах (*Fornaldarsögur*), на деле происходили значительно позднее [22, с.13]. Т. е. это признавали сами скальды.

События, описанные в *Sögubrot*, происходят в Дании и на Руси, что лишний раз подчеркивает связь рода Скьельдунгов с Русью.

Имена конунгов Руси в *Sögubrot* скорее напоминают прозвища Радбард ["Рыжебородый"] и Рандвер ["Щитоносец"], что соответствует названию клана Скьёльдунгов, от "скьёльд" - щит].

Клан получил это имя, поскольку легендарный сын Одина Скьёльд был младенцем, приплывшим в Данию на щите. События, описанные в эпосе "Беовульф" имеют, как выяснилось, историческую основу. В частности, в "Истории франков" Григория Турского упомянут поход Хлохилаиха [Хигелака согласно "Беовульфу"] на фризов, имевший место в VI в. [10, с.139]. А события, о которых рассказывает *Sögubrot*, содержат, по мнению некоторых ученых, историческое зерно, в связи с описанием Бравалльской битвы, датируемой примерно 770 г. Акад. А. А. Куник считал битву при Бравалле поворотным пунктом в истории Скандинавии и Руси. В эпосе "Беовульф" Скьёльдунги названы Скильдингами.

1.2. Историческая свеонская Русь 839 г.

Ближе всех к землям финнов и славян Северо-Запада был расположен Упшланд с эмпорием Бирка. Поэтому понятно, что первые дружины норманнов, проникавшие на Восток, состояли в основном из свеонов Бирки. Именно об

этих варягах, собиравших дань с северных племен и деливших зоны влияния с хазарами на Юге, говорит ПВЛ. Историчность этой эфемерной Руси, возможно состоявшей из бродячих скандинавских дружин, подтверждается сообщением Бертинских анналов франков. Судя по всему, именно эти свеоны вошли в состав византийского посольства к императору франков в 839 г.

А это говорит о том, что уже в начале IX в. скандинавы проникали в Византию. Это соображение подтверждается появлением в начале IX в. среди имен византийской знати имени Ингер [35, р.17-27; 34, р.119-136].

Освоение норманнами земель как на Западе, так и на Востоке состояло из двух этапов.

На первом этапе это были нерегулярные набеги для сбора дани и захвата добычи с последующим возвращением на родину, в Скандинавию.

На втором этапе норманны начинали селиться в местных центрах и приступали к регулярному сбору дани, что было тяжелой повинностью для местного населения. Судя по редчайшим монетам императора-иконоборца Феофила посольство русов в 839 г. возвращалось через Скандинавию в Рюриково Городище [36, р. 41-60].

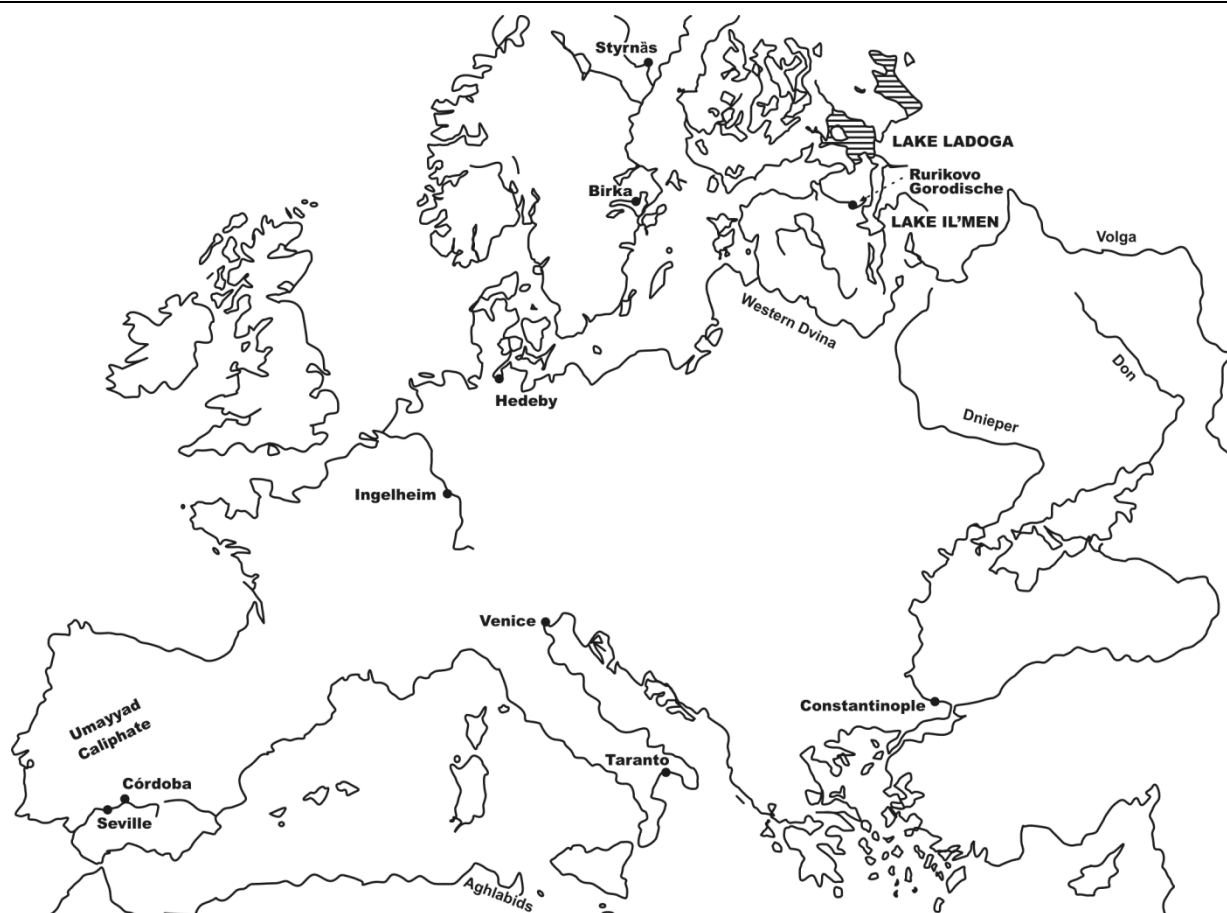

Рис.3. Находки редчайших монет императора Феофила, согласно гипотезе Дж. Шепарда, отмечают обратный путь посольства русов, прибывших вместе с послами императора Феофила в 839 г. ко двору Людовика Благочестивого: Ингельгейм, Хедебю, Стюрнас, Бирка, Рюриково городище [36, р. 8].

Занятие свеонами финских и славянских городищ, видимо, и вызвало восстание финнов и славян против свеонской руси, согласно ПВЛ имевшее место ок. 859 г.¹

1.3. Раннегосударственная Русь Рюрика Скьяльдунга

Усобица после изгнания русов-свеонов, когда встал "род на род", показала местным племенам, что нужно для защиты своих земель пригласить таких же варягов, только не свеонов, а данов у которых были давние враждебные отношения со свеонами. Это было воз-

можно, поскольку в 857 г. Рёрик Фрисландский вынудил короля данов Хорика Дитя выделить ему владения за датским валом с эмпорием Хедебю. И таким образом владения Рёрика оказались значительно ближе к Восточной Европе.

Плавание Оттера в Биармию [на юг Кольского полуострова] при быстротходности норманнских кораблей заняло всего полтора месяца, а расстояние от Хедебю до Старой Ладого было гораздо меньше [33, р.1-23].

¹ Хронология ПВЛ сомнительна, на что указывает неправильная дата первого похода 860 г. на Константинополь, отнесенного в ПВЛ к 866 г. хотя отдельные даты как указывает С. Л. Кузьмин, кажется, подтверждаются археологией [15, с. 90].

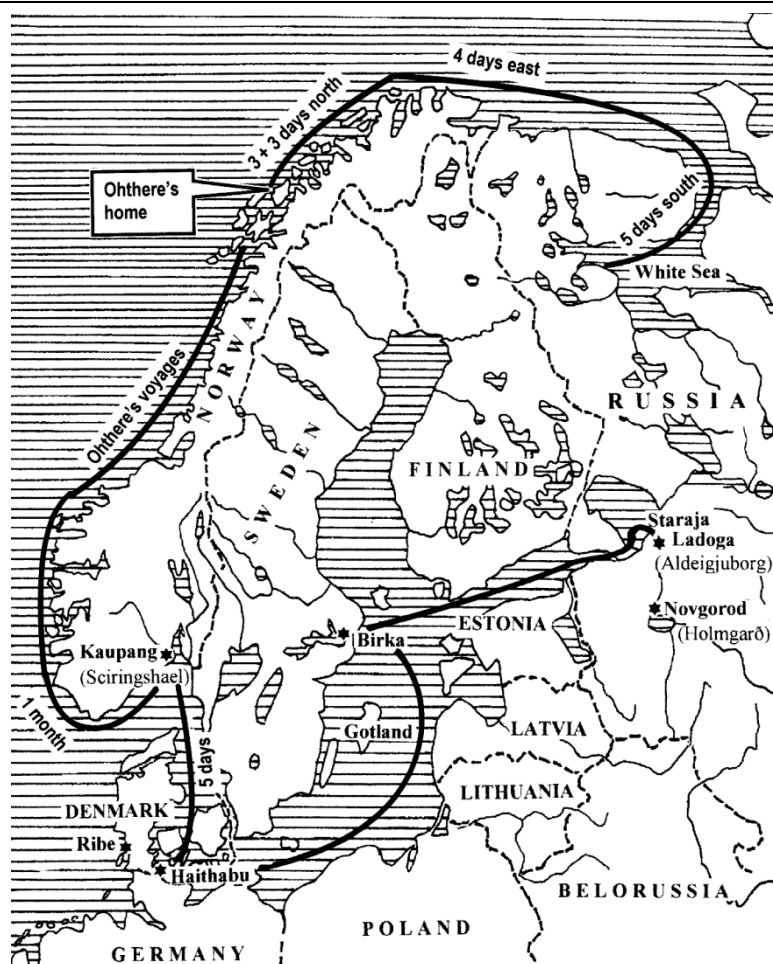

Рис.4. Карта длительности плавания Оттара в Биармию [33, р. 8].

НПЛ мл сообщает нам, что Рюрик привел с собой дружину "многу и предивну". Дружина Рюрика могла показаться финнам и славянам, видевшим неоднократно викингов с их разнородным вооружением, "предивной" из-за однородности и качества вооружения.

Поскольку в империи франков на данов Рёрика была возложена задача обороны побережья, то они могли иметь неограниченный доступ к вооружению франков, продажа или дарение которого за рубежи империи запрещалась капитуляриями императоров под страхом смерти.

Рюрик и его знать обладали всеми необходимыми знаниями для создания предпосылок для образования раннего государства: были знакомы с дипломатией, таможенными вопросами, чеканкой денег, латинской письменностью [по крайней мере, некоторые], социаль-

ной структурой империи, ленной системой, военным делом франков и т. д. Это отличало Русь Рюрика от варягов - "находников", позже призывавшихся русскими князьями себе в помощь из Скандинавии, где государственность сложилась позже.

2. Дополнительные источники по истории Древней Руси

В связи с ограниченным объемом доклада я здесь упоминаю только некоторые новые источники, которые рассказывают нам предисторию династии Рюриковичей на Западе, до прихода Рюрика на Восток с "со всей русью".

Франкские источники

Если мы вслед за Б. А. Рыбаковым [24, с. 299], В. А. Назаренко [20, с.91-95], А. А. Молчановым [19, с.44-47], М. Б. Свердловым [25, с. 36-37],

Г. С. Лебедевым [16, с. 211], А. и Х. Касиковыми [13, с. 98-109], Л. В. Войтовичем [4, с.111-121; 5, с. 6-41], Е. В. Пчеловым [23], А. А. Горским [6, с.55-59; 7, с.38-39; 8, с.25-33; 9, с. 103-108], А. А. Хлебовым [27, с. 46-47], П. А. Атановым [1, с. 28-40; 2, с.186-188; 3, с.90-98] и др. историками, принимаем гипотезу о том, что первый князь Руси Рюрик и вождь норманнов Рёрик Фрисландский это один и тот же человек, то у нас появляются дополнительные источники по истории Начальной Руси.

Из современных зарубежных историков только Р. Ю. Дживан заинтересовался гипотезой Крузе-Беляева. Он впервые поставил вопрос о том, что история Начальной Руси на Западе с принятием гипотезы тождества Рюри-

ка и Рёрика Фрисландского может изучаться на основе сообщений франкских источников. Хотя он и критикует Беляева и не согласен с его гипотезой [32, с.193-201].

О жизни и деятельности Рёрика Фрисландского и других Скьельдунгов мы узнаем в первую очередь из франкских анналов - Вестаинских, Бертинских, Фульдских и Ксантенских. О первой выдаче земель в бенефиций в 807 г. Карлом Великим вождю норманнов Хальфдану рассказывает франкский поэт Poeta Saxo. О крещении короля данов Скьельдунга Харальда Клака с родичами и знатью нам повествует большая поэма Эрмольда Нигеллуса [30, с.173-180].

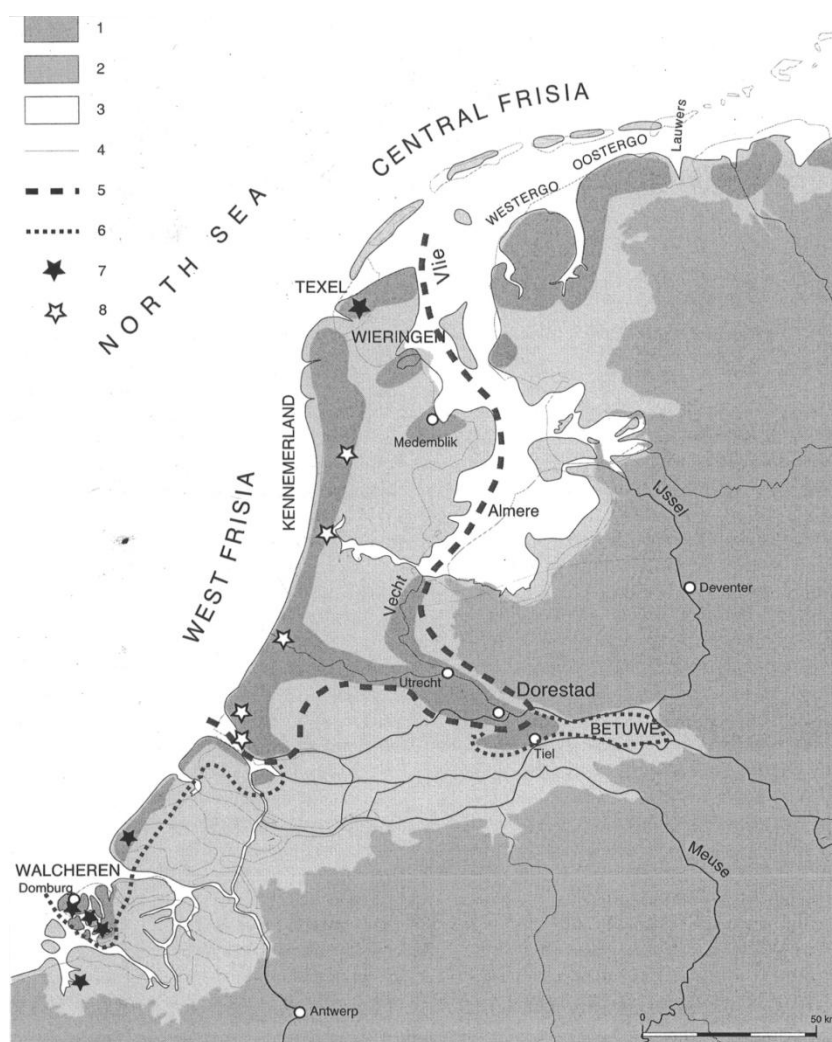

Рис.5. Карта владений вождей «фризских данов», предоставленных им в качестве бенефиция императорами франков [31, р. 447].

О гибели Готфрида и оставшихся во Фризии немногочисленных норманнов, т. е. об исчезновении фризских данов² на Западе нам сообщает Регино Прюмский. Из письма на латыни Хинкмара Реймского, адресованного лично Рёрику, мы узнаем о значении этого вождя норманнов в истории империи франков. Упоминания о Харальде Клаке, Рёрике и фризских данах встречаются в различных франкских источниках. Житие Св.Матильды сообщает что ее мать Рейнхильда была дочерью дана и фризки. А поскольку Рейнхильда принадлежала к королевскому роду, то и ее родители должны были быть королевского рода. Тогда этим даном, отцом Рейнхильды, вполне мог быть Рёрик Фрисландский [9, с.103-108].

Скандинавские источники

Среди скандинавских источников, повествующих о генеалогии датского королевского рода Скъёльдунгов и о Бравалльской битве рассказывает "Фрагмент о некоторых королях..." (*Sögubrot*), а также "Сага о Рагнаре Лодброке", "Сага о сыновьях Рагнара", "Перечень шведских королей" и другие саги о древних временах. Генеалогия Скъёльдунгов упоминается в некоторых родовых сагах, например в "Саге о Ньяле". Эта же генеалогия упоминается, правда, не в скандинавском, а в близком к скандинавским источникам англо-саксонском эпосе "Беовульф".

3. Источники, сообщения которых приобретают иной смысл

Здесь в связи с ограниченным объемом доклада можно привести только отдельные примеры источников сообщения которых приобретают новое звучание и новый смысл. Интересующихся вопросом отсылаю к моей книге 2019 г. "Рюрик Скъёльдунг"

² В Восточной Европе финны, а вслед за ними восточные славяне назовут их русами [*ruotsi*]

3.1. Византийские источники

Две византийских хроники - Продолжателя Феофана и Симеона Логофета говорят о руси Игоря напавшей на Константинополь, что "...росы приплыли к Константинополю на десяти тысячах кораблей, которых называют также дромитами, происходят же они от рода франков" [6,с. 55-59].

Кроме того в хронике Симеона Логофета в версии Псевдо-Симеона есть еще один фрагмент, рассказывающий, что "...дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться. Происходят же они от рода франков". Если принять гипотезу тождества Рёрика и Рюрика, то эти сообщения хроник становятся вполне понятны.

3.2. Книга "Иосиппон"

В книге Иосиппон указано, что Русь находится между саксами и англами, что соответствует расположению Фризии. То есть речь идет о русах ("фризских данах") во время пребывания их на территории империи франков.

3.3. Баварский Географ

В Баварском Географе, франкском источнике, русы (*Ruzzi*) упомянуты между хазарами (*Caziri*) и фризами (*Fresiti*). Очевидно, что речь здесь идет о реминисценциях, о пребывании "фризских данов", будущих русов, во Фризии.

3.4. Сообщения арабских географов и путешественников

Сообщения многих арабских путешественников и географов о заболоченном "острове русов" можно отнести к островной территории раннесредневековых Нидерландов.

3.5. Древнерусские летописи.

Ну и становятся понятны ставившие в тупик Шахматова сообщения древнерусских летописей, в частности, ПВЛ о Руси на Западе и на Востоке. А также о том, что Рюрик пришел по со-

общению ПВЛ "со всей русью", поскольку в 885 г. оставшиеся во Фризии норманны во главе с Готфридом, родичем Рюрика, были перебиты франками. А также, что, по сообщению НПЛ мл, он пришел с дружиной "многой и предивной". Вооружение дружины Рюрика действительно могло восприниматься как удивительное для того времени, поскольку "фризские даны", оборонявшие для франков побережье Фризии, имели доступ к лучшему франкскому вооружению.

Заключение

Таким образом, принятие гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского вводит в научный оборот новые источники по истории Начальной Руси IX в. Эти новые источники позволяют нам многое понять в истории Древней Руси и сообщают нам новые сведения о такой исторической фигуре как первый князь Руси Рюрик. С учетом этих новых источников становится более понятно происхождение ранней государственности на Руси и связь ее в последующем с европейской культурой.

Список источников и литературы

1. Атанов, П. А. К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник СПбГУ. – 2007. – Сер. 2. Вып. 3. – С. 28-40.
2. Атанов, П. А. Был ли Рюриком Рерик Ютландский? // На границе европейского пространства: Северный мир. Проблемы истории и культуры средневекового общества: Тезисы докладов XXXII межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». – СПб. – 2013. – С. 186-188.
3. Атанов, П. А. К вопросу о месте захоронения Рюрика: Урочище Плакун // Петербургские исследования. – 2014. – № 5. – С. 90-98.
4. Войтович, Л. В. Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М.: Парад. – 2006. – С. 111-121.
5. Войтович, Л. В. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. - 2013. - № 1. - С. 6-41.
6. Горский, А. А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2008. - № 2 (32). - С. 55-59.
7. Горский, А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2013.- № 3 (53). - С. 38-39.
8. Горский, А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX-XII вв.: общество, государство, культура. М.: Древности Севера. - 2014. - С. 25-33.
9. Горский А. А. Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: Институт российской истории РАН. - 2018. - С.103-108.
10. Григорий Турский. История франков. - М.: Центрполиграф 2009. - 543 с.
11. Губарев, О. Л. Рюрик и легитимность династии Рюриковичей // Valla. - 2018. - №4(4). - С. 1-11.
12. Губарев, О. Л. Рюрик Скьёльдунг. - СПб. Евразия. 2019. - 320 с.
13. Касиковы, Х. и А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // Скандинавский сборник. XXXIII. - Таллин: Олион, 1990. - С. 98-109.
14. Клейн, Л. С. Гипотеза в археологии // Российский археологический ежегодник. - 2011. - №1. - С.56-69.
15. Кузьмин, С. Л. Ладога в эпоху раннего Средневековья (середина VIII - начало XI в.) // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья / отв. рёд. А. В. Виногооров. - СПб.: Нестор-История, 2008. - С. 69-94.

16. *Лебедев, Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. - СПб.: Евразия. 2005. - 640 с.
17. *Мавродин, В. В.* Образование древнерусского государства. Л. - Издательство Ленинградского государственного университета. 1945. - 429 с.
18. *Мачинский А. Д.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII - середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 49 : Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. - С. 460-538.
19. *Молчанов, А. А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 15-15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. - М.: Институт российской истории РАН, 1992. - С. 44-47.
20. *Назаренко, В. А.* О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 плакунского могильника// Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Псков. ИИМК РАН. - 1997. - Т. 2. - С. 94-95.
21. *Новосельцев, А. П.* «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. - 1993. - №1. - С. 23-32.
22. Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. Кузьменко Ю.К. (ред.). - М.: Водолей Publishers, 2008. - 324 с.
23. *Пчелов, Е. В.* Рюрик. - М.: Молодая гвардия, 2010. - 316 с.
24. *Рыбаков, Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. - М.: Наука, 1982. - 590 с.
25. *Свердлов, М. Б.* Rorik (Hrorikr) i Gordum// Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнических и культурных связей. VI Чтения памяти В. Т. Пашуто. - М.: ИРИ, 1994. - С. 36-37.
26. Старшая Эдда. - СПб.: Издательство "Азбука", 2000. - 464 с.
27. *Хлезов, А. А.* Еще раз о Рюрике//История и культура средних веков: актуальные проблемы: тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - СПб.: СПбГУ, 2002. - С. 46-47.
28. *Шахматов, А. А.* Сказание о призвании варягов. - СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. - 82 с.
29. *Щавелев, А. С.* Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). - М.: Аквилон, 2020. - 560 с.
30. *Эрмольд Нигелл.* Из IV песни поэмы «Прославление Людовика, христианнейшего Цезаря». (Перевод и комментарии М. Р. Ненароковой) // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. - 2010. - Вып.3. Иваново. - С.173-180.
31. *Besteman, J.* Danish rule in West Frisia: a failed Normandy in the 9th century // Centre–Region–Periphery: Medieval Europe Basel. 2002. Hertingen, 2002. Vol. 1. P. 446-452.
32. *Givan, R. U.* Searching for Rurik: a Critical Study of the Use of the Frankish Annals in the Writing of Early Russian History//Journal of the Georgia Association of Historians. 1994. Vol. XV. P. 193-201.
33. *Keller, Ch.* Furs, Fish and Ivory - Medieval Norsemen at the Arctic Fringe // Journal of the North Atlantic. 2010. Vol. 3. P. 1-23.
34. *Kislinger, E.* Eudokia Ingerina, Basileios I, und Michael III //Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. Bd. XXXIII. 1983. P. 119-36.
35. *Mango, C.* Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // Zbornik radova Vizantoloskog Instituta. T. XIV-XV. 1973. P. 17-27.
36. *Shepard, J.* The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // Early Medieval Europe. 1995. Vol. 4. No. 1. P. 41-60.

Губарев Олег Львович – независимый исследователь, историк (г. Санкт-Петербург, Россия), lvovichg@rambler.ru

DATA OF RURIK IN THE WEST AND IN THE EAST IN THE IX-XI CENTURIES (HOW DOES THE HYPOTHESIS ABOUT THE IDENTITY OF RURIK AND RORIK OF FRYLAND CHANGE THE VIEW OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA)

O. L. Gubarev

The article examines the hypothesis of the identity of two personalities - the legendary first prince of Rus' Rurik and the historical figure of the leader of the Northmen Rørik of Friesland. The influence of the adoption of this hypothesis on the history of Early Rus' is considered. It is noted that with the acceptance of this hypothesis, many previously confusing source messages and archaeological finds receive a simple and logical explanation. With the acceptance of the hypothesis, new sources are introduced into scientific circulation on the history of Early Rus', or messages from already known sources must be revised anew.

Keywords: Rurik, Rørik of Friesland, identity hypothesis, sources, sagas, Frankish Empire, Rus' of 839 year., Rurik's Rus'.

References

1. *Atanov, P. A. K voprosu o «Prizvanii varjagov» [On the question of the "Vocation of the Varangians"] // Vestnik SPbGU. – 2007. – Ser. 2. Vyp. 3. – S. 28-40. (In Russ.)*
2. *Atanov, P. A. Byl li Rjurikom Rerik Jutlandskij? [Was Rurik of Jutland a Rurik?] // Na granice evropejskogo prostranstva: Severnyj mir. Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshhestva: Tezisy dokladov XXXII mezhvuzovskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Kurbatovskie chtenija». – SPb. – 2013. – S. 186-188. (In Russ.)*
3. *Atanov, P. A. K voprosu o meste zahoroneniya Rjurika: Urochishhe Plakun [On the question of the burial place of Rurik: Plakun tract] // Peterburgskie issledovaniya. – 2014. – № 5. – S. 90-98. (In Russ.)*
4. *Vojtovich, L. V. Rjurik: legendy i dejstvitel'nost' [Rurik: legends and reality] // Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture: sb. st. k 70-letiju professora Igorja Jakovlevicha Frojanova/ Otv. red. Ju. Alekseev, A. Degtjarev, V. Puzanov. M.: Parad. – 2006. – S. 111-121. (In Russ.)*
5. *Vojtovich, L. V. Rjurik i proishozhdenie dinastii Rjurikovichej: novye dopolneniya k starym sporam [Rurik and the origin of the Rurik Dynasty: new additions to the old disputes] // Rusin. - 2013. - № 1. - S. 6-41. (In Russ.)*
6. *Gorskij, A. A. Rus' «ot roda frankov» [Russia "from the family of the Franks"] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. - 2008. - № 2 (32). - S. 55-59. (In Russ.)*
7. *Gorskij, A. A. «Klady vikingov» na frankskoj zemle i nachal'naja istorija Rusi ["Viking Treasures" on Frankish land and the initial history of Russia] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. - 2013.- № 3 (53). - S. 38-39. (In Russ.)*
8. *Gorskij, A. A. Vozniknovenie Rusi v kontekste evropejskogo politogeneza konca I tysjacheletija n. je. [The emergence of Russia in the context of European politogenesis at the end of the 1st millennium AD.] // Rus' v IX-XII vv.: obshhestvo, gosudarstvo, kul'tura. M.: Drevnosti Severa. - 2014. - S. 25-33. (In Russ.)*
9. *Gorskij A. A. Tri zametki k voprosu o russko-germanskijh svyazjah rannego Srednevekov'ja [Three notes on the question of Russian-German relations in the early Middle Ages] // U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnyh i mezhdisciplinarnykh putjah. Jubilejnyj sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko. M.: Institut rossijskoj istorii RAN. - 2018. - C.103-108. (In Russ.)*

10. *Grigorij Turuskij*. Istorija frankov. [The history of the Franks] - M.: Centrpoligraf 2009. - 543 s. (In Russ.)
11. *Gubarev, O. L.* Rjurik i legitimnost' dinastii Rjurikovickej [Rurik and the legitimacy of the Rurik Dynasty] // *Valla*. - 2018. - №4(4). - S. 1-11. (In Russ.)
12. *Gubarev, O. L.* Rjurik Sk'jol'dung. [Rurik Skjeldung] - SPb. Evrazija. 2019. - 320 c. (In Russ.)
13. *Kasikovy, X. i A.* Eshhe raz o Rjurike Novgorodskom i Rorike Datchanine [Once again about Rurik of Novgorod and Rorik the Dane] // *Skandinavskij sbornik*. XXXIII. - Tallin: Olion, 1990. - S. 98-109. (In Russ.)
14. *Klejn, L. S.* Gipoteza v arheologii [Hypothesis in archaeology] // *Rossiiskij arheologičeskij ezhegodnik*. - 2011. - №1. - S.56-69. (In Russ.)
15. *Kuz'min, S. L.* Ladoga v jepohu rannego Srednevekov'ja (seredina VIII - nachalo XI v.) [Ladoga in the Early Middle Ages (mid-VIII - early XI century)] // *Issledovanie arheologičeskikh pamjatnikov jepohi Srednevekov'ja / otv. rjod. A. V. Vinogradov*. - SPb.: Nestor-Istorija, 2008. - S. 69-94. (In Russ.)
16. *Lebedev, G. S.* Jepoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi. [The Viking Age in Northern Europe and Russia] - SPb.: Evrazija. 2005. - 640 s. (In Russ.)
17. *Mavrodin, V. V.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva. [The formation of the ancient Russian state] L. - Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo ordena Lenina universiteta. 1945. - 429 s. (In Russ.)
18. *Machinskij A. D.* Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoričeskij kontekst slozhenija Russkogo gosudarstva v seredine VIII - seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and the historical context of the formation of the Russian state in the middle of the VIII - middle of the XI century.] // *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha : [T.] 49 : Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo Sveta : materialy Mezhdunarodnoj konferencii, sostojavshejsja 14–18 maja 2007 goda v Gosudarstvennom Jermitazhe / Gosudarstvennyj Jermitazh*. – SPb. : Izd-vo Gos. Jermitazha, 2009. - S. 460-538. (In Russ.)
19. *Molchanov, A. A.* Drevneskandinavskij antroponimičeskij jelement v dinastičeskoj tradicii roda Rjurikovickej [The Old Norse anthroponymic element in the dynastic tradition of the Rurik family] // *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: spornye problemy. [IV] Chtenija pamjati V. T. Pashuto*. Moskva, 15-15 aprelja 1992 g. Tezisy dokladov. - M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1992. - S. 44-47. (In Russ.)
20. *Nazarenko, V. A.* O vozmozhnoj interpretacii zahoroneniya v kurgane № 11 plakunskogo mogil'nika [On the possible interpretation of the burial in mound No. 11 of the Plakunsky burial ground] // *Pamjatniki stariny. koncepcii. Otkrytija. Versii*. Pskov. IIMK RAN. - 1997. - T. 2. - S. 94-95. (In Russ.)
21. *Novosel'cev, A. P.* «Mir istorii» ili mif istorii? [The "world of history" or the myth of history?] // *Voprosy istorii*. - 1993. - №1. - S. 23-32. (In Russ.)
22. *Prjadi istorii: Islandskie sagi o Drevnej Rusi i Skandinavii*. [Strands of History: Icelandic Sagas about Ancient Russia and Scandinavia] *Kuz'menko Ju.K. (red.)*. - M.: Vodolej Publishers, 2008. - 324 s. (In Russ.)
23. *Pchelov, E. V.* Rjurik. [Rurik] - M.: Molodaja gvardija, 2010. - 316 s. (In Russ.)
24. *Rybakov, B. A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. - M.: Nauka, 1982. - 590 s. (In Russ.)
25. *Sverdlov, M. B.* Rorik (Hrorikr) i Gordum [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries.] // *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Drevnjaja Rus' v sisteme jetnicheskikh i kul'turnyh svjazej*. VI Chtenija pamjati V. T. Pashuto. - M.: IRI, 1994. - S. 36-37. (In Russ.)
26. *Starshaja Edda*. [The elder Edda.] - SPb.: Izdatel'stvo "Azbuka", 2000. - 464 s. (In Russ.)
27. *Khlevov, A. A.* Eshhe raz o Rjurike [Once again about Rurik] // *Istorija i kul'tura srednih vekov: aktual'nye problemy: tezisy dokladov XXI mezhvuzovskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh učenyh*. - SPb.: SPbGU, 2002. - S. 46-47. (In Russ.)

28. *Shahmatov, A. A.* Skazanie o prizvanii varjagov. [The legend of the calling of the Varangians] - SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1904. - 82 s. (In Russ.)
29. *Shhavelev, A. S.* Hronotop derzhavy Rjurikovichej (911–987 gody). [Chronotope of the Rurik Empire (911-987).] - M.: Akvilon, 2020. - 560 s. (In Russ.)
30. *Ermol'd Nigell.* Iz IV pesni pojemy «Proslavlenie Ljudovika, hristiannejshego Cezarja». (Perevod i komentarii M. R. Nenarokovoj) [From the fourth canto of the poem "The Glorification of Louis, the most Christian Caesar". (Translated and commented by M. R. Nenarokova)] // *Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ja i Vozrozhdenija.* - 2010. - Vyp. Z. Ivanovo. - S.173-180. (In Russ.)
31. *Besteman, J.* Danish rule in West Frisia: a failed Normandy in the 9th century // *Centre–Region–Periphery: Medieval Europe* Basel. 2002. Hertingen, 2002. Vol. 1. P. 446-452.
32. *Givan, R. U.* Searching for Rurik: a Critical Study of the Use of the Frankish Annals in the Writing of Early Russian History // *Journal of the Georgia Association of Historians.* 1994. Vol. XV. P. 193-201.
33. *Keller, Ch.* Furs, Fish and Ivory - Medieval Norsemen at the Arctic Fringe // *Journal of the North Atlantic.* 2010. Vol. 3. P. 1-23.
34. *Kislinger, E.* Eudokia Ingerina, Basileios I, und Michael III // *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik.* Bd. XXXIII. 1983. P. 119-36.
35. *Mango, C.* Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty // *Zbornik radova Vizantoloskog Instituta.* T. XIV-XV. 1973. P. 17-27.
36. *Shepard, J.* The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // *Early Medieval Europe.* 1995. Vol. 4. No. 1. P. 41-60.

Gubarev Oleg Lvovich – independent researcher, historian (St. Petersburg, Russia), lvovichg@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 29.11.2023; принята к публикации: 21.01.2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Губарев О. Л. Даны Рюрика на западе и на востоке в IX-XI вв. (Как меняет взгляд на историю начальной Руси гипотеза о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского) // *Социогуманитарные коммуникации.* – 2024. – № 1(7). – С. 7-20.

FOR CITATION:

Gubarev O. L. Dany Ryurika na zapade i na vostoке v IX-XI vv. (Kak menyaet vzglyad na istoriyu nachal'noj Rusi gipoteza o tozhdestve Ryurika i Ryorika Frislandского) [Data of Rurik in the west and in the east in the IX-XI centuries (How does the hypothesis about the identity of Rurik and Rorik of Fryland change the view of the history of ancient Russia)] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 7-20.

РЕЦЕПЦИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ИСЛАНДИИ В ИСЛАНДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-2020Х ГГ.**О. А. Маркелова**

Изображение первичного заселения Исландии в современной исландской поэзии и прозе в течение 50 лет претерпело заметную эволюцию. Во второй половине XX в. сюжет о первопоселенцах воспринимался как всем известный национальный топос, обладающий, прежде всего, эмоциональной и символической ценностью и, ввиду своей общеизвестности, могущий провоцировать ироническое отношение к себе. В литературе XXI в. в центре внимания уже не символический, но исторический и психологический аспекты этого события.

Ключевые слова: рецепция, «Книга о занятии земли», Landnámabók, древнеисландская литература, исландская поэзия XX века, исландская проза XXI века, исторический роман, поэзия.

Занятие земли (landnám) – событие, без которого не существовало бы исландского общества и исландской культуры. Сам этот процесс описан в древнеисландском источнике «Книге о занятии земли» (Landnámabók) [6] - тексте, сохранившиеся рукописи которого датируются XII-XIII вв., т. е. два столетия спустя после самого заселения. Датой заселения Исландии считается 874 год (во всяком случае, именно эта дата фигурирует в официальном дискурсе). Сюжет о первичном заселении острова в исландской литературе в чём-то сродни сюжету мифа о первотворении и о первых культурных героях. (Об этом неоднократно писали исследователи самой «Книги о занятии земли», см., напр., [3], [5]).

С течением веков «Книга о занятии земли» подвергалась разнообразной рецепции, и каждая эпоха переосмысляла её по-своему. Особенно пристальное внимание на неё обратили в XIX веке, в эпоху национального романтизма: в 1835 году в журнале «Фьельнир» (печатном органе исландцев, выступавших за культурную независимость от Дании) было опубликовано стихотворение поэта Йоунаса Хатльгримссона (1807-1845), в котором первые поселенцы на острове именовались „feðurnir frægu og frjálsráðu hetjurnar góðu“

(пращурь знаменитые и герои свободы добрые). В 1874 г. другой крупный исландский поэт - Маттиас Йокумссон (1835-1920) пишет стихотворение „Minni Ingólfs“ – «Памяти Ингольва», где речь идёт об Ингольве Арнарсоне – человеке, которому приписывают лавры первого поселенца в Исландии. По жанру это ода, а Ингольв там именуется „Ingólfur Arnar-bur íturhreinn í lundi“. (Ингольв отпрыск Арна, помыслами чистый). (Оба примера цитируются по [4, bls. 377-378]).

К XX веку романтический и героический пафос в стихах о первопоселенцах уступает место скептицизму. Если в 1930х гг. крупный поэт Давид Стефанссон ещё называет первопоселенцев „þér landnemar, hetjur af konungakyni“ (вы, поселенцы, герои королевского рода) (цит.по. [4, bls. 378]), то в 1942 году Стейнн Стейнарп (1908-1958) (известный в истории литературы как первый – или, во всяком случае, самый заметный – исландский поэт-модернист) описывает первопоселенца от первого лица следующим образом: „ég er lítill maður og lágur til hnésins“ («я человек маленький, и колени у меня низкие») (цит.по. [4, bls. 378]) – портрет первопоселенца является крайне сниженным.

В данном исследовании меня будет интересовать рецепция заселения Исландии (и «Книги о занятии земли») в исландской поэзии и прозе последних десятилетий XX в. начала XXI в.

В 1972 году рок-поэт Мегас (Магнус Тоур Йоунссон, род. 1945) выпустил песню «О бесполезной находчивости Ингольва Арнарсона», входящую в цикл о ключевых исторических деятелях Исландии, где они предстают в сниженном виде, а их биографии пересказываются языком деклассированных жителей Рейкьявика. Текст «О бесполезной находчивости Ингольва Арнарсона» („Um óþarflega fundvísi Ingólfs Arnarsonar“) построен как типичная патриотическая песня: исторические лица выступают только в функции символов славного прошлого, подчеркнута преемственность времен от древности к современности. Однако современность у Ингольва в тексте сомнительная: там присутствует отсылка к холму Арнархотль, на котором стоит статуя Ингольва, а в 1970-80е гг. собирались рейкьявикские алкоголики. На Ингольва возлагается ответственность за все недостатки современного исландского общества и за суровый климат острова (страдания от холода по ночам, очевидно, отсылает к завсегдашней этому холма). Вместо оды первому поселенцу на исландской земле Мегас создает «антиоду». Последняя строфа звучит так:

Dví segi ég skál fyrir Fróni og Fjölni
og allt það
og firðum snjöllum sem þar hafa
skrímt og hrokkið
við minnumst Ingólfs Arnarsonar í
veislum
en óskum þess að skipið hans það
hefði sokkið [8, bls. 63]

И мы на пиру высоко поднимем
бокалы
за великих героев, что создавали
страну,
и Ингольва вспомним – но про себя
пожелаем,
чтобы корабль его лучше пошёл бы
ко дну¹.

Как замечает исландский историк Гюннар Картльссон: «сложно зайти дальше в развенчивании истории о нашем первопоселенце» [4, bls. 379].

К известным персонажам и сюжетам «Книги о занятии земли» обращается и другой крупный поэт – Тоураринн Эльдьяуртн (род. 1948).

В 1980-1990е гг. он написал несколько стихотворений о первопоселенце Ингольве. Согласно «Книге о занятии земли» Ингольв, подплывая к земле, выкинул в море столбы от своего почётного сидения, потом поручил рабам искать их и воздвиг жилище там, где они нашлись – на месте современного Рейкьявика. [6, bls. 42, 44-45]. (Стилизованное изображение этих столбов помещено на современном гербе исландской столицы).

Пример иронического осмысления Ингольва Арнарсона в творчестве Тоурарина Эльдьяуртна можно видеть в детском стихотворении „Ingó“. (Рус. перевод – «Про первопоселенца Ингольва Арнарсона»). В нём герой носит современное уменьшительное имя и оказывается «в правильном Рейкьявике в совершенно неправильную эпоху» — в современном городе, где есть резиновые галоши, телефоны и посудомоечные машины. Герой - одновременно живой человек, случайно переместившийся в современность из прошлого, и поставленный этому человеку памятник.

¹ Художественный перевод принадлежит автору статьи, неопубл.

Hann kemur auga á ótal hús,
með uppþvottavél og síma:
HANN ER Í RÉTTRI REYKJAVÍK
Á RÖNGUM KOMUTÍMA.

Hann gengur upp á grænan hól
og gerist fyllibytta,
og er þar síðan alla tíð
algjör myndastytta. [14, bls 452]

Вокруг дома; в них телефон,
кофейник на плите...
Всё верно: в Рейкьявике он,
да времена не те!

С досады запил, загулял
он на холме горбатым
и с той поры на нём стоял –
как статуя [2].

Как и в тексте Мегаса, коннотации, связанные в современном Рейкьявике с этим памятником, снова переносятся на самого Ингольва. В последней строфе он принимает черты городских пьяниц, собирающихся вокруг его памятника.

Столбы от почётной скамьи Ингольва используются как символ в стихотворении «Tillaga umhandhægt ferðasett handa róetískum flóttamönnum» («Проект походного набора для поэтических беженцев»). В тексте этого стихотворения ни разу не упоминается имя самого Ингольва - только столбы и мотив бегства, изгнанничества. (Согласно формулировке, неоднократно встречающейся в «Книге о занятии земли», многие норвежцы – и Ингольв не был исключением - бежали на вновь открытые земли в северной Атлантике „fyrir ofríki Haralds konungs hárfagra“ - «из-за произвола Харальда Прекрасноволосого»). Хотя в стихотворении не упоминается сам Ингольв, там фигурируют его рабы Вивиль и Карли (с которыми связано несколько топонимов на юго-западе Исландии).

Облик столбов в стихотворении весьма нечёток. (Впрочем, в наше время археологи не в состоянии сказать, как в

точности выглядела эта реалья древне-скандинавского быта).

Súlurnar
þurfa umfram allt
að vera meðfærilegar
best er að á þeim sé handfang eða takki
svo hægt sé að losa þær eldsnöggt
frá hinum hæga sessi [14, bls. 226].

Столбы
должны быть такими
чтоб их удобно было брать с собой
лучше всего, чтоб они были с ручками
или с кнопками
чтоб мгновенно отстегнуть их
от почётного сидения [2].

Судя по этому фантасмагорическому описанию столбов, в данном случае вещь, изначально призванная маркировать некое важное место в доме, приспособляется к потребностям героя, оставившего свой дом. Также они входят в некий «походный набор для поэтических беженцев», — т. е. их связь с поэзией манифестируется с самого начала стихотворения. В заключительной части стихотворения столбы взлетают. Таким образом, они превращаются в универсальный символ «возвышенного», актуализуя расхожее представление об Исландии как о «поэтической» стране».

Тенденцию описания заселения Исландии в символическом ключе, возможно, даже оторванном от исторических реалий и от реалий древних текстов, можно видеть в цикле Сигурда Паульссона „Ljóðnámuland“ («Землювзялстих»). Это длинный цикл из книги стихов „Ljóðnámusafn“ («ВСЁВЗЯЛСТИХ»), написанных в 1980-1990е гг. Процесс отплытия по морю и заселения новой земли описывается там как происходящий здесь и сейчас от первого лица мн.ч. (плывут некие «мы»). Главный объект описания – впечатления и переживания лирических героев. Из предметного мира там описано только то, что не имеет атрибуции к конкрет-

ной исторической эпохе: море, природные объекты. Занятие земли оказывается одновременно делом очень личностным и универсальным. Отсылки к конкретным реалиям в истории Исландии и культуре Скандинавии там немногочисленны, но могут быть восприняты читателем, знакомым с ними. Так, в первом стихотворении цикла фигурирует слово „ofríki“ («произвол») – в «Книге о занятии земли» именно оно используется для характеристики политики Харальда Прекрасноволосого. (Примечательно, что там же фигурирует „ljónshjarta“ («львиное сердце»), отсылающее уже к другой исторической личности; впрочем, эта отсылка здесь никуда не ведёт).

I. Ofríkið græddi í okkur ljónshjarta
Hvergi var lengur vettvangur okkar né tún
Flóttinn mesta hetjudáðin [9, bls. 15]

От произвола чужого сердца у нас сделались львиными
Не осталось ни поля нам, ни покоса
Величайшей доблестью стало бегство [1, с. 13].

Переселение в новые земли оказывается для героев отчасти оксюморонным действием: они пускаются в бегство от грозящего им зла, однако это бегство является проявлением не трусости, а мужества.

В третьем стихотворении цикла упоминаются вороны и столбы:

III Hrafnar flugu úr huga okkar frjálsir
Súlur svömluðu
með rótfestu okkar alsetta verndarorðum

Súlur og hrafnar:
Boginn og örvarnar
Tréð og söngur fuglanna
Staðfestan og hugarflugið [9, bls. 17]

Вылетели вороны
из мыслей наших вольные
закачались столбы на волнах
с нашим корнем обсаженным
словами осторожными

Столбы и вороны:
лук и стрелы
дерево и птичья песнь
устойчивость и полёт мысли [1, с. 17].

Это отсылка к двум сюжетам: 1) сюжету о Храпна-Флоки («Флоки с воронами»), одному из первопоселенцев (который, впрочем, не задержался в Исландии надолго). Согласно «Книге о занятии земли», он выпустил с корабля ворона, чтоб тот указал, близко ли суша. [6, bls. 36] Сам по себе ворон – птица, обладающая множеством мифологических коннотаций, так что в этом стихотворении отсылка к «Книге о заселении земли» прочитывается одновременно и как мифологическая аллюзия – особенно, если принять во внимание, что эти вороны вылетают «из мыслей» - явная отсылка к воронам Одина, Хугину и Мунину, чьи имена означают «мысль» и «память». Поселенцы на новых землях, ни много, ни мало, уподобляются богам – очевидно, демургам, т. к. им предстоит создать с самого начала новый мир. Столбы в данном тексте отсылают к уже упомянутому сюжету об Ингольве.

Настроение всего цикла очень оптимистично: радость новых открытий и новых возможностей созидания:

V Landslagið
Landslögin

Landslag skal byggja
Með landslögum byggja

Ný fjöll og nýir staðir
Óskrifaðar arkir
Kitlandi hugsun:
Hér á ég heima
Petta landslag mun fylgja mér

á efsta degi
Héðan verða
minningar

Nú er að lifa! [9, bls. 19]

Располагается
и полагается

На земле, что здесь расположена,
будем жить, как законом положено

Новые горы, новые веси
неисписанные листы
и щекотная мысль
Здесь мой дом
этот пейзаж будет со мной
в последний мой день
отсюда пойдут
воспомианья

Теперь мы здесь заживём! [1, с. 21].

Слова „Landslagið – Landslögin“ в этом стихотворении – также отсылка к древнескандинавским текстам, в первую очередь – аллюзия на знаменитую крылатую фразу „Með lögum skal land byggja“ («На законах земля/страна должна зиждиться»). Само слово landslög“ может быть прочитано как мн.ч. от „landslag“ – «ландшафт», но и как „lands-lög“ = «Законы странь». В пределах одного слова соединяется ландшафт и социум, и интерпретации могут быть многогранными.

В той же книге «ВСЁВЗЯЛ СТИХ» есть длинное стихотворение под названием „Landnámið“ [9, bls. 103-106], (рус. перевод – «В новые земли» [1, сс. 157-161]. Примечательно, что оно завершает собой цикл „Ljóðnámumenn“ (Людвзялстих), где речь идёт об авторах (!) знаменитых саг, т.е. гениальных средневековых прозаиках, не известных по именам. Все авторы саг в этом цикле обладают чертами демиургов: автор «Саги о Ньяле» даёт горе имя [9, bls. 99; 1, с. 150]. Автор «Саги о людях из Лососьей долинь» вычитывает из небес-

ных явлений сюжет будущей саги [9, bls. 102; 1, с. 155], автор «Саги о людях из Озёрной долинь» видит во сне мифологические символы, языческие и христианские [9, bls. 100; 1, с. 153]. (Подробно об этих стихотворениях см.: [7]). В таком контексте заселение земли – то, что предшествует деятельности всех этих демиургов. Место этого стихотворения в цикле даёт ему следующее прочтение: если в предыдущих стихотворениях цикла речь шла о частных случаях первотворения (а таким случаем несомненно является художественное творчество, в данном случае, написание саги), то заселение земли – всеобъемлющее первотворение. В финале этого стихотворения девушка, участвующая в заселении земли, спутница лирического героя, превращается в божественную фигуру: играет на арфе, подобно музе. Если в предыдущих стихотворениях речь шла об отдельных авторах, то здесь – о том, кто стоит за созданием этих текстов.

Уже в XXI веке значимых текстов о заселении Исландии становится меньше, и среди них преобладают прозаические тексты.

В романе Пьетора Гюннарссона (Pétur Gunnarsson, род. 1947) «Картина мира» (Myndin af heiminum, 2000) заселению Исландии отведена важная роль. Сам роман построен как стилизация средневековых исторических сочинений: история в нём начинается от сотворения мира, и заселение Исландии вписано в мировой исторический процесс.

Книга Идунн Стейнсдоттир (Ídunn Steinsdóttir, род. 1940) «Маленькие первопоселенцы» (Litlu landnemarnir, 2001) – исторический роман, адресованный детям, в котором переселение в Исландию из Норвегии описывается с точки зрения троих детей, Исольва, Атли и их сестры по имени Хельга. Все трое обладают разными характерами, и их отношение к расставанию с родными краями и дальнему плаванию оказывается разнообразным. В романе одним из

персонажей является рабыня родом с Гебридских островов, описываются подробности плавания, присвоения земли, языческие обряды. Героический дискурс уступает место будничному, центральная фигура отважного перво-поселенца уступает место фигурам женщин и детей. (См. [4, bls. 379-380]). Примечательно, что эта книга выпущена издательством „Námsgagnastofnun“, специализирующимся на учебной литературе для школьников, - т.е. описание заселения Исландии в ней следует воспринимать как некое основополагающее эталонное представление об этом историческом событии, которое должны получить юные читатели.

В исландской культуре много веков сохранялось восприятие Занятие земли как некоего начала её истории «с чистого листа» - это вошло в господствующий дискурс в историографии и оттуда перешло в художественную литературу. Но в XXI веке филологи и историки всё чаще обращают внимание на то, что скандинавоцентричный дискурс здесь может быть не вполне корректен. В тексте «Книги о занятии земли упоминается, что до появления в Исландии скандинавов на острове жили некие ирландские монахи-отшельники, очевидно, не воспринимающиеся как «настоящее» население острова [6, bls. 31-32]. Мнения об их количестве и их влиянии на природу острова и об их взаимоотношениях со вновь прибывшими скандинавами могут быть самыми разнообразными. (См., напр., [4], [11]. Также в заселении острова принимали участие не только одни скандинавы, но и представители других народов и культур [13] (которые, возможно, были рабами).

Ирландские монахи находятся в центре повествования в рассказе Steinunn G. Helgadóttir «Литургия» (Tíðasöngur, 2023), где герои пускаются в плавание по следам св. Брендана, заходят на множество островов и остаются на последнем, абсолютно безлюдном, в описании которо-

го безошибочно узнаётся исландский пейзаж с чёрным песком, горами и дымящимися горячими источниками [10].

Особо следует выделить роман Вильборг Давидсдоттир «Кровавая земля» (Blóðug jörð, 2017), заключительную книгу в её трилогии об Ауд Мудрой. В романе Вильборг описано, как Ауд Мудрая с семьёй и домочадцами отправляет с Гебридских островов на корабле, который велела построить тайком. (Прежде, чем доплыть до Исландии, Ауд сделала остановку на Оркнейских и на Фарерских островах, где выдала своих дочерей замуж. Хронология в романе нелинейная). Роман открывается подчёркнуто будничной сценой: Ауд ночью встаёт проведать ребёнка – и видит землю. Исландия описана как пространство, о котором героиня что-то слышала: в описании земли присутствуют отсылки к известным ей людям, исландские топонимы, героине уже известно, кто занял землю на острове: для неё Исландия – не «терра инкогнита», а уже обжитое и окультуренное пространство. Однако вскоре выясняется, что это заочно знакомое пространство негостеприимно: пейзаж мрачен; герои не могут причалить из-за прибоя, и их корабль разбивается. [12, bls. 17-18ff]. Дискурс «заселения земли» становится во-первых, женским, а во-вторых, кельтоцентричным: у самой Ауд много домочадцев-ирландцев, а первые, кого она встречает в Исландии – ирландский отшельник и живущие у него кельты: Эльвин и его приёмная дочь – маленькая девочка Кириин. В романе упоминается эпизод из «Книги о занятии земли»: когда Ингольв занял землю вместе со своим побратимом Хьёрлейвом. Однако «исландский перво-поселенец №1» в романе почти не упоминается, а Хьёрлейв, напротив, играет там существенную роль. В самой «Книге о занятии земли» был эпизодическим персонажем, и о его жизни в Исландии известно следующее: он был убит своими ирландскими рабами. [6, bls. 42-43].

В романе Вильборг Хьёрлейва часто вспоминают персонажи-кельты и характеризуют его как сурового рабовладельца. То, что в «Книге о занятии земли» было проходным эпизодом, в «Кровавой земле» становится основой для важной сюжетной линии, связанной с Эльвином и Кирином: Кирин оказывается незаконнорожденной дочерью Хьёрлейва от ирландской рабыни, и эти персонажи рискуют быть узанными другими скандинавами; Ауд старается оградить их от неприятностей – и, в частности, эта необходимость в романе становится причиной её передвижений по Исландии.

История заселения Исландии в интерпретации Вильборг сильно отличается от дискурса официальной историографии: Исландия выходит не скандинавской и языческой, а кельтской и христианской. В романе очень много вкраплений на ирландском языке, в т. ч. цитируется псалом.

Об Ауд (Унн) Мудрой существует два основных древнеисландских источника: «Сага о людях из Лососьей долины», где она язычница, и после смерти её хоронят в кургане, - и «Книга о занятии земли», где она христианка; согласно этому источнику, Ауд просит похоронить её на приливной полосе, т. к. не желает после смерти лежать в неосвящённой земле). В книге Вильборг Давидсдоттир описание Ауд в целом следует «Книге о занятии земли», однако некоторые события её жизни в Исландии подвергаются в романе переосмыслению. Например, в «Книге о занятии земли» есть эпизод: Хельги Бьолан, родич Ауд, у которого она первоначально попросила пристанища в Исландии, оказал ей неуважение тем, что встретил её со слишком малочисленной свитой, и поэтому она не пожелала дольше оставаться у него и отправилась жить в другую часть острова. У Вильборг её уход от Хельги получает другую мотивировку: Хельги не пускает на порог половину из её ирландских домочадцев из-за

их сословной принадлежности, и Ауд не может простить ему это. [12, bls. 264ff].

Эпилог романа – бытовая сцена, в которой Ауд и её семья занимаются хозяйством и нянчат детей; там присутствует ребёнок Олав Фейлан, внук Ауд, про него отмечается, что он знает по-гэльски больше слов, чем по-скандинавски, и Ауд учит его исландским словам (обозначениям исландской фауны), затем ставит его на землю и говорит: „Gakktu nú einn og sjálfur!“ («А теперь иди один и сам!») [12, bls. 289-291]. Эту сцену можно интерпретировать следующим образом: вместо нестандартной, кельтской и женской истории Исландии, показанной в романе, скоро начнётся традиционный дискурс: скандинавский и мужской: по исландской земле запагал исландец нового поколения, потенциальный носитель скандинавской культуры. Но при этом поддерживает его всё равно Ауд, которая в романе выступает как носитель не национального, а космополитического сознания и христианства. Эту сцену можно интерпретировать таким образом, что традиционный исландский национальный дискурс вырастает из другого начала, даже из прямо противоположного.

У романа есть послесловие, в котором Вильборг объясняет методы своей работы с источниками, в т. ч., почему она выбрала именно версию «Книги о занятии земли», а не «Саги о людях из Лососьей долины», а также происхождение имён авторских кельтских персонажей (их имена созданы на основе топонимов Южной Исландии). [12, bls. 295-300].

Заселение Исландии в интерпретации исландских авторов XXI в. перестаёт быть событием лишь национального масштаба, а становится фактом общей истории Северной Европы.

Одновременно в XXI в. оно перестаёт восприниматься в литературе как явление символического, мифологического порядка. В литературе конца

XX в. апелляция происходит именно к символическому статусу Заселения Исландии и его деятелей (которые описаны так, что при этом стирается граница между живым человеком и памятником, как в рассматривавшихся здесь стихотворениях Тоурарина Эльдъяуртна и Мегаса), то в текстах XXI в. отсылки к этому статусу редки. Показательно, что если в 1970-1990х гг. к теме Заселения в основном обращались поэты, то в XXI в. к ней обращаются авторы исторических романов: род литературы, в котором важен символический и эмоциональный статус значимого события (и отношения поэта к нему), сменяется родом литературы, подразумевающим реалистическое описание деталей.

Происходит эволюция в осмыслении Занятия земли. В XX в. авторы, обращавшиеся к этой теме, исходили из

того, что имеют дело с широко известным (и даже заезженным) топосом, из чего следует, что пересказывать в произведении всем известный сюжет (о столбах от почётного сидения, о воронах и пр.) нет смысла, важнее выразить собственные впечатления от него. (И при этом можно позволить себе иронию или юмор). Но в XXI в. перспектива меняется с национальной на универсальную. Вопрос ставится не: «Что это событие значит для исландского народа и его национальной идентичности?», а «Что это событие значит для читателя как человека с его эмоциями?», не «Заселение – событие, которое обязан знать и чтить каждый исландец», а «Заселение – прежде всего событие, в котором участвовали живые люди со своими чувствами». Символизм уступает место психологизму, а ирония исчезает.

Список источников и литературы⁴

1. Сигурд Паульссон. ВСЁВЗЯЛСТИХ. Пер. О.А.Маркеловой. М., 2002. URL: <https://dimentionen.wixsite.com/haabetstrae/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B> (дата обращения: 01.11.2023)
2. Торарин Эльдъяуртн (пер.О.А.Маркеловой) // Русское поле. Содружество литературных проектов.7/ 2016. URL: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/7557> (дата обращения: 01.11.2023)
3. Adolf Friðriksson and Orri Vésteinsson. “Creating a Past: A Historiography of the Settlement of Iceland”. In: Contact, Continuity and Collapse. The Norse Colonization of the North Atlantic. Edited by James H. Barrett. Brepolis, 2003. Pp. 139-161.
4. Gunnar Karlsson. Landnám Íslands. Handbók í íslenskri miðaldarsögu II Háskólaútgáfan, Reykjavík, 2016
5. Hoefig, Verena: „Foundation Myth in Sturlubók: An Analysis of the Tale of Ingólfr and Hjörleifr“. In: Sturla Þórðarson: Skald, Chieftain and Lawman (ed. Jón Viðar Sigurðsson & Sverrir Jakobsson), Brill, 2017. Pp. 70-82.
6. Íslendingabók. Landnámabók. Fyrri hluti. Jakob Benediktsson gaf út. Hið íslenska fornritafélag. Reykjavík 1986
7. Markelova O. Receptionen af den oldislandske litteraturarv i den islandske digtning i afslutningen af det 20. århundrede: digte af Sigurður Pálsson. Scandinavian Philology, 2020, vol. 18, issue 1, pp. 131–141.
8. Megas. Textar 1966-2011. JPV útgáfa, Reykjavík 2012
9. Sigurður Pálsson. Ljóð námu safn, JPV útgáfa, Reykjavík 2008
10. Steinunn G. Helgadóttir. Tíðasöngur. / Stelkur. Smásagnavefrit. Haust 2023. URL: https://stelkur.is/?page_id=116&fbclid=IwAR0gONh2Zv5hzHrqkPUeBOHU9mb50JcEV8B-RR3w0Ry37QEdvv_ghYhB7o (дата обращения: 13.10.2023).

⁴ В списке литературы принят порядок, применяющийся в исландских библиографиях: труды исландских авторов вносятся в алфавитный список на ту букву, с которой начинается их личное имя, в связи с отсутствием у большинства исландцев фамилий и наличием лишь отчеств.

11. *Um landnám á Íslandi. Fjórtn erindi. Guðrún Ása Grímsdóttir (ed.) Vísindafélag Íslendinga, Reykjavík 1996*
12. *Vilborg Davíðsdóttir. Blóðug jörð. Mál og menning, Reykjavík 2017.*
13. *Wilson, Kendra Jean. „Hidden Languages in Early Iceland“. In: Íslendingasögur. 17. Alþjóðlega fornsagnabíngið/ 17th International Saga Conference, Reykjavík og Reykholti, 12.-17. ágúst 2018, pp. 183-184*
14. *Þórarinn Eldjárn. Kvæðasafn. Vaka-Helgafell, Reykjavík 2008*

Маркелова Ольга Александровна - кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Москва, Россия), dimentionen@yahoo.dk

PERCEPTION OF THE SETTLEMENT OF ICELAND IN ICELANDIC FICTION OF THE 1970-2020IES

O. A. Markelova

Representation of the settlement of Iceland in modern Icelandic prose and poetry has undergone massive changes during the last 50 years. In the second half of the 20th century the plot of the first settlers was regarded as a widely known national topos, of first and foremost emotional and symbolic value, which could be exposed to ironical attitude, being the matter of common knowledge. In the literature of the 21st century the focus of attention is not on the symbolic, but on the historical and the psychological dimension of the Settlement.

Keywords: perception, The Book of the Settlement of Iceland, Landnámabók, Old Icelandic literature, Icelandic poetry of the 20th century, Icelandic prose of the 21st century, historical novel, poetry.

References

1. Sigjurd Paul'sson. VSJoVZJaLSTIH. Per. O. A. Markelovoj. M., 2002. URL: <https://dimentionen.wixsite.com/haabetstrae/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B> (accessed: 01.11.2023) (In Russ)
2. Torarin Jel'djartn (per.O. A. Markelovoj) // Russkoe pole. Sodruzhestvo literaturnyh proektov.7/ 2016. URL: <http://ruszhizn.ruspole.info/node/7557> (accessed: 01.11.2023) (In Russ)
3. Adolf Friðriksson and Orri Vésteinsson. "Creating a Past: A Historiography of the Settlement of Iceland". In: Contact, Continuity and Collapse. The Norse Colonization of the North Atlantic. Edited by James H. Barrett. Brepolis, 2003. Pp. 139-161.
4. Gunnar Karlsson. Landnám Íslands. Handbók í íslenskri miðaldarsögu II Háskólaútgáfan, Reykjavík, 2016. (In Icelandic)
5. Hoefig, Verena: „Foundation Myth in Sturlubók: An Analysis of the Tale of Ingólfr and Hjörleifr“. In: Sturla Þórðarson: Skald, Chieftain and Lawman (ed. Jón Viðar Sigurðsson & Sverrir Jakobsson), Brill, 2017. Pp. 70-82
6. Íslendingabók. Landnámabók. Fyrri hluti. Jakob Benediktsson gaf út. Hið íslenska fornritafélag. Reykjavík 1986 (In Icelandic)
7. Markelova O. Receptionen af den oldislandske litteraturarv i den islandske digtning i afslutningen af det 20. århundrede: digte af Sigurður Pálsson. Scandinavian Philology, 2020, vol. 18, issue 1, pp. 131–141. (In Danish)
8. Megas. Textar 1966-2011. JPV útgáfa, Reykjavík 2012 (In Icelandic)
9. Sigurður Pálsson. Ljóð námu safn, JPV útgáfa, Reykjavík 2008 (In Icelandic)

10. Steinunn G. Helgadóttir. Tíðasöngur. / Stelkur. Smásagnavefrit. Haust 2023. URL: https://stelkur.is/?page_id=116&fbclid=IwAR0gONh2Zv5hzHrqkPUeBOHU9mb50JcEV8B-RR3w0Ry37QEdvv_-qhYhB7o (accessed: 13.10.2023). (In Icelandic)
11. Um landnám á Íslandi. Fjórtaán erindi. Guðrún Ása Grímsdóttir (ed.) Vísindafélag Íslendinga, Reykjavík 1996 (In Icelandic)
12. Vilborg Davíðsdóttir. Blóðug jörð. Mál og menning, Reykjavík 2017 (In Icelandic)
13. Wilson, Kendra Jean. „Hidden Languages in Early Iceland“. In: Íslendingasögur.
17. Alþjóðlega fornsagnaþingið/ 17th International Saga Conference, Reykjavík og Reykholti, 12.-17. ágúst 2018, pp. 183-184
14. Þórarinn Eldjárn. Kvæðasafn. Vaka-Helgafell, Reykjavík 2008 (In Icelandic)

Markelova Olga Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, independent researcher (Moscow, Russia), dimentionen@yahoo.dk

Статья поступила в редакцию: 02.11.2023; принята к публикации: 10.01.2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Маркелова О. А. «Рецепция заселения Исландии в исландской художественной литературе 1970-2020х гг.» // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 21-30.

FOR CITATION:

Markelova O. A. Recepcija zaselenija Islandii v islandskoj hudozhestvennoj literature 1970-2020h gg. [Perception of the settlement of Iceland in icelandic fiction of the 1970-2020ies]. // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 21-30.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В ШВЕЦИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

И. А. Цвериганашвили

Статья посвящена истории становления многообразного и комплексного явления охраны природы и решения экологических проблем на своем раннем этапе – конце XIX – первой половине XX в., – когда речь шла об отдельных инициативах экологически настроенных энтузиастов (П. А. Сэве, Р. Сернандера, К. Старбэка и пр.) в разных частях страны. К середине XX в. в Швеции произойдет как рост экологической сознательности, так и формирование полноценного экологического законодательства, а явление охраны природы станет повседневной практикой.

Ключевые слова: Швеция, охрана природы, охрана окружающей среды, экологические проблемы, национальный парк, природоохранное законодательство.

Несомненным является тот факт, что антропогенное воздействие на природу в настоящий момент давно стало признанным явлением, а окружающая нас природа давно подвергается различным трансформационным изменениям. Достаточно давно возникла идея создания охраняемых и заповедных территорий, но в разных странах к этой идее приходили на различных этапах исторического развития. Так, идея сохранения первозданной природы для живущих и последующих поколений в Швеции возникла довольно поздно, только в последней четверти XIX в. В 1877 г. своём эссе в журнале Шведской ассоциации охотников педагог и готландский общественный деятель Пэр Арвид Сэве (1811–1887) дал широкую трактовку обязанностям человека по отношению к животным и описал множество идей, которые сегодня включены в программу природоохранного движения: идея наделяния животных юридическими правами, обсуждение термина «благополучие животных», необходимость создания природоохранных территорий и т. д. [12]. Спустя три года знаменитый путешественник и полярный исследователь Нильс Нурденшёльд (1832–1901) написал статью, посвященную необходимости создания природоохранных территорий в Север-

ной Европе [11]. Он рассуждал об опасности и уроне, которые сельское хозяйство несет природным ландшафтам, уникальной и уязвимой флоре и фауне. Нурденшёльд предлагал создание заповедных территорий в Швеции и соседних государствах [10]: «...где земли и воды будут нетронуты, где не будут падать деревья, травы не будут скошены, и где животные будут бродить в покое, без шанса быть убитыми на охоте...» [6, s. 12].

Заметим, что эти предложения не привлекли мгновенного внимания. Только спустя четверть века проблематика охраны природы получила новый импульс, инициированный выдающимися представителями национальной интеллигенции: биологом Рутгером Сернандером [3] (1866–1944), орнитологом Густавом Кольтхоффом (1845–1913), натуралистами Паулем Росениусом (1865–1957) и Вильгельмом Вёллером (1848–1927) и многими другими. Настоящий прорыв в шведском природоохранном движении произошел в 1904 г. Немецкий профессор Гуго Конвенц (1855–1922) выступил 22 января перед Шведским антропологическим обществом с речью «Опасности, угрожающие природному ландшафту, растениям и животным Швеции и предложения по их защите», которая вызвала бурную дискуссию в академических кругах и

подняла интерес к охране природы до небывалого ранее уровня. Важной идеей Конвенца стала необходимость создания и прочного закрепления природоохранного законодательства. Менее чем через месяц, в феврале того же года, педагог и общественный деятель Карл Старбэк (1863–1931) внес в нижнюю палату риксдага предложение о создании национальных парков и охране памятников природы [1]. 13 мая бумаги были отправлены для рассмотрения правящему на тот момент монарху – Оскару II [2]. При Королевской Академии наук была создана специальная комиссия, чьи усилия были направлены на доработку проекта – внесение дополнительных предложений, опрос экспертного сообщества и т. д. Осенью 1905 г. нерешенным оставался вопрос о том, какие территории должны войти в перечень заповедных. Только в 1907 г. комиссия из Старбэка, зоолога Эйнара Лённберга (1865–1942) и юриста Луи Амина (1862–1926) сформировала очередной пакет поправок к законопроекту и вдохнула новую энергию в теряющий жизнь проект [5]. Академия наук и парламент фактически никак не участвовали в реализации проекта. Наконец, 25 июня риксдаг одобрил необходимый законопроект.

Благодаря этому решению в Швеции был принят первый закон об охране природы и открыты 10 первых национальных парков. Охрана природы и решение государственных экологических проблем были поручены Министерству сельского хозяйства при посредничестве комитета по охране природы при Академии наук. Так, большая часть работы по охране памятников природы перекладывалась именно на академию [8]. Стоит отметить, что комитет с момента его создания работал в крайне стесненных финансовых условиях. Его членам не платили заработную плату и только секретарь комитета получал скромный гонорар – вся работа комитета строилась на энтузиазме и

идеализме его участников. Кроме того, комитет вёл государственный реестр природных ресурсов, занимался активной публикационной деятельностью [4], выпуская две серии изданий, посвященных природоохранной деятельности [7]. 16 мая 1909 г. было создано Общество защиты природы (общественная организация), главной задачей которого было объединение всех неравнодушных к охране природы граждан. Довольно быстро стали появляться и региональные представительства – в Скараборге и Сконе. Через год, в 1910 г., общество начнет выпускать собственный журнал – *Sveriges natur*.

Упомянутые события способствовали оживлению общественной дискуссии. Одним из наиболее заметных участников этой полемики стал ранее упомянутый профессор Рутгер Сернандер. Ещё в 1909 г. он указывал на необходимость более интенсивной работы в сфере охраны природы, но тогда он услышан не был. Фактически его проигнорировали и в 1924 г., когда обращался в министерство земледелия с письмом, указывающим на недостатки современного ему экологического законодательства. Однако и это прошение не вызвало реакции со стороны властей. Только спустя 10 лет, весной 1934 г., министр Артуром Энгбергом (1888–1944) уполномочил Сернандера провести единоличную инспекцию шведских природоохранных территорий и дать свои предложения. 1 июля 1935 г. Рутгер Сернандер представил двухсотстраничный отчет с предложениями об организации охраны природы в Швеции [13]. В его предложениях не было ничего революционного – Сернандер предлагал создать отдельное государственное учреждение по охране природы (в ведении министерства по делам церкви, под чьим началом он и проводил работу), ввести должность префекта по охране природы, который также руководил бы коллегией высококвалифицированных учёных-биологов. То есть речь

шла о дальнейшем участии академического сообщества в решении экологических проблем, что и спустя много лет кажется совершенно справедливой идеей. Однако комитет по охране природы при Академии наук на своём заседании в феврале 1936 г. предложения Сернандера категорически отверг, а государственные органы не взяли его в работу. Заметим, что при этом в конце 1930-х и начале 1940-х гг. в риксдаг вносились многочисленные предложения по охране природы как отдельными лицами, так и общественными объединениями. Однако обстановка в стране, как и во всей предвоенной Европе, не способствовала дальнейшему росту этих инициатив.

В сентябре 1946 г. дело сдвинулось с мёртвой точки, министром сельского хозяйства – Пэром Эдвином Щёльдом (1891–1972) – с одобрения Густавом V был сформирован комитет по реформированию природоохранного законодательства. В комитет вошли семь человек, в частности юрист и офицер королевского флота Кнут Эллиот (1897–1970) и граф Эдвард Альфред Спенс (1886–1951). К декабрю 1950 г. комитет закончил основную часть работы над

новыми законопроектами. Через полтора года, пройдя формальные процедуры в риксдаге, Швеция получила новое природоохранное законодательство [9]. Юрист Йоста Валин (1902–2002) по просьбе Общества защиты природы написал обзор нового законодательства, где доступно объяснил нововведения и изменения [14]. Так, большая часть природоохранной деятельности теперь возлагалась на плечи местных администраций. Шведский монарх мог высказывать пожелания о включении новых видов растений и животных, находящихся под особой охраной. Академия наук также продолжала участвовать в природоохранной работе [8].

Несмотря на промежуточные успехи, государственной экологической политике страны предстояло пройти долгий путь: фокус природоохранной деятельности сместится с научного на рекреационный, появится проблема переработки отходов и т. д. Очевидной слабостью природоохранной деятельности того времени можно считать и её раздробленность между отдельными государственными органами. Эти проблемы будут прорабатываться уже во второй половине XX в.

Список источников и литературы

1. *Цверианашвили, И. А.* Карл Старбэк (1863–1931): к биографии эколога-политика и учёного / И. А. Цверианашвили // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. – 2020. – № 12. – С. 307–313.
2. *Цверианашвили, И. А.* Роль шведской общественности в экологизации страны в конце XIX – перв. пол. XX вв. / И. А. Цверианашвили // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 2 (35). – С. 183–186.
3. *Цверианашвили, И. А.* Рутгер Сернандер (1866–1944): вехи научной и общественной деятельности / И. А. Цверианашвили // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 5 (38). – С. 538–541.
4. *Arwidsson, Th.* Studier över floran och vegetationen på Gotska Sandön med särskild hänsyn till nationalparken / *Th. Arwidsson.* – Stockholm: Almqvist & Wiksells boktr., 1938. – 71 s.
5. *Betänkande rörande åtgärder till skydd för vårt lands natur och naturminnesmärken.* Stockholm : Nordiska bokh., 1907. – 101 s.
6. *Finska Forstföreningens Meddelanden. Andra Bandet.* Helsingfors: J. Simelii Arfvingas tryckeri, 1881. – 201 s.
7. *Fries, T.* Floran inom Abisko nationalpark: med en figur i texten / T. Fries. – Stockholm: Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens skrifter i naturskyddsärenden, 1919. – 48 s.

8. *Malmström, C.* Det svenska naturskyddets historia / C. Malmström // Svensk tidskrift. – 1962. – S. 92–98.
9. Naturskyddslag Nr 688. – URL:https://www.lagboken.se/Lagboken/start/miljoratt/miljobalk-1998808/d_2711403-sfs-1952_688 (дата обращения: 29.10.2023).
10. *Niemi, S. A.* A Pioneer of Nordic Conservation: The Environmental Literacy of A. E. Nordenskiöld (1832–1901) Doctoral dissertation / S. A. Niemi. – Turku: University of Turku, 2018. – 166 p.
11. *Nordenskiöld, A. E.* Förslag till inrättandet af Riksparker i de nordiska länderna / A. E. Nordenskiöld // Per Brahes minne. – 1880. – S. 10.
12. *Säve, P. A.* Sista paret ut! (tankar om behovet af en lag mellan människan och djuren) / P. A. Säve // Svenska jagarförbundets Nya Tidskrift. – 1877. – № 1. – S. 70–86.
13. *Sernander, R.* Betänkande med förslag rörande det svenska naturskyddets organisation och statliga förvaltning samt uppgifter för det allmänna naturskyddets verksamhet / R. Sernander. – Stockholm: Statens offentliga utredningar, 1935. – 199 s.
14. *Walin, G.* Den svenska naturskyddslagstiftningen / G. Walin // Sveriges natur Svenska naturskyddsföreningens årsbok Årsbok. – 1953. – S. 111–153.

Цвериянашвили Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, заместитель декана факультета Социальных цифровых технологий по практической подготовке, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), ivan.tsver@gmail.com

FORMATION OF THE PHENOMENON OF NATURE CONSERVATION IN SWEDEN AT THE END OF THE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

I. A. Tsverianashvili

The article is devoted to the history of the formation of a diverse and complex phenomenon of nature conservation and solving environmental problems at its early stage (the end of the 19th – the first half of the 20th century), when it came to individual initiatives of environmentally-minded enthusiasts (P. A. Seve, R. Sernander, K Starbuck, etc.) in different parts of the country. By the middle of the twentieth century in Sweden there will be both an increase in environmental awareness and the formation of full-fledged environmental legislation, and the phenomenon of nature conservation will become everyday practice.

Keywords: Sweden, nature conservation, environmental protection, environmental problems, national park, environmental legislation.

References

1. *Tsverianashvili I. A.* Karl Starbek (1863–1931): k biografii ekologa-politika i uchyonogo [Karl Starbuck (1863–1931): on the biography of an environmentalist-politician and scientist]. Vestnik Gumanitarnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta telekommunikacij im. prof. M. A. Bonch-Bruevicha [Bulletin of the Faculty of Humanities of the St. Petersburg State University of Telecommunications. prof. M. A. Bonch-Bruevich]. 2020. No. 12. P. 307–313. (In Russ)
2. *Tsverianashvili I. A.* Rol' shvedskoj obshchestvennosti v ekologizacii strany v konce XIX – perv. pol. XX vv. [The role of the Swedish public in the greening of the country at the end of the 19th – first. floor. XX centuries]. Scientific notes of Novgorod State University. 2021. No. 2 (35). P. 183–186. (In Russ)
3. *Tsverianashvili I. A.* Rutger Sernander (1866–1944): vekhi nauchnoj i obshchestvennoj deyatelnosti [Rutger Sernander (1866–1944): milestones of scientific and

social activity]. Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Novgorod State University]. 2021. No. 5 (38). P. 538–541. (In Russ)

4. *Arwidsson Th.* Studier över floran och vegetationen på Gotska Sandön med särskild hänsyn till nationalparken. Stockholm: Almqvist & Wiksells boktr., 1938. 71 s.

5. Betänkande rörande åtgärder till skydd för vårt lands natur och naturminnesmärken. Stockholm: Nordiska bokh., 1907. 101 s.

6. Finska Forstföreningens Meddelanden. Andra Bandet. Helsingfors: J. Simelii Arfvingas tryckeri, 1881. 201 s.

7. Fries T. Floran inom Abisko nationalpark: med en figur i texten. Stockholm: Kungl. Svenska Vetenskapsakademiens skrifter i naturskyddsärenden, 1919. 48 s.

8. Malmström C. Det svenska naturskyddets historia. Svensk tidskrift. 1962. S. 92–98.

9. Naturskyddslag Nr 688. – URL: https://www.lagboken.se/Lagboken/start/miljoratt/miljobalk-1998808/d_2711403-sfs-1952_688 (last request: 29.10.2023).

10. Niemi S. A. A Pioneer of Nordic Conservation: The Environmental Literacy of A. E. Nordenskiöld (1832–1901) Doctoral dissertation. Turku: University of Turku, 2018. 166 p.

11. Nordenskiöld A. E. Förslag till inrättandet af Riksparker i de nordiska länderna. Per Brahes minne. 1880. S. 10.

12. *Säve P. A.* Sista paret ut! (tankar om behovet af en lag mellan människan och djuren). Svenska jagarförbundets Nya Tidskrift. 1877. № 1. S. 70–86.

13. *Sernander R.* Betänkande med förslag rörande det svenska naturskyddets organisation och statliga förvaltning samt uppgifter för det allmänna naturskyddets verksamhet. Stockholm: Statens offentliga utredningar, 1935. 199 s.

14. *Walin G.* Den svenska naturskyddslagstiftningen. Sveriges natur Svenska naturskyddsföreningens årsbok Årsbok. 1953. S. 111–153.

Tsverianashvili Ivan Alexeevich – Senior Lecturer, Department of History and Regional Studies, Vice Dean for practices, Faculty of Social Digital Technologies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), ivan.tsver@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 09.11.2023; принята к публикации: 26.12.2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цвериянашвили, И. А. Формирование явления охраны природы в Швеции в конце XIX – первой половины XX в. // Социогуманитарные коммуникации – 2024. – №1(7). – С. 31-35.

FOR CITATION:

Tsverianashvili I. A. Formirovanie yavleniya ohrany prirody v SHvecii v konce XIX – pervoj poloviny XX v. [Formation of the phenomenon of nature conservation in Sweden at the end of the XIX – first half of the XX centuries]. // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. №1(7). P. 31-35.

БОЛЬШАЯ ПРОГРАММА РУСИФИКАЦИИ» 1914 ГОДА ИЛИ КАК В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РЕШАЛСЯ «ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС

В. Ю. Полутин

*Статья представлена научным руководителем
к.и.н., доцентом Такала И. Р.*

В статье анализируется «Большая программа русификации» Финляндии 1914 г., а также финляндская политика правительства Российской империи в период 1899-1914 гг. Автор рассматривает предпосылки появления «Большой программы русификации», анализирует содержание программы и выделяет принципы новой модели управления национальной окраиной. Автор приходит к выводу о том, что «Большая программа русификации» стала высшей точкой в противостоянии Финляндии и империи и представляла собой совокупность тех мер, которые предпринимались правительством империи в предыдущие годы, а ее целью являлось сохранение лишь культурной автономии Великого княжества.

Ключевые слова: русификация, Российская империя, Финляндия, финляндский вопрос, национальная политика.

Введение

Великое княжество Финляндское обладало особым автономным статусом в составе Российской империи. На протяжении XIX в. с момента вхождения княжества в состав России в 1809 г. Финляндия непрерывно развивалась в экономической, культурной и социально-политической сферах общественной жизни [11, с. 76-79] и к 1870-м гг. уже обладала многими признаками и атрибутами государства. Империю долгое время устраивал такой порядок, так как финляндцы проявляли исключительную лояльность. В самом же княжестве происходил процесс становления молодой нации, который, в том числе, породил теорию, согласно которой Финляндия представляла собой «особое государство» [5], объединенное с Россией лишь личной унией через российского императора. Основанием для возникновения этой теории являлось то, что в 1809 г. при вхождении Финляндии в состав Российской империи не был однозначно обозначен ее статус [12, с. 225]. Эта теория, однако, долгое время обсуждалась лишь в академических кругах и не пользовалась популярно-

стью у финляндской общественности, но со временем она начала обретать все больше сторонников и постепенно из области академической дискуссии перешла в общественное пространство. В это же время в России происходит подъем националистических настроений [5]. Начало обретать форму предположение о том, как по-новому должна быть организована империя. Автономии, обладающие широкими правами, не входили в новую концепцию, поэтому правительство взяло курс на постепенное сокращение прав национальных окраин, а также на распространение общеимперской модели управления на эти автономии. Два противоположных по своей сути течения столкнулись в конце 1880-х гг. Российская общественность настаивала на том, что Финляндия является обычной губернией, которая когда-то была захвачена у Швеции, а ее автономия должна быть существенно ограничена. Финляндцы же опирались теперь на теорию об «особом государстве» и настаивали на том, что Александр I даровал Финляндии особое положение, которое империя не могла изменить в одностороннем порядке

[11, с. 80]. В результате между империей и Великим княжеством Финляндским начал разгораться конфликт, возник так называемый «финляндский вопрос».

Попытки решения империей «финляндского вопроса» можно считать, таким образом, одной из возможных моделей новой национальной политики России на рубеже XIX-XX вв. Что касается «Большой программы русификации» 1914 г. (далее - Программа), то она стала тем документом, в котором, на наш взгляд, были обозначены основные черты этой обновленной модели с учетом финляндской специфики. Исследователи, изучающие имперский период истории Финляндии рубежа XIX-XX вв., редко обращают внимание на Программу, поскольку мероприятия, описанные в ней, по большей части так и не были осуществлены из-за начавшейся Первой мировой войны, а также последующих революционных событий 1917 г. Тем не менее, на наш взгляд, изучение этого документа позволяет лучше понять основные направления национальной политики Российской империи на рубеже столетий. Кроме того, благодаря недавно опубликованным документам в сборнике «Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг.», стало возможным проведение более глубокого анализа позднеимперской политики в отношении Великого княжества Финляндского. Этот сборник включает в себя сотни различных документов, таких как: законопроекты и законодательные акты, манифесты, постановления, переписки имперских чиновников, доклады чиновников, различные уставы, журналы заседаний Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, которые были особенно интересны нам, ведь именно комиссия при Особом совещании занималась подготовкой Программы, речи выступлений П. А. Столыпина в Государственной думе и пр. Особый интерес для нас представляют материалы из первого [7] и второго [8] томов.

«Периоды угнетения» (1899-1917 гг.)

С февраля 1899 г. начинается активное противостояние Финляндии и империи, которое финляндские историки условно разделили на два «периода угнетения» (фин. «sortokaudet»). Первый «период угнетения» (1899-1905 гг.) характеризовался целым рядом мер, которые были предприняты российской властью с целью существенного уменьшения автономии княжества. Главным действующим лицом в этот период был финляндский генерал-губернатор Н. И. Бобриков [6] (1898-1904 гг.), который стал олицетворением русификаторской политики в Финляндии в целом.

В 1899 г. был издан так называемый «Февральский манифест» [7, с. 53-55], который предусматривал подчинение княжества общеимперскому законодательству в случаях, когда затрагивались интересы империи. Право определять, затрагивает тот или иной вопрос интересы империи, принадлежало российскому императору, финляндские же институты автономии (сейм и Сенат) имели в таких ситуациях лишь право совещательного голоса. Это открывало широкие возможности для империи по влиянию на ситуацию в княжестве, так как абсолютно любой вопрос мог быть объявлен имеющим общегосударственное значение, будь то строительство железной дороги или же выбор учебника, по которому будут заниматься школьники. В Финляндии новость о принятии этого манифеста была встречена демонстрациями и акциями протеста в Хельсинки [13, с. 423]. «Февральский манифест», а также полная поддержка Петербурга, позволили Бобрикову осуществить еще ряд мер. В 1900 г. был издан Манифест о русском языке [7, с. 163-164], который предусматривал постепенный перевод финляндского делопроизводства на русский язык. Это должно было усилить контроль над финляндским Сенатом и органами местного управления.

В 1901 г. появился новый воинский Устав [7, с. 244-246], согласно которому упразднялись собственные финляндские вооруженные силы. С целью установления контроля над деятельностью сейма Великого княжества происходила разработка нового сеймового Устава. В 1903 г. была существенно усилена власть генерал-губернатора и его помощника благодаря новой инструкции [7, с. 357-360]. Согласно ей все сферы жизни финляндского общества кроме военного дела ставились под жесткий контроль генерал-губернатора, а сам он наделялся дополнительными полномочиями, которые были направлены, в первую очередь, на пресечение бойкота и саботажа со стороны местной власти. Позднее генерал-губернатору были предоставлены также чрезвычайные полномочия. Все эти меры, однако, не привели к ожидаемым результатам, а лишь радикализировали финляндское общество, что привело к убийству в 1904 г. Бобрикова одним из финляндских активистов. Империя была потрясена произошедшим, и преобразования были приостановлены, а в 1905 г. в результате начавшейся революции, которая затронула и Финляндию [4, с. 202-203], все принятые с 1899 г. меры были отменены, а действие «Февральского манифеста» было приостановлено. Финляндия, таким образом, смогла вернуть утраченную часть автономии [10, с. 692].

Второй «период угнетения» (1908-1917 гг.) оценивается в финляндской историографии как наиболее мрачное время. Империя пересмотрела свой подход к решению «финляндского вопроса», и в 1907 г. для координации всей финляндской политикой было создано «Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского» [1, с. 45]. Отныне все финляндские дела рассматривались и координировались из Петербурга, а во главе этого совещания находился премьер-министр империи. Помимо этого, в решении «финляндского вопроса» активную роль начала иг-

рать образованная в 1906 г. Государственная Дума, так как правительство империи теперь не могло осуществлять никакие меры без ее одобрения. Главным действующим лицом в этот период становится премьер-министр империи П. А. Столыпин.

Уже в 1908 г. устанавливается новый порядок рассмотрения финляндских дел с включением имперских министерств, тогда как ранее финляндские дела направлялись напрямую к императору [11, с. 112]. 17 июня 1910 г. был издан закон [8, с. 572-575], который представлял собой, по сути, усовершенствованную версию «Февральского манифеста», однако он содержал конкретный список вопросов, которые затрагивали интересы империи. Этот законодательный акт никогда не был одобрен финляндским сеймом и, соответственно, не имел, согласно финляндскому законодательству, юридической силы в княжестве, однако это обстоятельство не помешало Петербургу внести целый ряд законодательных новшеств, основанных на этом законодательном акте. Так, в январе 1912 г. было принято два закона, один из которых устанавливал для Финляндии выплаты взамен отбывания финляндскими гражданами воинской повинности [8, с. 694-695], а второй уравнивал в правах с финляндскими гражданами других русских подданных [8, с. 695-696]. Второй акт был более важным, так как благодаря ему русские подданные получали: возможность обращаться в финляндские органы власти на русском языке; право занимать государственные должности в княжестве; также выпускники российских учебных заведений уравнивались в правах и обретали равные возможности в Финляндии с выпускниками финляндских учебных заведений; появлялась возможность преподавать историю в учебных заведениях Финляндии для неграждан. Все эти меры должны были укрепить влияние

русскоговорящих подданных, а значит и центральную власть в княжестве.

Таким образом, с 1899 по 1912 гг. империя предприняла целый ряд мер, целью которых, очевидно, являлось уменьшение автономии Великого княжества. Но правительство империи не планировало оставиваться на достигнутом.

На пути к созданию Программы

Еще в 1909 г. генерал-губернатором Финляндии был назначен Ф. А. Зейн. Он был яростным противником автономии, именно поэтому он одним из первых, уже в октябре 1910 г., предложил составить некую программу мероприятий на основе закона 17 июня. В записке, которую он предоставил правительству империи, звучали призывы к скорейшему решению «финляндского вопроса», ввиду крепнущих в княжестве сепаратистских настроений [1, с. 89]. Основное содержание этих пунктов было следующим: финляндские чиновники, а также граждане, совершившие государственное преступление, должны судиться имперским судом и по российским законам, а не в Финляндии; установление контроля над печатью; издание новых законов о собраниях, обществах и союзах по российскому образцу; увеличение корпуса жандармов в Финляндии; расширение использования русского языка в делопроизводстве [8, с. 596-603]. Также Зейн видел острую необходимость в установлении контроля над финляндскими чиновниками, а в будущем он планировал, что нелояльные финляндцы будут заменены русскими [2, с. 249]. Эти предложения, однако, были отклонены Особым совещанием [1, с. 90]. Аргументировалось такое решение отрывочностью предложенных мер, а также тем, что внимание в них уделялось лишь самым срочным вопросам, а не всему комплексу проблем, существовавших в отношениях между Финляндией и империей.

Правительство тем временем поставило перед Особым совещанием за-

дачу разработать программу конкретных и всеобъемлющих мер, по-видимому, для окончательного решения «финляндского вопроса». Разработкой «Большой программы русификации» Финляндии (данное наименование этот документ получил в финляндской прессе, и именно это название закрепилось в финляндской и российской историографиях) начала заниматься Подготовительная комиссия, учрежденная при Особом совещании в 1912 г., которую возглавил Н. Н. Корево. Деятельность комиссии была скрыта от общественности, так как власть по-прежнему опасалась вооруженного восстания в Великом княжестве [10, с. 736]. В этот период Финляндия воспринималась большинством российской общественности как абсолютно враждебный и нелояльный край [3, с. 513], наполненный оружием и готовый начать вооруженное восстание в любой момент.

Комиссия Корево должна была разработать программу мероприятий, которая бы охватила все области законодательства, касающиеся вопросов общеперского характера, то есть тех вопросов, которые затрагивали как финляндские, так и российские интересы. Предложенные, таким образом, мероприятия должны были быть осуществлены в ближайшее время. По своему составу комиссия была полностью русской [10, с. 734]. Даже представитель Великого княжества Финляндского, А. Хозяинов, был русским. Подготовительная комиссия продолжала свою деятельность до марта 1913 г.

Программа имела несколько редакций. В первоначальном варианте [8, с. 730-732] содержалось 47 пунктов, которые были распределены на три раздела. В первый раздел были включены «мероприятия, направленные на укрепление центральной правительственной власти в Финляндии; обеспечение исполнения законов; поддержание в крае должного порядка». Это считалось приоритетным направлением, которое

необходимо было осуществить в первую очередь. Во второй раздел были включены вопросы, связанные с обороной империи. И, наконец, в третьем разделе были описаны «мероприятия, направленные на достижение экономического и политического сближения Финляндии с остальной империей». Этот вариант был передан на рассмотрение Совету министров империи, который предложил внести некоторые изменения ввиду того, что некоторые из положений либо уже были урегулированы, либо был запущен процесс по их урегулированию. Так, например, были исключены пункт о возвращении трех общин Выборгской губернии в состав России, положение о введении русского языка в делопроизводство княжества и др. Но и эта версия не была финальной. Окончательный вариант состоял всего из двух разделов, в которых насчитывалось 38 пунктов. В один раздел были объединены вопросы, связанные с укреплением власти центра в княжестве, а также вопросы обороны империи.

Последний вариант был одобрен Советом министров в апреле 1914 г. [9, с. 12]. Затем проект должен был быть подписан императором Николаем II. Однако, этот вопрос был отложен вплоть до сентября 1914 г. Причиной такой задержки стала начавшаяся Первая мировая война.

Анализ «Большой программы русификации» 1914 г.

По своему содержанию Программа представляла собой, по сути, совокупность всех тех законодательных актов, мероприятий, планов и начинаний, которыми занимались имперские чиновники в предыдущие годы в поисках разрешения «финляндского вопроса». Так, например, в Программе присутствовало множество положений, затрагивающих интересы Министерства обороны, которые неоднократно пытались регулировать российские чиновники, начиная с 1880-х. Немало внимания уде-

лялось и вопросам усиления власти имперских чиновников в княжестве, особенно генерал-губернатора, наиболее активные действия в этой области, как мы помним, предпринимались еще генерал-губернатором Бобриковым. Также много внимания было уделено положению российских подданных в Финляндии, попытки законодательного регулирования в этой области также предпринимались до этого, например в одном из упомянутых актов 1912 г. Еще одной категорией вопросов являлись вопросы экономических связей между княжеством и империей, которые Петербург стремился расширить и установить над ними полный контроль еще с конца XIX в., ввиду усиливающегося влияния Германской империи в княжестве. Таким образом, можно говорить о том, что этот документ описывал некоторую обновленную модель управления национальной окраиной, основанную на предыдущем опыте управления княжеством, но учитывающую изменившиеся внутри- и внешнеполитические обстоятельства, появившиеся новые органы власти, а также новое законодательство.

В этой обновленной модели явно прослеживается тенденция на усиление центральной имперской власти. В первом разделе Программы, который содержал 22 положения из 38, можно выделить следующий круг вопросов: усиление контроля за должностными кадрами Великого княжества, контроль за сферой образования Финляндии, реорганизация местных органов управления княжества, реорганизация органов правопорядка и усиление контроля за правоохранительной деятельностью в Финляндии, порядок разрешения спорных вопросов между империей и княжеством, а также вопросы, связанные с укреплением обороны государства. Во втором разделе, содержащем 16 пунктов из 38, можно обозначить следующие вопросы: организация религиозной жизни Финляндии, объединение таможенных систем княжества и импе-

рии, мероприятия объединительного характера в торгово-финансовой сфере, земельный вопрос, привлечение Финляндии к общегосударственным расходам, регулирование морского судоходства княжества, а также вопрос о финляндском гражданстве. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что положений Программы, регулирующих вопросы, связанные с укреплением государственной власти в княжестве, а также связанные с обороной империи, было больше, и они должны были быть осуществлены в первую очередь. Второй раздел был меньше и объединял мероприятия, связанные в основном с экономическими и социокультурными преобразованиями. Этих мероприятий было меньше, и они предполагались к проведению во вторую очередь.

Также можно распределить положения Программы по трем сферам, которые они регулировали: вопросы затрагивающие политическую сферу (государственное управление, надзор за общественным порядком и вопросы обороны), экономическую сферу (вопросы, связанные с торгово-финансовой сферой, таможней, сельским хозяйством, бюджетом и т. д.), а также культурную сферу (вопросы, связанные с языком, образованием, религией и т. д.). Такой подход позволит более четко увидеть, какие сферы являлись приоритетными для государства, так как оба раздела Программы содержали положения, например, охватывающие политическую сферу, экономическую сферу и т. п. Таким образом, можно констатировать следующее: политической сфере посвящены 19 из 38 пунктов, экономической - 14 пунктов. Культурной же сфере посвящены лишь 5 из 38. Отсюда следует вывод о том, что мероприятия, представленные в Программе, были направлены, прежде всего, на существенное ограничение политической и экономической автономии Финляндии, а также на подчинение этих сфер непосредственно правительству империи.

Культурную же сферу Программа практически не затрагивала, что, в свою очередь, может свидетельствовать о намерении власти оставить за Финляндией по большей части лишь культурную автономию. Эту же модель управления, вероятно, правительство империи планировало распространить и на другие национальные окраины, что могут подтвердить схожие политические практики, например, в отношении Польши или Остзейских губерний.

Заключение

Противостояние между имперским центром и Великим княжеством Финляндским, начавшееся в конце XIX в., прошло через несколько этапов и привело к появлению в 1914 году «Большой программы русификации», документа призванного поставить точку в «финляндском вопросе». Эта Программа представляла собой документ, содержащий перечень мероприятий, необходимых к проведению в Финляндии для ее большего сближения с остальной империей. Особое внимание в Программе уделялось вопросам, связанным с обороной империи, вопросам государственного управления в княжестве, сближению Финляндии и остальной империи в экономической области, положению русских подданных в княжестве, а также статусу русского языка. С уверенностью можно говорить о том, что эта Программа стала квинтэссенцией всей политики царского правительства в отношении Великого княжества, так как она собрала в себе все те меры, которые империя пыталась или планировала осуществить в предыдущие годы, а также ряд новых мер, которые в совокупности нанесли бы серьезный удар по автономному статусу Финляндии.

Программа, на наш взгляд, содержала в себе, таким образом, обновленную модель взаимоотношений национальных окраин и центра, с учетом реалий начала XX в. В этой модели явно прослеживается линия на существ-

венное усиление власти центра и ослабление автономного статуса национальной окраины, прежде всего, в политической и экономической сферах. Культурной сфере также уделяется внимание, но в значительно меньшей степени. Это приводит нас к выводу о том, что империя стремилась существенно сократить финляндскую автономию и оставить за ней лишь культурную сферу. Но всем этим планам не удалось осуществиться из-за начавшейся Первой мировой войны, которая при-

остановила планы правительства. Однако, изучение данного вопроса позволяет нам глубже понять в целом национальную политику империи Романовых в начале XX в. Важно понимать, что попытки решения «финляндского вопроса» не стоит рассматривать отдельно от решения других национальных вопросов, так как империя стремилась придерживаться в данной сфере единого курса, который, однако, имел свои особенности в каждой из национальных окраин.

Список источников и литературы

1. Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума / А. Я. Аврех. — Москва : Наука, 1968. — 520 с.
2. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва: РОССПЭН, 2004. — 392 с. — ISBN 5-8243-0455-6 : 1500.
3. Клинге М. Имперская Финляндия / М. Клинге; [пер. с фин. И. Соломеща, В. Музаева, А. Рупасова ; Ин-т Финляндии в Санкт-Петербурге]. — Санкт-Петербург : «Коло», 2005. — 615 с. — ISBN 5-901841-22-0.
4. Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) / А. Куяла // Русский сборник: исследования по истории России. — Т. 17. — Москва : Модест Колеров, 2015. — С. 198—212. — ISBN 978-5-905040-14-6.
5. Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях 19 века / И. Н. Новикова. — Текст: электронный // Библиофонд. — URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=71696> (дата обращения: 25.10.2023).
6. Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898-1904 гг. / Т. Полвинен. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1997. — 303 с. — ISBN 5-85733-065-3.
7. Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг.: сборник документов: в 3 т. Т. 1. От автономии к противостоянию: 1899-1908 гг. / отв. сост. М. В. Зеленов. — Москва : Политическая энциклопедия, 2021. — 1006 с. — ISBN 978-5-8243-2413-6.
8. Россия и независимость Финляндии 1899-1920 гг.: сборник документов: в 3 т. Т. 2. Динамика противостояния: 1908-1917 гг. / отв. сост. М. В. Зеленов. — Москва : Политическая энциклопедия, 2021. — 999 с. — ISBN 978-5-8243-2414-3.
9. Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 - февраль 1917 гг.) / И. М. Соломещ. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1992. — 95 с.
10. Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809-1917 / О. Юссила ; [перевод с финского В. М. Авцинов]; под ред. А. Ю. Румянцева. — Хельсинки : Ruslandia Books Oy, 2009. — 844 с. — ISBN 978-951-97819-6-9.
11. Юссила О. Политическая история Финляндии, 1809-2009 / О. Юссила, С. Хенттиля, Ю. Невакиви ; [пер. Т. В. Андросова, Ю. С. Дерябин]. — Москва : Весь мир, 2010. — 441 с. — ISBN 978-5-7777-0469-6.
12. Becker S. Chapter seven. The Era of the Great Reforms (II): Constitutional Projects; Poland and Finland / S. Becker // *Ab Imperio*. — 2021. — №1. — P. 185–234
13. Thaden E. C. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914. — Princeton : Princeton University Press, 1981. — 514 p.

Полутин Вадим Юрьевич – аспирант, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия), vadim.polutin2017@yandex.ru

Такала Ирина Рейевна – научный руководитель – к.и.н., доцент, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия), irina.takala@onego.ru

THE "GREAT RUSSIFICATION PROGRAM" OF 1914 OR HOW THE "FINNISH QUESTION" WAS SOLVED IN THE RUSSIAN EMPIRE

V. Y. Polutin

*The article is presented by the scientific supervisor
PhD, Associate professor Takala I. R.*

The article analyzes the "Great Russification Program" of Finland in 1914, as well as the Finnish policy of the government of the Russian Empire in the period 1899-1914. The author examines the prerequisites for the emergence of the "Big Russification Program", analyzes the content of the program and highlights the principles of a new model of management of the national outskirts. The author concludes that the "Great Russification Program" became the highest point in the confrontation between Finland and the Empire and represented a set of measures taken by the imperial government in previous years, and its goal was to preserve only the cultural autonomy of the Grand Duchy.

Keywords: Russification, Russian Empire, Finland, Finnish question, national policy

References

1. *Avrekh A. Ya. Stolypin i Tretya Duma [Stolypin and the Third Duma] / A. Ya. Avrekh. - Moscow : Nauka, 1968. - 520 p. (In Russ.)*
2. *Baxturina A. Yu. Okrainy` Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional`naya politika v gody` Pervoj mirovoj vojny` (1914-1917 gg.) [The Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War (1914-1917)] / A. Yu. Baxturina. — Moskva: ROSSPE`N, 2004. — 392 p. — ISBN 5-8243-0455-6 : 1500. (In Russ.)*
3. *Klinge M. Imperskaya Finlyandiya [Imperial Finland] / M. Klinge; [per. s fin. I. Solomeshha, V. Musaeva, A. Rupasova ; In-t Finlyandii v Sankt-Peterburge]. — Sankt-Peterburg : «Kolo», 2005. — 615 p. — ISBN 5-901841-22-0. (In Russ.)*
4. *Kuyala A. Krizis v russko-finskix otnosheniyax (1899–1916) [The crisis in Russian-Finnish relations (1899-1916)] / A. Kuyala // Russkij sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. — T. 17. — Moskva : Modest Kolerov, 2015. — P. 198—212. — ISBN 978-5-905040-14-6. (In Russ.)*
5. *Novikova I. N. Osoboe gosudarstvo ili provinciya imperii: problema gosudarstvenno-pravovogo statusa Finlyandii v rossijsko-finlyandskix otnosheniyax 19 veka [A Special State or Province of the Empire: the problem of the state-legal status of Finland in Russian-Finnish relations of the 19th century] / I. N. Novikova. — Tekst : e`lektronny`j // Bibliofond. — URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=71696> (data obrashheniya: 25.10.2023). (In Russ.)*
6. *Polvinen T. Derzhava i okraina. N. I. Bobrikov – general-gubernator Finlyandii 1898-1904 gg. [Derzhava and the Outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland 1898-1904.] / T. Polvinen. — Sankt-Peterburg : Evropejskij Dom, 1997. — 303 p. — ISBN 5-85733-065-3. (In Russ.)*
7. *Rossiya i nezavisimost` Finlyandii 1899-1920 gg.: sbornik dokumentov: v 3 t. T. 1. Ot avtonomii k protivostoyaniyu: 1899-1908 gg. [Russia and the independence of Finland 1899-1920: collection of documents: in 3 volumes. Vol. 1. From autonomy to confrontation: 1899-1908.] / otv. sost. M. V. Zelenov. — Moskva : Politicheskaya e`nciklopediya, 2021. — 1006 p. — ISBN 978-5-8243-2413-6. (In Russ.)*

8. Rossiya i nezavisimost` Finlyandii 1899-1920 gg.: sbornik dokumentov: v 3 t. T. 2. Dinamika protivostoyaniya: 1908-1917 gg. [Russia and the independence of Finland 1899-1920: collection of documents: in 3 vols. 2. Dynamics of confrontation: 1908-1917.] / otv. sost. M. V. Zelenov. — Moskva : Politicheskaya e`nciklopediya, 2021. — 999 p. — ISBN 978-5-8243-2414-3. (In Russ.)

9. *Solomeshh I. M.* Finlyandskaya politika czarizma v gody` pervoj mirovoj vojny` (1914 - fevral` 1917 gg.) [The Finnish policy of Tsarism during the First World War (1914 - February 1917)] / I. M. Solomeshh. — Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 1992. — 95 p. (In Russ.)

10. *Yussila O.* Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1809-1917 [The Grand Duchy of Finland, 1809-1917] / O. Yussila ; [perevod s finskogo V. M. Avcinov]; pod red. A. Yu. Rumyanceva. — Xel`sinki : Ruslania Books Oy, 2009. — 844 p. — ISBN 978-951-97819-6-9. (In Russ.)

11. *Yussila O.* Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809-2009 [Political History of Finland, 1809-2009] / O. Yussila, S. Xentilya, Yu. Nevakivi ; [per. T. V. Androsova, Yu. S. Der-yabin]. — Moskva : Ves` mir, 2010. — 441 p. — ISBN 978-5-7777-0469-6. (In Russ.)

12. *Becker S.* Chapter seven. The Era of the Great Reforms (II): Constitutional Projects; Poland and Finland / S. Becker // *Ab Imperio*. - 2021. - №1. - P. 185-234

13. *Thaden E. C.* Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914. - Princeton : Princeton University Press, 1981. - 514 p.

Vadim Yuryevich Polutin – postgraduate student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), vadim.polutin2017@yandex.ru

Takala Irina Reyevna – Scientific supervisor – PhD, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), irina.takala@onego.ru

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023; принята к публикации: 22.01.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Полутин В. Ю. «Большая программа русификации» 1914 года или как в Российской империи решался «финляндский вопрос» // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 36-44.

FOR CITATION:

Polutin V. Yu. «Bol'shaya programma rusifikacii» 1914 goda ili kak v Rossijskoj imperii reshalsya «finlyandskij vopros» ["The Great Russification Program" of 1914 or how the "Finnish question" was solved in the Russian Empire] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 36-44.

НАБЕГ РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ ЛЕТОМ 860 ГОДА (ХОД СОБЫТИЙ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ, КОМАНДОВАНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ СУДОВ)

М. А. Несин

Набег русов на Константинополь 860 г. представлял собой рейд небольшого войска на единицах – десятках судов. Внезапно появившись под стенами города, они в течение ночи или суток жгли и разоряли предместья, не пытаясь взять крепость. Сведения Жития патриарха Игнатия о разорении русами поселений и монастырей на Черном море и Принцевых островах нет оснований связывать с реалиями данного набега русов. Вероятно, командовал русами не правитель, а обычный военачальник.

Ключевые слова: поход русов на Константинополь 860 г., патриарх Фотий, русы, Михаил III, Константинополь, римский папа Николай I.

Исследователи обычно относятся с доверием к сведениям об участии 200 кораблей русов в походе на Константинополь 860 г. Между тем, надо учесть, что это число фигурирует в тех же самых сравнительно поздних византийских и русских источниках, в которых сообщается о чудесной буре, по воле высших сил разбившей суда безбожных русов [8, с. 113–118, 156¹, 161, 164, 166]. Впервые оно появилось в византийской хронике Симеона Логофета (далее – СЛ) середины X в., а в русские летописи попало из славянского перевода одной из ее редакций².

А вот очевидец набега русов, константинопольский патриарх Фотий, не упоминал ни бури (потому многие уче-

ные сомневаются, что она была), ни сотен кораблей русов. Зато сообщал об их внезапном появлении, стремительном, как морская волна, нападении и столь же неожиданным быстрым отходе (перевод П. В. Кузенкова) [8, с. 32, 35, 56–57, 60]. (При этом, характеризуя быстрый и слаженный «как по команде» уход русов из-под стен города как «бегство», Фотий не сообщал о том, что те в спешке бросили награбленную добычу, а наоборот, отметил, они от этого набега весьма обогатились [там же, с. 57, 60]. То есть, внезапный для ромеев отход русов не был беспорядочным бегством, а носил организованный характер). Пожалуй, это напоминает небольшой внезапный набег на неподготовленного противника единиц – немногих десятков кораблей, а не поход многотысячного войска на сотнях судов³. Примечательно, что Фотий,

¹Разве что лапидарная запись Брюссельской хроники (далее – БХ) бурю не упоминает, но сообщает, что русы были истреблены [там же, с. 156], что перекликается со сведениями о буре семейства хроник СЛ, согласно которым мало кто из русов избежал опасности [там же, с. 115–118].

²В летописях оно приведено с некоторыми нюансами. В Новгородской I летописи младшего извода оно обозначает не все корабли, а лишь те, что «вшедше в Суд» [там же, с. 164], то есть, были иные суда, которые к городу не подошли, не ясно, что делали и что с ними стало; наверное, это ошибка позднего переписчика, а верное чтение содержится в Повести Временных лет (далее – ПВЛ), в которой, как и в греческой хронике СЛ, вся флотилия состояла из 200 судов, пришедших к Царьграду [там же, с. 161]. Согласно Никоновской летописи XVI в. у русов было 200 и более кораблей [там же, с. 166]; видимо, это явление того же порядка, что возросшее в поздних источниках количество шведских братских могил на месте Невской битвы [13, с. 117].

³Фотий не сообщает, к какому классу относились *vñes* (корабли) русов, к смешенному или к морскому. Ученые не сошлись во мнении о том, какие суда участвовали в данном набеге [ср.: там же, с. 67; 20, с. 124–125]. В качестве доказательства наличия у русов больших морских кораблей приводилось упоминание в Житии патриарха Игнатия (далее – ЖИ) *τροχωντήρ*, вероятно, лебедки для поднятия паруса [8, с. 107]). Впрочем, такую лебедку было удобно использовать в море и на небольшом парусном судне. К тому же, не исключено, что данный термин обозначал актуальное на любом судне приспособление для швартовки или крепления кормового весла [20, с. 125]. Другое дело, что описанные Фотием стремительные и свирепые корабли русов определенно не были маленькими челнами, вмещающими несколько человек.

описывая испытанный им ужас при появлении вражеских кораблей и опасаясь, что русы захватят город [там же, с. 58–59], не сообщал о многочисленности врагов и их судов. В обеих гомилиях на нашествие русов патриарх воздерживался от сравнения их рейда с нападением кабана, а дважды охарактеризовал разорение русами предместий «как будто дикий зверь объел» [там же, с. 37, 58]. В историографии справедливо отмечалась параллель с Пс 80 (79), 14 [там же]. Между тем, в данном стихе написано: «лесной вепрь подрывает ее [виноградную лозу], и полевой зверь объедает ее». Таким образом, Фотий принципиально отказался от сопоставления небольшой ватаги русов с крупным лесным зверем, кабаном, а сравнил с мелкими полевыми зверьками вроде мышей. Не потому ли, что как бы не были у страха глаза велики, рейд небольшого войска на единицах – десятках судов не показался очевидцу нападением крупной армады?

Для раннего Средневековья такой небольшой рейд на столицу Византийской империи был вполне достойным военным предприятием. А для посланной свыше бури погубить так мало вражеских кораблей безбожников было бы несолидно. Неудивительно, что сведения о 200 кораблях в источниках связаны с относительно поздним преданием о чудесной буре.

Может возникнуть вопрос, а как же известное сообщение Венецианской хроники Иоанна Дьякона XI ст. о 360 кораблях (перевод П. В. Кузенкова) [там же, с. 151], в котором не говорится о буре и гибели этих судов? Между тем, «описание Иоанном состоявшейся в 1004/05 г. торжественной церемонии бракосочетания в Константинополе и затем в Венеции Джованни, старшего сына дожа, и Марии, дочери Романа Аргира и племянницы византийских императоров Василия II и Константина, столь живо и подробно, что некоторые исследователи считают его не только очевидцем этих событий, но и доверенным лицом дожа, сопровождав-

шим его сына в столицу Византии. Там Иоанн мог почерпнуть информацию о событиях византийской истории, в частности о нападении 860 г.» [там же, с. 150]. Таким образом, Иоанн Диакон, наверное, был знаком с поздними византийскими преданиями об участии в этом походе сотен судов и в этом отношении развил греческую традицию, связанную с поздней легендой о чудесной буре.

Источники практически не упоминают предводителя русов. В известии составленной в начале XII ст. ПВЛ, содержащем древнерусский перевод одной из редакций византийской хроники СЛ, вставлены имена новых киевских князей Аскольда и Дира [там же, с. 161]. Вместе с тем, в ходе археологических раскопок на территории Киева не было найдено предметов северного происхождения древнее X ст. [7, с. 315] и надежных признаков наличия у Киева до конца IX в. связей с Византией. В частности, до этого времени не прослеживается поступление в Киев византийских монет [19, с. 491]). Поэтому маловероятно, что Аскольд и Дир, имена которых наименее натянуто соотносятся с древнескандинавскими Höskuldr и Dýti, в 860 г. были киевскими князьями и совершили набег на Константинополь из Киева. По сведениям современников, патриарха Фотия и римского папы Николая I, варвары, не встретив вооруженного сопротивления со стороны жителей Константинополя, безнаказанно разоряли примыкавшие к городским стенам пригороды, по оценке Фотия, весьма при этом обогатившись [8, с. 35–37, 57–60, 89]. Если бы русы пришли из Киева, то там бы сохранились ценные греческие предметы и монеты того времени. А в более ранних, чем ПВЛ письменных источниках об участии в этом набеге правителей русов не упоминается. (И ни один из византийских источников ничего не сообщает о предводителе русов)⁴.

⁴Иногда в качестве надежного греческого источника об этом набеге используют изданную во второй половине XVIII в. в числе акафистов Свято-Успенской

Любопытна оценка войска русов, данная очевидцем их набега Фотием в первой гомилии (далее – Г1): «О град, царствующий едва ли не над всей вселенной, какое войско, безначальное и рабским образом снаряженное, издевается над тобою как над рабынею!» [8, с. 37].

Под рабским снаряжением, разумеется, подразумевалось примитивное или недостаточно изысканное по византийским меркам снаряжение русов. А вот упоминание безначального войска вызывает вопросы. П. В. Кузенков полагает, что его не надо понимать буквально как отсутствие у русов вождя, сославшись при этом на А. А. Васильева [там же, с. 44], полагавшего, что войском на 200 кораблях должны были возглавлять лидеры вроде Аскольда и Дира, Бьорна и Хастинга [22, р. 181] (которой, в отличие от Бьорна Железно-

бокого и Аксольда с Диром, был ни королем, ни князем – М. Н.). Впрочем, достоверность сведений относительно поздних источников о наличии у русов 200 судов вызывает сомнение. Другое дело, что рейд небольшого отряда с внезапным стремительным появлением и быстрым неожиданным отходом тоже не был неуправляемым. В этом смысле надо согласиться с Васильевым, что русами кто-то командовал. В свою очередь, П. В. Кузенков заключил, что «скорее, это выражение подчеркивает неуправляемость варварской толпы, которой чуждо четкое военное руководство [ср.: Mich. Psell. Chronogr. VII.20 το ἀσφατῆγητον (о бездарном командовании Романа Диогена)]. Схожую характеристику дает войску «скифских народов» (тюрок) и «склавов и антов» (славян) «Стратигикон Маврикия» (конец VI в.): Τα Σκυθικά ἔθνη μίας εἰσιν, ὡς εἰπεῖν, ἀναστροφῆς τε καὶ τάξεως πολὺαρχὰ τε καὶ ἀπράγμονα.. "Αναρχα δε και μισάλληλα οντά, ουδέ τάξιν γινώσκουσιν «Скифские народы в одной, так сказать, а атаке и строю являются многоначальными и беззаботными... Будучи безначальными и ненавидя друг друга, они не знают строя» (Mauricii Strateg. XI 2, 4)». [8, с. 44]. Но приведенные Кузенковым примеры не вполне удачны: о бездарном командовании у русов или конфликтах в их рядах у Фотия не упомянуто. Наоборот, набег русов с их стремительным внезапным появлением и быстрым неожиданным отходом после разорения предместий Константинополя выглядит достаточно организованным. А бездарное военное руководство русов едва ли вызвало бы у Фотия опасение, что город мог быть взят [там же, с. 58]). Если считать, что Фотий в данном случае исключительно следовал книжным штампам, то это мнение нуждается в дополнительных обоснованиях. Тем более, что цитаты из церковной литературы Фотий использовал вдумчиво и приводил к месту. К примеру, как отмечено выше, он в обеих гомилиях, цитируя Пс 80 (79),

Почаевской лавры молитву Богородице с упоминанием «скифского воеводы, свирепого вепря онаго прегордаго кагана» [6, с. 224]. Однако, «русь» в акафисте не фигурирует. Возможно, в нем говорится об аварской осаде Константинополя 626 г. с участием кагана авар [5, с. 87–88]. Авторство молитвы В. В. Кожин полностью приписал константинопольскому патриарху XIV в. Филофею Коккину, хотя признал, она «дошла до нас только в древнерусском переводе» и при этом заявил, что «сам текст убеждает, что патриарх Филофей основывался на неизвестном нам источнике, относящемся ко времени самого этого столь давнего события... в XIV веке никто уже не помнил о «кагане» и не мог называть русских «скифами» [6, с. 224]. Но древнерусские переводчики не всегда точно переводили греческие тексты, к примеру, переводчик «Иудейской войны» самовольно назвал «сулчициками» людей, обслуживающих катапульти, ассоциируя их работу с метанием сулиц [18, с. 49]. В этой связи возникают сомнения в правомерности использования древнерусского перевода в качестве византийского источника. Во-вторых, русов называли скифами не только византийские книжники IX–X вв., но и такие более поздние хронисты XI–XII ст., как Иоанн Скилица и Иоанн Занара [7, с. 133, 135]. А вот каганов у русов византийские источники не упоминают (в качестве доказательства наличия в Византии представлений о каганах русов иногда используют письмо франкского императора Людовика II к византийскому императору Василию I, из которого, впрочем, не очевидно, что Василий I называл правителя северных людей каганом [14, с. 141; 17, с. 130; 3, с. 51]). Для древнерусских источников, впрочем, тоже не типично упоминание кагана в изучаемом походе русов на Царьград (при том, что некоторые русские князья уже после падения Хазарского каганата титуловались в древнерусских текстах каганами [3, с. 51]).

14 отказывался от сопоставления небольшого войска русов с крупным лесным животным, кабаном, а сравнивал его с мелкими полевыми зверьками. В этой связи скорее стоит предположить, что Фотий просто не смог выделить среди русов их предводителя.

Если набег русов возглавлял правитель, то он возможно, был бы замечен Фотием. Раннесредневековые правители визуально отличались от подданных либо прической (косматые короли франков), либо снаряжением (скандинавские конунги в золотых шлемах, со знаменами, с гербовыми щитами), либо качеством одежды и украшением (русский князь Святослав Игоревич). А если небольшое войско русов возглавил обычный военачальник вроде Хастинга, то ромеи, наблюдая с городских стен разорение предместий (и не вступая с врагами в переговоры [11, с. 74–75]), не должны были выделять среди русов выдающихся лиц.

Во второй гомилии (далее – Г2) Фотий так описывал русов: «народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства, народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул, будто морская волна наши пределы, будто дикий зверь, объел как солому или ниву населяющих эту землю, – о кара, обрушившаяся на нас по попушению! [там же, с. 57–78]. По заключению П. В. Кузенкова, «Вся фраза выражает мысль о ничтожности нападавших, поэтому и такие эпитеты, как ἀφύλακτος «не имеющий охраны, беспечный, небдительный» и ἀστρατήριον... следует понимать в смысле полного отсутствия у варварской толпы дисциплины и военного искусства, что должно было под-

черкнуть позор поражения для ромеев, гордившихся порядком и организацией» [там же, с. 68]. Однако, с учетом вышесказанного замечания Г1 о безначальном войске русов, высказанного не в контексте возмущения нападением никчемного народа, нет оснований утверждать, что заявление Фотия об отсутствии у русов военачальника было сделано исключительно для красного словца. (Кстати, утверждение, что народ русов был кочующим, Кузенков воспринял уже не как книжный штамп или преувеличение, а привел аналогию с поездками русов в полюдь, описанными почти сто лет спустя Константином Багрянородным [там же, с. 67]. Это сравнение вызывает скепсис: было ли у русов в 860 г. столько же «славаний»-«пактиотов» в Восточной Европе? Возможно, уместно задать вопрос: воспринимал ли Фотий русов в качестве устойчивого политического образования, или считал их бродячей ватагой морских разбойников, перемещающейся где-то на юге Восточной Европы, в Причерноморье или Средиземноморье, разоряющей и держащей в страхе своими внезапными налетами прибрежное население? Известно, что предводитель датчан Хастинг, избегая боя с войском г. Луны, выразил притворное намерение креститься. В дальнейшем русы тоже могли пожелать креститься, а византийские власти – послать к ним епископа для проведения служб, создав т. н. миссионную епархию. Это должно было всех устроить: жители Константинополя могли меньше бояться нового грабительского налета русов во время отлучки василевса с войском, а русам не приходилось опасаться ответного похода против них византийской армии). Так что вопрос о том, как надо понимать слова Фотия о безначальности русов, далеко не праздный. Может быть набег русов возглавлял не правитель, а обычный военачальник, ничем, с точки зрения ромеев, с виду не выделявшийся на фоне соратников?

Как отмечалось в историографии, продолжительность пребывания русов под стенами Константинополя неизвестна [там же, с. 11, 66] и источники не сообщают о том, что оно длилось много дней [там же, с. 85]. Отметим, что многодневное хозяйничанье русов под стенами города не упоминал и очевидец их набега патриарх Фотий, у которого этот набег вызвал нескрываемый ужас: Фотий высказывал опасения, что город едва не был взят, что судьба города зависела от русов, а также писал, что тех, кто роскошно обустроился перед городской стеной, варвары потопили в море и предали огню и мечу, что русы не щадили домашний скот, женщин, стариков и младенцев [там же, с. 35–37, 58]. Думается, что если бы этот ужас был многодневным, то Фотий бы об этом упомянул; к тому же описанный Фотием быстрый и неожиданный для византийцев уход русов скорее напоминает завершение быстрого набега, чем беспорядочное разбредание разложившегося от многодневных грабежей войска. По-видимому, набег русов на предместья Константинополя занял часы, а не недели [ср: 23, р. 53]⁵ и месяцы [ср: 16, с. 91–93; 22, р. 210–218]⁶.

Во Г2 Фотий упоминает об одной страшной ночи после прихода кораблей русов на закате: «Помните ли вы смятение, слезы и вопли, в которые тогда весь город погрузился с совершенным отчаянием? Знакома ли вам та крошечная жуткая ночь, когда круг жизни всех нас закатился вместе с солнечным кругом и светоч жизни нашей погрузился в пучину мрака смерти? Знаком ли вам тот час, невыносимый и горь-

кий, когда надвинулись на вас варварские корабли дыша свирепостью, дикостью и убийством; когда тихое и спокойное море раскинулось гладью, представляя им удобное и приятное плавание, а на нас, бушующая, вздыбило волны войны; когда мимо города проплывали они, неся и являя плывущих на них с протянутыми мечами и словно грозя городу смертью от меча; когда иссякла у людей всякая надежда человеческая, и город устремился к единственному божественному прибежищу; когда рассудки объял трепет и мрак, а уши были открыты лишь слухам о том, что варвары ворвались внутрь стен и город взят врагами? Ибо неимоверность происшедшего и неожиданность нападения будто подталкивали всех выдумывать и выслушивать подобное, тем более что такое состояние и при других обстоятельствах имеет обыкновение охватывать людей: ведь то, чего они особенно боятся, считают, не разбираясь, уже наступившим – хотя этого нет, а то, о чем они не подозревают, самоуправной мыслью устремляют прочь – хотя оно уже достигло их. Воистину, было тогда горе, и плач, и вопль» [8, с. 59]. Вдобавок, надо отметить, что Фотий определенно дал понять, что русы не задержались под стенами города намного дольше этой ночи: «когда в сокрушении сердца стали приносить покаяние, когда с простертыми к Богу руками всю ночь взывали к Его человеколюбию, возложив на Него все наши надежды, – тогда искупили мы несчастье, тогда стали получать избавление от обступивших нас бед, тогда увидели угрозу сокрушаемой, и гнев Господень явно стал уноситься от нас; ибо видели мы, как враги отступают, а город, которому они грозили, спасается от опустошительного разграбления» [там же, с. 59–60]. Следовательно, русы ушли той же ночью. Или, по крайней мере, в ближайшие сутки после своего вечернего прихода. Похоже на то, что небольшое войско русов нарочно внезапно напало на предместья Констан-

⁵Данный исследователь исходил исключительно из предложенной им гипотетической датировки Г2 Фотия [там же], не анализируя сведения источников о пребывании русов под стенами Константинополя, о многодневной осаде города не сообщающие.

⁶Еще М. В. Левченко показал, что эти догадки строились на шатких основаниях [10, с. 154–157]. Другое дело, что ученый не смог доказать непродолжительность пребывания русов под стенами города, поскольку приведенные им сведения Фотия не относятся к срокам их присутствия под Константинополем.

тинополя в отсутствие в городе императора с войском и, быстро пограбив пригороды, ушло, не дожидаясь возвращения византийской армии, способной его перебить и отнять добычу. (Начиная с хроники СЛ середины X в. наряду с преданием о посланной свыше буре, погубившей корабли русов, в источниках появляется легенда о тайном возвращении в город императора, который вместе с Фотием помолился в Влахернской церкви Богородицы, что и вызвало бурю [8, с. 113–114, 116–118, 161, 164–165]. Историки нередко ей доверяют, при том, что как отмечалось в историографии, сюжет об этой церкви связан с нашествием аваров на Константинополь 626 г. (историю вопроса см.: [там же, с. 68]), следовательно, его нельзя надежно соотнести с событиями 860 г. И для того, чтобы примирить ее со сведениями Фотия об отсутствии в городе василевса, считают, что русы к прибытию императора отошли от города и грабили иные поселения [см. напр.: 21, р. 80; 8, с. 69, 120]. Но сведения поздних источников о совместных молитвах императора с Фотием в городской церкви во время пребывания русов под Константинополем принципиально расходятся с обеими гомилиями Фотия, согласно которым в городе не было ни василевса, ни армии, ни боевых машин, а неожиданный уход русов был вызван милостью Богородицы, последовавшей в результате молитвы Фотия и всего города [8, с. 36, 60], а не василевса. В достоверности свидетельств Фотия сомневаться не приходится: поскольку его гомилии (проповеди) предназначались для публичного оглашения, он не посмел бы умолчать о возвращении василевса до ухода русов, если бы оно имело место. Иначе Фотий испортил бы с ним отношения. Между тем, Михаил III до конца своих дней поддерживал Фотия, оставив его на кафедре несмотря на требования Рима низложить его. Думается, что сравнительно поздняя легенда о возвращении императора недаром связана с преданием о чудесной буре и 200 кораб-

лях русов – для того, чтобы небо, вняв мольбам патриарха, погубило 200 судов безбожников, нужно было участие божьего помазанника. А к реальным событиям 860 г. это не имело отношения⁷).

Отметим, что во время разорения городских предместий, русы не только грабили и убивали жителей, но поджигали дома. На это, вероятно, намекал Фотий: «и те, кто роскошно обустроился перед городской стеной, снискав жребий по варварскому закону пожираются недрами моря и пастью огня и меча» [там же, с. 36–37] и более определенно сообщал другой современник, римский папа Николай I в письме к Михаилу III: «Уж точно мы ... наконец, не сжигали ... пригороды Константинополя, примыкающие почти к самым стенам его» (перевод П. В. Кузенкова) [там же, с. 89]. Согласно хронике ПрФ середины X в. русы принялись «предавать огню самый Понт, вовсе уже не гостеприимный⁸ и обступать сам город» (перевод П. В. Кузенкова) [там же, с. 124]⁹.

⁷Отметим, что сравнительно поздние представления об участии в этом походе 200 судов, о возвращении императора и чудесной буре возможно возобладали в Византии не сразу. Одновременно с хроникой СЛ в середине X в. по заказу императора Константина Багрянородного была написана хроника Продолжателя Феофана (далее – ПрФ), не сообщавшая ни о буре, ни о сотнях судов, ни о возвращении императора. По ПрФ, император ушел в военный поход на мусульман, а русы, познав гнев Божий, ушли восвояси благодаря умиловившему небо главе церкви Фотию [там же, с. 124]. В этом рассказ ПрФ перекликается со свидетельствами Фотия, что в городе не было императора, армии, боевых машин и уход русов состоялся после молитв патриарха всего города, а не василевса. (Впрочем, в словах ПрФ, что русы познали гнев Божий, П.В. Кузенков почему-то видит намек на бурю [там же]. А у нас скорее возникает ассоциация с русскими летописными рассказами о Стоянии на Угре [12, с. 115–117], в которых высшие силы внезапно нагнали на противника страх и тот без вреда для себя бежал. Подобная история описана Фотием: после того, как патриарх с горожанами всю ночь молились и совершили крестный ход вокруг города с ризой Богоматери, русы по воле неба неожиданно бежали [8, с. 59–60]. К тому же, в источниках, сообщающих о чудесной буре, она, как правило, упомянута прямым текстом и при этом сказано, что мало кто из русов избежал опасности. Даже в лапидарном известии БХ, в которой буря прямо не указана, сообщается об истреблении русов. В то время как согласно ПрФ, они благополучно ушли восвояси.

⁸П. В. Кузенков видит тут указание на разорение русами черноморского побережья, заметив игру слов,

Согласно распространенным представлениям¹⁰, русы осаждали стены города. В источниках нет об этом однозначных упоминаний. В частности, современник набега русов, римский папа Николай I, заметил, что варвары безнаказанно сжигали примыкавшие к городским стенам пригороды [8, с. 89], а осаду стен не упоминал. Письмо папы к византийскому императору трудно назвать доброжелательным. Если бы во время набега русов на Константинополь бесспорно имела место осада города, Николай I не стал бы шадить чувств своего корреспондента и не преминул бы о ней написать. Замечу, что тот же Фотий, боявшийся, что русы могли взять город, прямо не упомянул, что они осадили город и сняли осаду. Они, по его словам, «окружили» город и перед уходом «отказались от осадь» [там же, 58, 60], что не обязательно означало реально осуществлявшуюся осаду города. Поэтому для обоснования осады и штурма города исследователям остается приводить весьма зыбкие аргументы. Так, в опасениях Фотия что русы чуть не взяли город, и его судьба зависела от варваров усматривают свидетельство о штурме городских стен [21, р. 100], или об осаде города и

связанную с греческим названием Черного моря, Эвксинского (Гостеприимного) Понта [там же]. Однако, ее можно понять и в том смысле, что пожгли побережье не самого Черного моря, а, к примеру, примыкающей к Константинополю бухты Золотой Рог. В источниках нет однозначных упоминаний разорения русами в ходе этого набега черноморского побережья. О разорении русами на Черном море у входа в Босфор селений и монастырей сообщает ЖИ, в котором, впрочем, нападение на предместья Константинополя не упомянуто.

⁹Скорее всего, ПрФ использовал аутентичный источник. По мнению П.В. Кузенкова у ПрФ был общий источник с хроникой СЛ [8, с. 124–125], ничего, впрочем, о поджогах не сообщающей. Вместе с тем, ученый не привел примеров, однозначно свидетельствующих об использовании этими хронистами общего источника (к примеру, по его мнению, в хронике ПрФ «о молитвах Фотия» написано «почти теми же словами» что в хрониках семейства СЛ, однако, при сравнение соответствующих фрагментов данных источников бросается в глаза отсутствие между ними текстуальной близости [там же, с. 113–114, с. 116–118, 124]). И мы их тоже не обнаружили.

¹⁰Лишь отдельные ученые сомневались, что русы собирались осаждать и штурмовать город [11, с. 74].

переговорах с целью получить откуп [8, с. 67]. Однако в данном фрагменте Г2 не упоминаются ни осада / штурм крепости, ни переговоры: «О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался – еще немного, и я мог бы сказать – завоеван! Ибо тогда легко было стать пленником, но нелегко защитить жителей; было ясно, что во власти противника – претерпеть или не претерпеть [это нам]; тогда спасение города висело на кончиках пальцев врагов, и их благоволением измерялось его состояние и немногим лучше, скажу я, – скорее же, гораздо тягостнее – было не сдаваться городу, чем давно уже сдать: ведь первое стремительностью испытания, возможно, сделало бы незаметной причину не сиюминутного пленения; второе же, затяжкой времени превознося человеколюбие противников – якобы до сих пор [город] не пал из-за их милосердия – и присоединяя к страданию позор снисхождения, мучительней делает взаимное ощущение пленения». [там же, с. 58–59]. Очевидно лишь то, что Фотий с горожанами (оказавшись во время неожиданного набега русов без императора, армии и боевых машин), даже в крепости ощущали себя незащищенными. Точно также нет оснований видеть указание на ночной штурм крепости в словах Фотия о распространившихся среди горожан слухах, будто русы уже взяли город [ср.: там же, с. 68]. Внезапный набег небольшого войска, неожиданно появляющегося то тут, то там в зареве пожаров, и без того мог дать пищу для таких толков среди паникующих горожан. Замечу, что взять большую каменную крепость было для маленького войска опасной задачей. Если бы русы нашли слабое место в крепости и быстро и незаметно пролезли в нее, их было бы легко окружить и перебить (тут уж горожане не могли опомниться и встать на защиту своих семей и имущества). А при том, что набег русов на Константинополь носил организованный и непродолжительный характер, надо полагать, что их небольшое войско возглавлял осмотри-

тельный предводитель, а не безрассудный авантюрист, лезущий в бутылку. Наверное, русы, вопреки опасения Фотия, не стремились взять город, а в течение ночи или суток безнаказанно разоряли предместья и благополучно ушли. В этой связи, рейд русов стоит признать вполне успешным.

Вероятно, русы, не тратя больше суток на разорение предместий Константинополя, не стали задерживались в его окрестностях, чтобы уйти до возвращения императорской армии. В качестве иллюстрации нападения русов на окрестности города исследователи некритически используют сведения ЖИ начала X в.: «В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту (Черному морю) придя к Стенону (Босфору) и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (Константинополя) острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами» (перевод М. В. Бибикова) [2, с. 135]¹¹. Между тем, внимательное прочтение этого известия склоняет нас к выводу, что в нем описаны реалии какого-то иного набега русов, а не рейда на Константинополь 860 г. Во-первых, житийный набег не затронул предместья Константинополя. (П. В. Кузенков полагает, что Константинополь было упоминать неуместно, поскольку в нем «сидели главные враги» Игнатия [8, с. 106], однако не привел примеров таких умолчаний о вражеских набегах на столицу в визан-

тийских источниках). Во-вторых, если бы русы действительно начали рейд на предместья Константинополя с разорения черноморского побережья у Босфора, то их набег не был столь неожиданным для горожан, как он описан очевидцем Фотием. Русы не убили бы многих ромеев, живших перед городской стеной, так как те бы до их прихода укрылись в крепости. В-третьих, ЖИ упоминает разорение монастырей на Черном море и на Принцевых островах, а во время набега на Константинополь русы этим массово не занимались. Глава византийской церкви Фотий сообщая о беспощадных убийствах и разорении жителей предместий, не упоминал о разорении храмов и обителей, об убийствах духовенства и иных святотатствах¹². (в этой связи мы не исключаем, что эти русы были данами, связанными с принявшими Христианство Харальдом Клаком и Рериком Ютландским и что в их ватаге могли быть христиане)¹³. Таким образом, рассказ ЖИ не стоит уверенно использовать при реконструкции набега русов на Константинополь 860 г.¹⁴.

¹²Римский папа Николай I писал о сожжении варварами церковей [там же, с. 89] Однако поскольку он общал о разных набегах на Византийскую империю различных нехристианских народов [там же. С. 89–90], мы не уверены, что это не относилось к набегам арабов первой половины IX в.

¹³Гипотезу о русах как о фризских данах плодотворно развивает О.Л. Губарев. В частности, в ее пользу свидетельствуют фризская магическая формула в русско-византийском договоре 944 г., сходство древнерусского и фризского права и упоминание руси в ПВЛ в ряду скандинавских народов на месте данов [4, с. 46, 166–178].

¹⁴Интересно что они напоминают летописный поход Олега на Константинополь, тоже состоявшийся по ПВЛ в начале X в.: тогда греки «замкоша Суд», в результате чего Олег не смог подойти к городу, разорял округу и «пожгоша церкви» [15, с. 36]. Не ясно, случайны эти совпадения, или нет. Но на всякий случай стоит взять на заметку. Вопрос о достоверности похода Олега остается открытым: в греческих хрониках нет внятного упоминания этой кампании, а число судов Олега взято из поздних сведений о походе русов 860 г. и умножено в 10 раз. Другое дело, что поскольку Олег не подошел к городу, ограничившись разорением округи, это могло не заинтересовать местных хронистов. Поэтому мы не спешим примыкать ни к тем ученым, которые считают этот поход реальным [9], ни к тем, которые его считают вымышленным [1, с. 154].

¹¹Перевод П. В. Кузенкова [8, с. 104–105] менее точен: греческое слово *χωρία* (деревни, селения), он зачем-то перевел как «усадьбы», а известное византийское название пролива Босфор *Στενω* (Стенон), почему-то перевел как «Пролив», хотя этимология гидронима *Στενω* определено не связана с греческим словом *πορθμός* (пролив).

Список источников и литературы

1. *Бабенко А. А., Комаров, О. В.* Битва на синих водах – факт или историографический миф? / Бабенко А. А., Комаров О. В. // *Novogardia* –2020 – № 2 (6) – С. 135–160.
2. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. – Т. II – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 384 с.
3. *Губарев, О. Л.* Посольство русов 839 г. и оксюморон «русский каганат» / О. Л. Губарев. // *Социо-гуманитарные публикации* –2022 – №2 – С. 43–51.
4. *Губарев, О. Л.* Рюрик Скьельдунг / О. Л. Губарев. – Санкт-Петербург: Евразия, 2019. – 320 с.
5. *Карамзин, Н. М.* История Государства Российского. / Н. М. Карамзин. – Т. 1. – Санкт-Петербург: военная типография Главного штаба, 1816. – 548 с.
6. *Кожин, В. В.* История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования / В. В. Кажин –Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
7. *Комар, А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье / А. В. Комар. // *Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама.* – Москва: Институт археологии РАН, 2012. – С. 300–333.
8. *Кузенков, П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков. // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2000. Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. – С. 3–172.
9. *Кузенков, П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. / П. В. Кузенков. // *Причерноморье в Средние века.* – № 8. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – С. 7–35.
10. *Левченко, М. В.* Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева / М. В. Левченко. // *Византийский Временник* – 1951 – Т. IV. – С. 349–359.
11. *Левченко, М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. / М.В. Левченко. – Москва: Издательство АН СССР, 1956. – 556 с.
12. *Несин, М. А.* К вопросу о причине отступления татарского войска после стояния на Угре / М. А. Несин. // *История военного дела: исследования и источники.* – 2015. – № 5 – Ч. I. – С. 110–132.
13. *Несин, М. А., Фомичев, М. В.* О некоторых дискуссионных вопросах и мифах, относящихся к Невской битве 1240 года / М. А. Несин, М. В. Фомичев. // *Novogardia.* – 2020. – № 1 (5). – С. 71-131.
14. *Петрухин, В. Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоумениях в новейшей историографии / В. Я. Петрухин. // *Славяноведение.* – 2001. – №4. – С. 78–82.
15. *Повесть временных лет.* – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 667 с.
16. *Попадопуло-Керамевс, А. И.* Акафист божьей матери / А. И. Попадопуло-Керамевс. // *Византийский Временник* – 1903 –X. – С. 357–401.
17. *Толочко, А. П.* Очерки начальной руси / А. П. Толочко. – Киев; Санкт-Петербург: Лаурис, 2015. – 336 с.
18. *Фомичев, М. В., Несин М. А.* Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30-60 гг XIII в. / М. В. Фомичев, М. А. Несин. // *Novogardia.* – 2019 – № 2 – С. 45–88.
19. *Шевцов, А. О.* Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. / А. О. Шевцов. // *Труды Государственного исторического музея.* – 2018 – № 210 – С. 482–509.
20. *Щавелев, А. С.* «Корабли» и военно-морское дело народа русь IX – середины X в. (по основным синхронным письменным источникам) / А. С. Щавелев. // *Stratum plus.* – 2019. – № 5 – С. 123-132.
21. *The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. English Translation, Introduction And Commentary by Cyril Mango.* – Cambridge: Harvard University Press, 1958. – 327 p.
22. *Vasiliev, A. A.* The Russian attack on Constantinople in 860. / A. A. Vasiliev. – Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. – 246 p.
23. *Worthy, J.* The Date of Photius' Fourth Homily / J. Worthy. // *Byzantinoslavica* – 1970 – Т. 31. – P. 50–53.

Несин Михаил Александрович – к.и.н., ученый секретарь МОО «Историческое сознание» (г. Санкт-Петербург, Россия), petergof-history@yandex.ru

THE RUS RAID ON CONSTANTINOPLE IN THE SUMMER OF 860 (COURSE OF EVENTS, DURATION, COMMAND, NUMBER OF SHIPS)

M. A. Nesin

The Rus raid on Constantinople in 860 was a raid by a small army on dozens or units of ships. Suddenly appearing under the walls of the city, they burned and ravaged the suburbs during the night or round the clock, without setting themselves the goal of taking the city. Information from the Life of Patriarch Ignatius about the ruin of settlements and monasteries by the Russians on the Black Sea and the Prince Islands has no reason to associate with the realities of this Russian raid. Probably, the Russians were commanded not by a ruler, but by an ordinary military commander.

Keywords: Rus campaign against Constantinople in 860, Patriarch Photius, Rus, Michael III, Constantinople, Pope Nicholas I

References

1. Babenko A. A., Komarov O. V. Bitva na Sinih Vodah – fakt ili istoriograficheskij mif? [Battle on blue waters – a fact or a historiographic myth?] Novogardia. 2020 № (6). P. 135–160. (In Russ.)
2. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya [Ancient Russia in the light of foreign sources: antology]. Vol. II Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 384 p. (In Russ.)
3. Gubarev O. L. Posol'stvo rusov 839 g. i oksyumoron "russkij kaganat" [Embassy of the Russ in 839 and oxymoron "Russian khaganate"]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022 № 2(2). P. 43–50. (In Russ.)
4. Gubarev, O. L. Ryurik Sk'yol'dung – Saint-Petersburg: Evraziya, 2019. – 320 p. (In Russ.)
5. Karamzin N. M. Istoriya Gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian state]. Vol. 1. Sankt-Petersburg: voennaya tipografiya Glavnogo shtaba, 1816. 548 p. (In Russ.)
6. Kozhinov V. V. Istoriya Rusi i russkogo slova. Opyt bespristrastnogo issledovaniya [History of Russia and the Russian word. An unbiased research experience]. Moscow, EKSMO-Press, 2001, 512 p. (In Russ.)
7. Komar A. V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper]. Rus' v IX–XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th–11th centuries: Archaeological panorama]. Moscow, Institut arheologii RAN, 2012. P. 300–333. (In Russ.)
8. Kuzenkov P. V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikah [Campaign of 860 to Constantinople and the first baptism of Russia in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [Ancient States of Eastern Europe. 2000. Problems of Source Studies], Moscow, Vostochnaya literatura, 2003. P. 3–172. (In Russ.)
9. Kuzenkov P. V. Rus' Olega u Konstantinopolya v 904 g. [Oleg's Rus near Constantinople in 904]. Prichernomor'e v Srednie veka [Black Sea region in the Middle ages]. 2011 № 8. P. 7–35. (In Russ.)
10. Levchenko, M. V. Fal'sifikaciya istorii vizantino-russkih otnoshenij v trudah A. A. Vasil'eva [Falsification of the history of Byzantine-Russian relations in the works of A. A. Vasiliev]. Vizantijskij Vremennik [Byzantine Chronicle]. 1951 Vol. IV. P. 349–359. (In Russ.)
11. Levchenko M. V. Oчерки по истории русско-византийских отношений [Essays on the history of Russian-Byzantine relations]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. 556 p. (In Russ.)
12. Nesin M. A. K voprosu o prichine otstupleniya tatarskogo vojska posle stoyaniya na Ugre [On question of the Tartar army's retreat after The Great Standoff on the Ugra River].

Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki [History of military arts: researches and sources]. 2015. № 5. Ch.I. P. 110–132. (In Russ.)

13. *Nesin M. A., Fomichev M. V.* O nekotoryh diskussinnyh voprosah i mifah, otnosyashchihsya k Nevskoj bitve 1240 goda [About some debatable issues and myths related to the Neva battle of 1240 (on the 780th anniversary of the Neva battle)]. *Novogardia*. 2020 № 1 (5). P. 71–131. (In Russ.)

14. *Petruhin V. Ya.* O «Russkom kaganate», nachalnom letopisanii, poiskah i nedorazumeniyah v novejshej istoriografii [About the "Russian kaganate", Early Chronicles, Search and Misunderstanding in Modern Historiography]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 2001. №4. P. 78–82. (In Russ.)

15. *Povest' vremennyh let* [Tale of Bygone Years]. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. 667 p. (In Russ.)

16. *Popadopulo-Keramevs A. I.* Akafist bozh'ej materi [Akathist of the Mother of Godъ]. *Vizantijskij Vremennik* [Byzantine Chronicle]. 1903. Vol. X. P. 357–401. (In Russ.)

17. *Tolochko A. P.* Ocherki nachalnoj rusi [Essays on early Russia]. Kiev; Sankt-Peterburg: Laypys, 2015. (In Russ.)

18. *Fomichev, M. V., Nesin M.A.* Aleksandr Nevskij i Litva: voenno-politicheskie otnosheniya Severo-Vostochnoj Rusi i Litvy v 30–60 gg XIII v. [Alexander nevsy and lithuania: military-political relations of north-eastern Russia and Lithuania in the 30-60s of the XIII century]. *Novogardia*. 2019 № 2. P. 45–88. (In Russ.)

19. *Shevcov A. O.* Kollekcii vizantijskih monet Gnyozdova i Kieva v kontekste kontaktov Rusi i Vizantii v IX–XI vv. [Collections of Byzantine coins of Gnezdovo and Kiev in the context of contacts between Russia and Byzantium in the IX–XI centuries]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. 2018. № 210. P. 482–509. (In Russ.)

20. *Shchavelev A. S.* «Korabli» i voenno-morskoe delo naroda rus' IX – serediny X v. (po osnovnym sinhronnym pis'mennym istochnikam) ["Ships" and the naval affairs of the Rus people of the IX – mid-X century. (according to the main synchronous written sources)]. *Stratum plus*. 2019 № 5. P. 123–132. (In Russ.)

21. *The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople.* English Translation, Introduction and Commentary by Cyril Mango. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 327 p. (In Eng.)

22. *Vasiliev A. A.* The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. 246 p. (In Eng.)

23. *Worthy J.* The Date of Photius' Fourth Homily. *Byzantinoslavica*. 1970. Vol. 31. P. 50–53. (In Eng.)

Nesin Mikhail Alexandrovich – candidate of historical sciences, scientific secretary of the NGO "historical consciousness" (St. Petersburg, Russia), petergof-history@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 09.11.2023; принята к публикации: 26.12.2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Несин М. А. Набег русов на Константинополь летом 860 года (ход событий, продолжительность, командование, численность судов) // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. № 1(7). – С. 45–55.

FOR CITATION:

Nesin M. A. Nabeg rusov na Konstantinopol' letom 860 goda (hod sobytij, prodolzhitel'nost', komandovanie, chislennost' sudov) [Rus raid on Constantinople in the summer of 860 (course of events, duration, command, number of ships)]. // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 45–55.

УДК 94.48 + 327

ПРЕБЫВАНИЕ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА В ШВЕЦИИ И ДАНИИ В 1838 Г.

О. А. Яковлев

Статья посвящена пребыванию цесаревича Александра Николаевича в Швеции и Дании в 1838г., во время которого он познакомился с политической жизнью, достопримечательностями, достижениями в науке, технике, военном деле этих стран.

Ключевые слова: Швеция, Дания, цесаревич Александр Николаевич, заграничные путешествия 1838 г., неофициальный визит Николая I в Стокгольм.

В 1838-1839 гг. в течение четырнадцати месяцев цесаревич Александр Николаевич предпринял путешествие по Европе. Оно завершило программу его обучения и воспитания, составленную наставником поэтом В. А. Жуковским. Годом ранее состоялась поездка наследника по России, после которой Николай I посчитал необходимым «довершить его образование знакомством с главными европейскими дворами» [1, С. 93]. Маршрут, составленный для цесаревича, включал почти все страны Западной и Северной Европы, за исключением Франции и стран Пиренейского полуострова. Незадолго до начала путешествия 2 мая 1838 г. Николай I вручил сыну инструкцию, которой он должен был руководствоваться, находясь за рубежом. Называя предстоящее путешествие «важным делом», император отмечал: «Ты покажешься в Свет чужеземный, с тою же отчасти целию; т. е. узнать и запастись впечатлениями, но уже богатый знакомством с родимой стороной; и видимое будешь беспристрастно сравнивать без всякого предубеждения. Многие тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может. Мы должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, ежели от него

отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость!» [2, С. 31].

При этом император считал, что в каждом государстве сын может увидеть что-то полезное, и предлагал запомнить это для «возможного подражания» [2]. Также он наставлял великого князя быть скромным, приветливым без притворства, почтительным к монархам и их семьям, проявлять уважение к церковным обрядам. Наряду с этим, Николай I подчеркивал: «Быв со всеми приветлив, будь особенно ласков с военными, оказывай везде войскам должное уважение предпочтительно пред прочими» [2]. Император предостерегал сына от высказывания политических суждений, рекомендовал избегать разговоров на подобные темы, больше слушать, анализировать, отвечать в случае необходимости, но всегда «по совести» [2, С. 32].

Путешествие цесаревича по Европе должно было начаться с посещения Швеции. За восемь лет до этого шведский наследный принц Оскар был гостем русского императора в Санкт-Петербурге. Неожиданно для всех Николай I решил без предупреждения вместе с сыном прибыть в Стокгольм для встречи с королем Карлом XIV, с которым его связывала личная дружба. Историк Г. М. Коваленко объясняет это тем, «что в это время не только в шведском обществе, но и в правительстве усиливается неприязнь к русскому

влиянию» и проявляется русофобия [3, С. 193]. В связи с этим «Николай I решил поправить имидж России в Швеции и предпринял «пиар-акцию», направленную на завоевание шведского общественного мнения» [3].

В ночь с 26 на 27 мая император с цесаревичем отплыли в Стокгольм из Штеттина на пароходе «Геркулес». Утром 29 мая у маяка Ландсорт на острове Эя он вошел в залив Сальтшён, где его у входа в Стокгольмский архипелаг ожидал шведский пароход «Гельфом». С него на борт «Геркулеса» на баркасе были доставлены русский посланник в Швеции граф Л. С. Потоцкий с двумя секретарями посольства, генерал-майор граф К. П. Сухтелен и направленные королем для встречи цесаревича его генерал-адъютант граф Х. В. Мёрнер и камергер граф И. Х. Ф. Пипер.

Дальнейший путь к Стокгольму занял еще некоторое время, и только после пяти часов пополудни «Геркулес» подошел к его гавани. При приближении парохода под флагом наследника с многочисленных канонерских лодок и фортов на островах Кастелльхолмен и Шеппсхольмен раздался гром салюта. Толпы собравшихся на набережных жителей, многие из которых специально приехали в столицу для встречи цесаревича Александра Николаевича, приветствовали его криками «Ура!». Из-за мелководья «Геркулес» не мог пристать к берегу, поэтому Главный начальник стокгольмского порта вице-адмирал Кост с многочисленными сопровождающими прибыл на борт парохода и после отдания рапорта пригласил наследника съехать на берег на королевском катере, на котором был поднят русский флаг. Тем не менее, какие-то обстоятельства вызвали недовольство очевидца этих событий В. А. Жуковского, оставившего в своем дневнике, без объяснения причины, негативную запись: «Постыдная встреча» [4, С. 89].

После того как цесаревич и вся императорская свита отправились к

стокгольмской набережной, с другого борта парохода на воду была спущена четырехвесельная легкая парусно-гребная шлюпка – гичка. На ней Николай I в парадном мундире генерал-майора лейб-гвардии Казачьего полка, в сопровождении графа К. П. Сухтелена, обогнал катера с наследником и сопровождающими его лицами. Не зная, что в гичке находится русский император, шведский вице-адмирал был изумлен таким нарушением морского этикета, как он считал, какими-то двумя генералами. Тем временем Николай I высадился на набережной, прошел пешком через королевский сад и, опережая сына, вошел во дворец. Со словами «*Sir, vous attendiez le fils et voila le pere devant vous*» («Сир, Вы ждали сына, но вот перед Вами отец») [5, С. 165], он неожиданно для шведского короля Карла XIV появился в его кабинете. В это же время наследный принц Оскар встретил у входа во дворец великого князя Александра Николаевича, после чего Николай I представил своего сына Карлу XIV, королеве Бернардине и наследной принцессе – супруге Оскара Жозефине Лейхтенбергской.

В течение двух последующих дней великий князь Александр Николаевич находился в Стокгольме вместе с отцом. В сопровождении принца Оскара, который по случаю приезда цесаревича написал марш, 30 мая они посетили казармы двух пехотных и одного конного гвардейских полков, где наблюдали ружейные приемы и фехтование шведских гвардейцев. В этот же день они осмотрели военный госпиталь. После обеда, данного в честь высоких русских гостей в тронном зале, с борта парохода «Геркулес» во дворец привезли младших сыновей императора – шестилетнего Николая и пятилетнего Михаила, одетых в ярко-красные русские шелковые рубашки и черные ямщицкие шляпы. Затем Николай I с цесаревичем в открытом экипаже в сопровождении Карла XIV и его семьи совершили по-

ездку по живописному парку на острове Юргорден. Встречавшиеся им жители Стокгольма приветствовали двух монархов криками «Ура!». Также восторженно на другой день они встретили короля и императора с наследником, когда те в 11 часов утра выехали верхом из дворца. По улицам, заполненным народом, они проследовали за городскую заставу, где был проведен трехчасовой смотр войск столичного гарнизона – пехоты, кавалерии и артиллерии, которыми командовал принц Оскар. Позже на его половине в королевском дворце был дан обед для Николая I, цесаревича и сопровождающих их лиц. Вечером 31 мая у королевы Бернардины состоялся бал. По его окончании Николай I с младшими сыновьями, провожаемый Карлом XIV, принцем Оскаром и великим князем Александром Николаевичем, покинул Стокгольм на пароходе «Геркулес». Перед отъездом императора Карл XIV наградил ряд лиц свиты шведскими орденами, а также подарил ему порфиновую вазу, которая через год была установлена в Летнем саду. По мнению Г. М. Коваленко, неожиданный визит Николая I в Стокгольм – «эта «пиар-акция» императора в какой-то мере ослабила антирусские настроения если не во всей Швеции, то хотя бы в ее столице» [3, С. 196].

После отъезда отца цесаревич с небольшой свитой, в которую входили В. А. Жуковский, лейб-медик В. И. Енохин и еще несколько лиц, сопровождаемый принцем Оскаром, на протяжении еще более чем двух недель продолжил свое знакомство со Швецией. С этого момента началась продолжавшаяся весь период европейского путешествия переписка Александра Николаевича с Николаем I, в которой он делился с отцом своими впечатлениями.

Программа пребывания великого князя в Швеции, наряду с осмотром достопримечательностей, предусматривала демонстрацию достижений страны в науке, технике, военном деле. Так, 1

июня Александр Николаевич посетил в Стокгольме Шведскую королевскую академию наук, где встретился с её президентом – известным химиком и минерологом Й. Я. фон Берцелиусом и осмотрел его лабораторию (в июне 1838 г. Берцелиус был удостоен российского ордена Св. Станислава 1-й степени). Затем в Карлсборгском военном училище он ознакомился с обучением кадетов, которые продемонстрировали строевые упражнения и гимнастическое искусство. На другой день цесаревич принял принца Оскара с супругой на пароходе «Александрия» – императорской яхте, находившейся в те дни в шведской столице, а вечером в доме посланника Л. С. Потоцкого был дан бал, который посетила королевская семья.

Утром 3 июня началась поездка цесаревича на пароходе по озеру Меларен. Во время нее он осмотрел находившийся на берегу Окерский литейный завод барона М. Варендорфа, на котором отливались орудия для крепостей Царства Польского. Александр Николаевич обратил внимание на новое устройство казнозарядных пушек с винтовым затвором, но посчитал, что их зарядание «не совсем удобно, в особенности для больших калибров, потому что этот винт довольно тяжелый, надобно каждый раз при зарядании на руках совсем вынимать и опять вкладывать» [2, С. 34]. Вечером того же дня цесаревич прибыл в королевскую резиденцию – древний замок Грипсхольм на маленьком острове у берега озера Меларен. Осмотрев утром все достопримечательности замка – коллекцию старинного оружия, картинную галерею, помещения, в которых находились в заключении короли Эрик XIV, Юхан III и Густав IV Адольф, великий князь днем побывал в летней резиденции принца Оскара – замке Дроттингхольм на острове Ловён, а вечером в экипаже прибыл в королевский дворец Розесберг на берегу озера Меларен. Перед ужином Карл XIV поделился с цесаревичем вос-

поминаниями о своих военных кампаниях и рассказал ему «много любопытного» о сражении при Аустерлице. В Розесберге великий князь в присутствии королевской семьи провел весь следующий день. Знакомство Александра Николаевича с историческими памятниками Швеции продолжилось 6 июня, во время поездки на пароходе в замок второй половины XVII в. Скокlostер с его богатейшим собранием предметов искусства и арсеналом оружия. На другой день во время посещения Упсалы он осмотрел старейший в Скандинавии университет, основанный в 1477 г., канцлером которого был принц Оскар. Причем, цесаревич обратил особое внимание на его студентов, «которые чрезвычайно учтивы, и смотрят порядочными людьми, в благоразумных костюмах – без бород – не так, как в Германии.» [2, С. 38-39]. Принц Оскар в замке шведского короля Густава Вазы дал обед в честь великого князя, на котором присутствовали университетские профессора. В Упсале Александр Николаевич ознакомился также с новым зданием университетской библиотеки, приготовительным училищем и древним кафедральным собором, где был погребен освободитель страны от датского господства Густав Ваза. Для великого князя был проведен смотр Упландского полка, по поводу выправки которого он сделал замечание: «народ видный и довольно хорошо стоят под ружьем.» [2, С. 38].

Вечером, после переезда в Эстербю, цесаревич побывал на металлургическом заводе богатейшего предпринимателя Тамма. Видевший производство металла на уральских заводах в 1837 г., Александр Николаевич писал отцу: «смотрели производство стали, против нашего мало разницы» [2, С. 39]. Осмотрев 8 июня знаменитую шахту Даннемора по добыче железной руды, он отметил: «примечательно, что, не спускаясь вниз, все видно сверху на глубину 500 футов» [2, С. 39]. Вечером того же

дня цесаревич вернулся в Стокгольм, где спокойно провел ночь.

Тем временем в столице Швеции в ночь с 8 на 9 июня произошли беспорядки, вызванные приговором писателю и журналисту М. Я. Крузенстольпе, который за статьи с критикой действий короля, Королевского совета и требованием реформ риксдага накануне был осужден судом присяжных на три года заключения в крепости Ваксхольм. Поздним вечером толпы горожан с криками: «Ура Крузенстольпе!», «Долой Брюэ!» (от. фр. «Brun» – смуглый, т. е. король, гасконец по происхождению), – собрались около дворца, прошли к дому советника юстиции Нормана, огласившего приговор, и выбили у него окна [2, С. 37]. Затем двухтысячная толпа с целью освобождения Крузенстольпе попыталась штурмовать здание ратуши, где под охраной солдат находился оппозиционный журналист, но была рассеяна отрядом войск, открывшими по ней огонь, и полуэскадром конной гвардии. В итоге столкновения погибли два жителя Стокгольма, пять человек получили серьезные ранения, около десяти – более легкие. От камней, которые бросали протестующие, пострадали также разгонявшие их солдаты и полицейские.

Об этих ночных происшествиях Александр Николаевич узнал утром 9 июня в первую очередь от короля, который приуменьшив масштаб беспорядков, ничего не сказал о жертвах среди населения. Карл XIV заявил: «ничего страшного не было, я смущен лишь тем, что эти события случились на Ваших глазах, но все это пришло из-за границы» [2, С. 38]. В связи с этим в письме к отцу цесаревич, информируя его о происшедшем ночью, видимо, со слов короля подчеркнул, что толпы были подкуплены «журналистами-канальями». Отметив спокойствие Карла XIV и принца Оскара после этих беспорядков, великий князь выразил и свое отношение к протестам населения шведской столицы: «И точно не о чем было беспо-

коиться, разумеется, спуску этим негодьям давать не должно было, но и не делать из этого важного происшествия.» [2, С. 38]. Утром того же дня Александр Николаевич во фраке, в сопровождении одного из членов своей свиты воспитателя князя Х. А. Ливена, совершил пешую прогулку по улицам Стокгольма, на которых было уже спокойно. В письме к отцу цесаревич отметил: «Говорят, прогулка моя сделала в публике здесь весьма хорошее впечатление, ибо она показала доверенность к ней, и в то же время доказала, что этому происшествию не дают никакой важности...» [2, С. 37-38].

В очередном ответном письме сыну Николай I писал: «Я вполне одобряю твое поведение во все пребывание, равно как и во время подобие революции; твоя прогулка по городу была, кстати, и совершенно в смысле того, что от тебя всегда желаю.» [2, С. 50].

Утром 10 июня Александр Николаевич выехал из Стокгольма в район Линчёпинга в местечко Берг. Незадолго до его отъезда Карл XIV подарил ему две большие порфиновые вазы, саблю и картину художника Ш. Фалькранца, на которой был изображен город По (Гасконь), в котором родился король [2, С. 495]. Тогда же король удостоил свиту цесаревича шведских орденов.

В Берге, после осмотра шлюзов при переходе из озера Роксен в Гётаканал, открытый в 1832 г. и считавшийся одним из научно-технических достижений того времени, 11 июня началось путешествие Александра Николаевича с принцем Оскаром на пароходе по водному пути, соединяющему Балтийское море с Атлантикой. Во время поездки были остановки – в Карлсборге на берегу озера Веттерн, где цесаревич посетил строящуюся крепость, в Трольхеттане – там он осмотрел знаменитые шлюзы и водопад. Вечером 13 июня по Трольхетте-каналу Александр Николаевич прибыл в последний пункт маршрута по Швеции – в Гётеборг. На

другой день он побывал там на учениях артиллеристов и гусар, после которых «городским обществом» был дан обед, и около 4-х часов пополудни цесаревич отправился в Данию [2, С. 44]. В письме к отцу он, ранее неоднократно сообщавший о постоянно радушном к нему отношении королевской семьи, писал: «Принц Оскар меня провожал еще до парохода, не могу нахвалиться его милым обращением; в заключение повторяю, что пребывание наше в Швеции оставило нам весьма приятное впечатление» [2, С. 44]. На долгие годы, до визита Николая II в 1909 г., путешествие великого князя Александра Николаевича по Швеции останется единственным официальным визитом в эту страну представителя Российского Императорского Дома.

При подходе 15 июня шведского парохода «Гюльфе» к столице Дании цесаревича на катере встретил датский посланник при российском Дворе граф Отто Блом, на берегу Александра Николаевича в 2 часа пополудни приветствовал губернатор Копенгагена Вильгельм фон Гессен ландграф Гессенский. Затем встречающие наследника лица привезли его во дворец Амалиенбург, где Александр Николаевич был представлен королю Фредерику VI и его семейству. После «фамильного обеда» цесаревич был размещен в другом королевском дворце – Кристианборге. Вечером того же дня он побывал в Королевском театре на поставленном Августом Бурнонвилем балете «Вальдемар», оценив его как «весьма порядочно» в письме к отцу [2, С. 44]. Утром 16 июня король сам посетил цесаревича, после чего последовала церемония представления Александру Николаевичу официальных лиц, включая дипломатов. Затем великий князь осмотрел местное адмиралтейство и нашел, что «оно содержится в большом порядке» [2, С. 44]. В тот же день в честь цесаревича были даны «большой обед» у Фредерика VI и бал у принца Фердинанда, но даль-

нейшее знакомство Александра Николаевича с датской столицей и ее достопримечательностями прервала болезнь – лихорадка вследствие сильной простуды. С 17 июня и до самого отъезда из Копенгагена, на протяжении двух недель, он почти не покидал Кристиансбург, более того, доктора настояли на его переезде вечером 27 июня в другие, менее сырые, помещения.

Из-за болезни цесаревича 19 июня Фредерик VI пришлось у стен дворца провести парад своих войск, которые прошли церемониальным маршем под окнами Александра Николаевича. После этого в письме к отцу он дал им следующую оценку: «...я нашел их лучше, чем полагал, в особенности пехота, шаг свободный, и равнение порядочное; выправки одиночной нет никакой и цвет мундиров прегадкий, кирпичный. В гвардейских батальонах лейб-конной гвардии народ очень видный и лошади у последних хороши; из остальной кавалерии, гусары, кажется лучше, а на артиллерию смотреть нельзя, такая гадость» [2, С. 46]. Когда же 27 июня вновь у дворца Кристиансбург король провел учения двух батальонов пехоты, наблюдая за ними из окна вместе с Александром Николаевичем, последний не преминул отметить: «У них есть много хорошего, но много смешного» [2, С. 54].

В первые дни пребывания цесаревича в Копенгагене – первого официального визита в Данию представителя династии Романовых со времени посещения ее Петром I в 1716 г. – король лично вручил ему орден Слона, которым тот был пожалован еще в апреле 1834 г. [2, С. 498]. В свою очередь, Александр Николаевич преподнес наслед-

ному принцу Кристиану Фредерiku орден Св. Андрея Первозванного. По свидетельству князя Х. А. Ливена: «Прием великого князя в Копенгагене был на редкость ласковым и представлял собой блестящее зрелище, которое было со стороны двора отмечено изъявлением самых дружеских и сердечных чувств» [2, С. 497-498].

В одном из ответных писем сыну Николай I, проявляя, видимо, свое негативное отношение к военным и парламентским реформам Фредерика VI, задал цесаревичу иронический вопрос: «Что-то ты подделываешь в Копенгагене; я думаю, нагляделся чудес! Но, выдержал ли не смеяться? Эй, берегись!» [2, С. 51]. Однако, тот не оставил никаких критических замечаний в адрес датского короля и его политики. Более того, по поводу Фредерика VI он писал отцу: «Несмотря на 70 лет, он перед войсками верхом молодцом, и держит их в руках, равно и народ, не так как в Швеции» [2, С. 47].

Только 30 июня, когда доктора позволили Александру Николаевичу продолжить свое заграничное путешествие, он покинул Копенгаген и на пароходе «Геркулес» направился в Любек.

В отличие от Швеции, недолгое знакомство с Данией у цесаревича ограничилось только одной ее столицей, но все же, за несколько первых дней пребывания в Копенгагене, по мнению князя Х. А. Ливена: «Его Императорское Высочество смог непосредственно составить себе представление о степени цивилизованности страны, а также о политике правительства и характере его действий» [2, С. 497].

Список источников и литературы

1. *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб. 1903. Т. 1. 538 с.
2. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838 – 1839/ По ред. Л. Г. Захаровой, С. В. Мироненко. – М.РОССПЭН. 2008. 744 с.
3. *Коваленко Г. М.* Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина. СПб: Круга. 2018. 354 с.

4. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. М.: «Языки славянской культуры». 2004. Т.14. 801 с.

5. Фелькнер В. Я. Поездка императора Николая Павловича в Стокгольм в 1838 г. // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1. 240 с.

Яковлев Олег Александрович – к.и.н., доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), olegyakovlev2002@mail.ru

THE STAY OF TSAREVICH ALEXANDER NIKOLAEVICH IN SWEDEN AND DENMARK IN 1838

O. A. Yakovlev

The article is devoted to the stay of Tsarevich Alexander Nikolaevich in Sweden and Denmark in 1838, during which he got acquainted with the political life, sights, achievements in science, technology, and military affairs of these countries.

Keywords: Sweden, Denmark, Tsarevich Alexander Nikolaevich, foreign travel in 1838, unofficial visit of Nicholas I to Stockholm.

References:

1. *Tatishchev S. S.* Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i carstvovanie. [Emperor Alexander II, his life and reign] SPb. 1903. Т. 1. 538 p. (In Russ.)

2. Perepiska cesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1838 – 1839 [Correspondence of Tsarevich Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1838 – 1839] / Po red. L. G. Zaharovoj, S. V. Mironenko. – M.ROSSPEN. 2008. 744 p. (In Russ.)

3. *Kovalenko G. M.* Rossiya i SHveciya ot Ryurika do El'cyna. [Russia and Sweden from Rurik to Yeltsin] SPb: Kriga. 2018. 354 p. (In Russ.)

4. *ZHukovskij V. A.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem. [The complete collection of writings and letters.] М.: «Языки славянской культуры». 2004. Т.14. 801 p. (In Russ.)

5. *Fel'kner V. YA.* Pоеzdka imperatora Nikolaya Pavlovicha v Stokgol'm v 1838 g. [The trip of Emperor Nicholas Pavlovich to Stockholm in 1838] // Russkaya starina. 1875. Т. 12. № 1. 240 p. (In Russ.)

Yakovlev Oleg Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), olegyakovlev2002@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024; принята к публикации: 19.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Яковлев О. А. Пребывание цесаревича Александра Николаевича в Швеции и Дании в 1838 г. // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 56-62.

FOR CITATION:

Yakovlev O. A. Prebyvanie cesarevicha Aleksandra Nikolaevicha v SHvecii i Danii v 1838 g. [The stay of Tsarevich Alexander Nikolaevich in Sweden and Denmark in 1838] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 56-62.

СЕВЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА ДВИЖЕНИЯ

Д. Г. Черкасов

Различные внесистемные политические движения могут в значительной степени преобразовывать внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Праворадикальные движения в свою же очередь используют экстремистские методы, которые могут дестабилизировать всё общество в целом. Одним из самых масштабных и популярных праворадикальных внесистемных движений в Швеции стало «Северное движение сопротивления». В статье представлена история формирования движения и анализ её влияния на современную политическую систему Швеции.

Ключевые слова: Праворадикальное движение, мультикультурализм, национализм, политический спектр, политическая борьба, экстремизм.

Шведский политический спектр насчитывает большое количество партий различной идеологической направленности. Среди них достаточно большое представительство имеют крайне правые партии и радикальные движения. Многие из подобных движений хоть и являются внесистемными политическими акторами, но при этом за счёт своей активной деятельности они оказывают значительное влияние на проводимую шведским правительством политику. Внепарламентские радикальные движения не редко избирают методы политической борьбы нарушающие моральные и правовые нормы.

Примером того как радикальные движения стремятся накалить общественную обстановку стала акция по сожжению Корана в шведском городе Мальмё в 2020 году[1]. Шведский уличный художник Дэн Пак совместно с датской праворадикальной партией «Жесткий курс» организовал акцию протеста против миграционной политики Швеции, в ходе которой был сожжен Коран, а сама акция была снята на видео и распространена в социальных сетях. Подобная провокация вызвала агрессию со стороны мусульманского населения в Мальмё. Участники беспорядков поджигали салюты и петарды, кидались в полицейских брусчаткой и

поджигали автомобильные шины с мусором. Были повреждены несколько полицейских машин и как минимум одна машина спасательной службы. В районах, где проходили столкновения, также сгорело несколько автомобилей. Беспорядки удалось предотвратить только с помощью местного имама[1].

При этом отдельные маргинальные радикальные политические движения происходят из криминальных националистических кругов. Одной из таких организаций является «Северное движение сопротивления» (СДС), возникшей в 1990-е годы из бывших членов «Белого арийского сопротивления», молодежной организации «Национальная молодёжь» и газеты «Народная трибуна». Многие из учредителей «Северного движения сопротивления» отбывали тюремные сроки за различные особо тяжкие преступления, в частности убийства иммигрантов[2]. В 1997-ом году участники вышеперечисленных организаций сформировали первое шведское отделение Северного движения сопротивления. С самого начала своего формирования СДС ставило перед собой весьма амбициозные цели. Движение стремилось распространить своё влияние на остальные скандинавские страны. Финальной целью СДС было создание путём революции североевро-

пейской национал-социалистической республики. В планах организации в состав нового государства входили бы современная Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия и страны Прибалтики, также потенциально территория республики могла бы расшириться и за счёт Британских островов[2].

В частности из-за своей декларируемой революционной направленности «Северное движение сопротивления» включено Шведской службой безопасности SÄPO в перечень самых серьёзных угроз для национальной безопасности Швеции наряду с терроризмом. Сами представители СДС комментируют свои намерения следующим образом: «Несмотря на то, что движение сопротивления стремится создать государство с авторитарным правительством, в наших планах также развитие свобод и демократии. Североевропейская национал-социалистическая республика, несомненно, будет государством с сильным лидером, но одновременно и демократией»[3].

Северное движение сопротивления на начальных этапах своего существования смогло найти единомышленников в соседних скандинавских странах. В 1998 году движение распространилось на территорию Норвегии. В 2006 году норвежская ячейка движения временно прекратила свою деятельность, однако уже в 2010 году она была восстановлена. В 2007 году появилось финское отделение СДС, а в 2013 году движение распространилось и на Данию. В 2018 году Финская ячейка была официально запрещена финским правительством. Последнее расширение организации произошло в 27 июля 2016 года за счёт исландской ячейки[4]. Однако существует вероятность появления подобной ячейки и в Великобритании, поскольку там ведётся активная пропаганда идеологии СДС и даже создан программный документ «Наш путь» на английском языке и адресованный в первую очередь британцам.

Структура Северного движения сопротивления наиболее развита именно в Швеции. Организация разделена на семь региональных отделений – «гнезд» расположенных в крупных ландстингах страны[5]. У каждого регионального отделения есть свой руководитель. Внутри региональных отделений, есть также ячейки. Зачастую руководитель одной из ячеек области, является руководителем и регионального отделения, к которому принадлежит ячейка[5]. На данный момент главное гнездо располагается в Стокгольме и Упсале. Остальные гнезда имеют ячейки в Халланде, Сконе, Емтланде, Даларне, Норрботтене и Вестерботтене, Готланде и Йенчёпинге. Помимо гнезд и ячеек в СДС существует координационный совет в состав которого входят лидеры гнезд, они и осуществляют основное управление деятельностью движения. Северное движение сопротивления обладает строгой иерархией. Во главе движения были Клас Лунд, Хаакон Форвальд, но сейчас СДС возглавляет Симон Линдберг[5].

У движения сопротивления есть широкий спектр разных направленностей, издательство Nationellt motstånd («Национальное сопротивление») издаёт литературу, которая потом продаётся на съездах организации и публичных мероприятиях. Также у организации существует помощь заключённым активистам «Fånghjälpen», издаётся газета Nationellt Motstånd («Национальное сопротивление»), и выкладываются фильмы на Youtube-канал «Motstånd media». В 2015 году Северное движение сопротивления было зарегистрировано как шведская политическая партия, но на выборах различного уровня успехов СДС не добилось. Движение финансируется путём сбора денег с симпатизирующих движению граждан ЕС, в месяц для функционирования движению требуется в районе 20 тысяч евро[6].

СДС стремится распространить своё влияние и на территорию Россий-

ской Федерации за счёт русскоязычных членов шведских гнёзд, которые потом публикуют статьи организации в группе в Вконтакте[7]. Однако следует отметить, что свою деятельность на территории России СДС ограничивало информационной пропагандой о вреде миграционных потоков и выступлениями на нескольких маргинальных националистических конференциях, а с 2020 года её деятельность на территории РФ фактически прекратилась. Сейчас Северное движение сопротивления занимает ярко выраженную антироссийскую позицию.

Политическая борьба, проводимая СДС, которую сами участники называют «сопротивлением», зачастую сводится к преступным, а иногда и террористическим методам. 7 июля 2017 года трое мужчин, связанных со шведскими ячейками СДС, были приговорены к тюремному заключению за три взрыва в Гетеборге, которые произошли в ноябре 2016 года и январе 2017 года. Эти взрывы произошли в центре для беженцев в Вестра-Фрелунде[8]. 30 сентября 2017 года Северное движение сопротивления организовало марш, в котором приняли участие около 500 человек, во втором по величине городе Швеции Гетеборге, приуроченный к ежегодной Гетеборгской книжной ярмарке. Между СДС и контрдемонстрантами вспыхнула драка. Двадцать два члена СДС, включая лидера организации Саймона Линдберга, были арестованы по подозрению в общественных беспорядках, а один участник контрдемонстрации был арестован по подозрению в нападении на сотрудника полиции[9].

19 апреля 2018 года в посольство США в Стокгольме были брошены фейерверки во время акции протеста против бомбардировок Сирии. Один участник Северного движения сопротивления был арестован. В том же месяце член СДС был арестован за заговор с целью убийства журналистов. Полиция конфисковала у мужчины дробовик. 6

июля 2018 года члены СДС напали на двух израильских активистов на Готланде. В мае 2022 года шведская полиция арестовала мужчину из Фальчепинга за хранение огнестрельного оружия и мощных взрывчатых веществ. Полиция утверждает, что мужчина планировал массовую стрельбу и взрывы бомб. У мужчины были также найдены экстремистские материалы Северного движения сопротивления[10].

СДС в период начала своего формирования имела более радикальные взгляды и применяла более экстремистские методы борьбы. Однако после 2015 года руководство Северного движения сопротивления избрало более умеренные политические ориентиры. Из-за этого в СДС произошёл раскол, и выделилась отдельная более радикальная и милитаризованная группа. Она получила названия Северная сила (*Nordisk Styrka*). Северная сила формировалась в августе 2019 года наиболее бескомпромиссными членами СДС, которые отвергают ориентированную на парламент стратегию массовой организации шведской группы как недостаточно радикальный подход[11]. Группа описывает себя как «боевую организацию» и придерживается очень строгих физических стандартов для своих членов. Члены группы были осуждены за более чем 100 насильственных преступлений и правонарушений с применением оружия и используют старую церковь в Вестманланде в качестве своей штаб-квартиры.

Современная специфика Северного движения сопротивления во многом продиктована проблемами движения. Раскол организации, запрет финской ячейки и ограниченность численности прочих ячеек, кроме шведской, а также невозможность достичь своих целей традиционными политическими методами, заставляет Северное движение сопротивления искать себе поддержку в прочих европейских странах. Члены совета СДС часто участвуют в различных

маргинальных конференциях с националистической тематикой с целью привлечения новых участников и сбора средств.

Северное движение сопротивления сейчас скорее является угасающим политическим движением, поскольку численность участвующих в подобной организации постоянно сокращается, а политические идеи правого спектра в умеренном формате уже представлены

в Риксдаге Шведскими демократами. Однако на фоне кризиса мультикультурализма в шведском обществе и радикальности мер некоторых ячеек СДС, движение ещё долгое время сможет создавать внутривнутриполитическую напряжённость и провоцировать правоохранительные органы к более стремительным реформам, косвенно достигая некоторые цели Северного движения сопротивления.

Список источников и литературы:

1. Aftonbladet, Polisen rustar för nya upplopp i Malmö – kallar in förstärkning från hela landet [Электронный ресурс] // Новостной портал на шведском языке Aftonbladet. - URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/vQvdpj/polisen-rustar-for-nya-upplopp-i-malmo--kallar-in-forstarkning-fran-hela-landet> (дата обращения 15.02.2024).

2. Svenska Motståndsrörelsen [Электронный ресурс] // Интернет-архив Wayback Machine - URL: https://web.archive.org/web/20071017231132/http://expo.se/research_smr.html# (дата обращения 15.02.2024).

3. Framtidens styre [Электронный ресурс] // Интернет-архив Wayback Machine -URL: <https://web.archive.org/web/20100722094452/http://www.patriot.nu/artikel.asp?artikelID=1401> (дата обращения 15.02.2024).

4. Rapport från Island, Ludvika och om AIPAC-talet [Электронный ресурс] // Интернет-газета на шведском языке Nordfront.se - URL: <https://nordfront.se/rn52-rapport-fran-island-ludvika-och-om-aipac-talet.smr> (дата обращения 15.02.2024).

5. Motståndsrörelsen rekryterar [Электронный ресурс] // Интернет-газета на шведском языке Nordfront.se - URL: <https://nordfront.se/motstandsrorelsen-rekryterar.smr> (дата обращения 16.02.2024).

6. Nordfront [Электронный ресурс] // Интернет-газета на шведском языке Nordfront.se - URL: <https://nordfront.se/> (дата обращения 16.02.2024).

7. Северное движение сопротивления [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/nordfront_sverige (дата обращения 16.02.2024).

8. Aftonbladet, Nazister döms till fängelse för bombdåden i Göteborg [Электронный ресурс] // Новостной портал на шведском языке Aftonbladet. - URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/7rx2w/nazister-doms-till-fangelse-for-bombdaden-i-goteborg> (дата обращения 16.02.2024).

9. Aftonbladet, NMR-ledaren Simon Lindberg anhållen efter nazimarschen [Электронный ресурс] // Новостной портал на шведском языке Aftonbladet. - URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/8e1n1/nmr-ledaren-simon-lindberg-anhallen-efter-nazimarschen> (дата обращения 16.02.2024).

10. Vice news Swedish Police Say They Thwarted Neo-Nazi Bombing and Mass Murder Plot [Электронный ресурс] // Новостной портал VICE Digital - URL: <https://www.vice.com/en/article/y3va9g/sweden-neo-nazi-mass-murder-plot-arrest> (дата обращения 17.02.2024).

Arbetaren NMR splittras – Klas Lund bildar ny nazistgrupp [Электронный ресурс] // Интернет-газета на шведском языке Газета Arbetaren - URL: <https://www.arbetaren.se/2019/08/14/nmr-splittras-klas-lund-bildar-ny-nazistgrupp/> (дата обращения 17.02.2024).

Черкасов Дмитрий Геннадьевич – ассистент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), mitya-cher2801@yandex.ru

THE NORTHERN RESISTANCE MOVEMENT: THE HISTORY OF ITS FORMATION AND THE MODERN SPECIFICS OF THE MOVEMENT

D. G. Cherkasov

Various non-systemic political movements can significantly transform the domestic political situation in the country. Right-wing radical movements, in turn, use extremist methods that can destabilize society as a whole. One of the largest and most popular right-wing radical non-systemic movements in Sweden has become the "Northern Resistance Movement". The article presents the history of the formation of the movement and the analysis of its influence on the modern political system of Sweden.

Keywords: Right-wing radical movement, multiculturalism, nationalism, political spectrum, political struggle, extremism.

References:

1. Aftonbladet, Polisen rustar för nya upplopp i Malmö – kallar in förstärkning från hela landet [Electronic resource] // The Swedish-language news portal Aftonbladet. - URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/vQvdpj/polisen-rustar-for-nya-upplopp-i-malmo--kallar-in-forstarkning-fran-hela-landet> (last request: 02/15/2024).
2. Svenska Motståndsrörelsen [Electronic resource] // The Wayback Machine Internet Archive - URL: https://web.archive.org/web/20071017231132/http://expo.se/research_smr.html# (last request: 02/15/2024).
3. Framtidens styre [Electronic resource] // The Wayback Machine Internet Archive - URL: <https://web.archive.org/web/20100722094452/http://www.patriot.nu/artikel.asp?artikelID=1401> (last request: 02/15/2024).
4. Rapport från Island, Ludvika och om AIPAC-talet [Electronic resource] // Online newspaper in Swedish Nordfront.se - URL: <https://nordfront.se/rn52-rapport-fran-island-ludvika-och-om-aipac-talet.smr> (last request: 02/15/2024).
5. Motståndsrörelsen rekryterar [Electronic resource] // Online newspaper in Swedish Nordfront.se - URL: <https://nordfront.se/motstandsrorelsen-rekryterar.smr> (last request: 02/16/2024).
6. Nordfront [Electronic resource] // Online newspaper in Swedish Nordfront.se - URL: <https://nordfront.se/> (last request: 02/16/2024).
7. The Northern Resistance Movement [Electronic resource] // Online newspaper in Swedish Nordfront.se - URL: https://vk.com/nordfront_sverige (last request: 02/16/2024).
8. Aftonbladet, Nazister döms till fängelse för bombdåden i Göteborg [Electronic resource] URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/7rx2w/nazister-doms-till-fangelse-for-bombdaden-i-goteborg> (last request: 02/16/2024).
9. Aftonbladet, NMR-ledaren Simon Lindberg anhållen efter nazimarschen [Electronic resource] // The Swedish-language news portal Aftonbladet. - URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/8e1n1/nmr-ledaren-simon-lindberg-anhallen-efter-nazimarschen> (last request: 02/16/2024).
10. Vice news Swedish Police Say They Thwarted Neo-Nazi Bombing and Mass Murder Plot [Electronic resource] // VICE Digital News Portal - URL: <https://www.vice.com/en/article/y3va9g/sweden-neo-nazi-mass-murder-plot-arrest> (last request: 02/17/2024).
11. Arbetaren NMR splittras – Klas Lund bildar ny nazistgrupp [Electronic resource] // Online newspaper in Swedish Arbetaren Newspaper - URL: <https://www.arbetaren.se/2019/08/14/nmr-splittras-klas-lund-bildar-ny-nazistgrupp/> (last request: 02/17/2024).

Cherkasov Dmitry Gennadievich – Assistant of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), mitya-cher2801@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 07.02.2024; принята к публикации: 16.02.2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Черкасов Д. Г. Северное движение сопротивления: история формирования и современная специфика движения // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 63-68.

FOR CITATION:

Cherkasov D. G. Severnoe dvizhenie soprotivleniya: istoriya formirovaniya i sovremennaya specifika dvizheniya [The northern resistance movement: the history of its formation and the modern specifics of the movement] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 63-68.

«ЗАВЯЗКИ МИРА» НА СКАНДИНАВСКОМ КЛИНКОВОМ ОРУЖИИ: РЕАЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

А. Ю. Покрищук

Статья посвящена одному из интереснейших и загадочных элементов раннесредневековой экипировки воина-мечника – «завязкам мира». Используя данные саг, а также на основе данных ряда других письменных источников, автор обосновывает реальность существования «fridbönd» и раскрывает некоторые предположения о возможном времени их появления и сроках бытования в среде скандинавских воинов.

Ключевые слова: «завязки мира», fridbönd, меч, сага, германцы, тинг.

Перед лицом современного оружейоведения сегодня стоит огромное множество вопросов, которые связаны с производством вооружения в тех или иных регионах, его использованием и, что не менее важно, места оружия в культурах разных народов. Разработка и решение этих вопросов может помочь исследователям, во-первых, лучше понимать изучаемые ими народы и их жизнь, а во-вторых, более детально и осмысленно реконструировать внешний облик воинов тех или иных культур.

В раннесредневековом западном оружейоведении все эти проблемы стоят перед учеными не менее остро. До сих пор проводятся многочисленные исследования, посвященные символическому значению предметов вооружения и их месту в культуре раннесредневековой Европы, и их количество показывает неугасающий интерес к оружию, как одному из ярчайших элементов любой культуры. В вопросах реконструкции вооружения и облика воина, в частности германского, интересным представляется такой элемент экипировки, как «завязки мира» (*fridbönd*) – некая перевязь, которая опоясывает гарду меча и не дает извлечь его из ножен. *Fridbönd* упоминается в ряде источников в контексте боя или неожиданного нападения, однако мы не фиксируем его археологически или изобразительно. Вследствие этого перед учеными встают три проблемы: во-первых, существовал ли этот элемент вооружения вообще, и

если существовал, то насколько массово? во-вторых, как он мог выглядеть и крепиться к ножнам меча? в-третьих, каковы хронологические рамки бытования «завязок мира» в германских обществах?

Чтобы постараться дать ответы на поставленные выше вопросы, необходимо проанализировать известные нам источники на предмет упоминаний «завязок мира», после чего рассмотреть существующие на сегодняшний день концепции, связанные с бытованием и использованием *fridbönd* в раннесредневековом германском обществе. Затем, на основе данных источников и историографии, постараться понять хронологические рамки существования данного элемента вооружения.

В каких источниках содержатся упоминания «завязок мира»? Загадочный элемент вооружения фигурирует в событиях, описанных в сагах. Так, в Саге о Гисли сыне Кислого вниманию исследователя предстает такая картина: брат главного героя саги, Торкель, отправляется на тинг Трескового Фьорда. Там, после прибытия на место, к Торкелю подходят два юноши вместе с бродягой Халльбьерном Колпаком и происходит следующий диалог:

«Вот заводит разговор один из мальчиков, тот, что постарше, и говорит:

— Что это за знатный человек сидит здесь? Не видывал я человека собой красивее и благороднее.

Торкель отвечает:

— *Спасибо на добром слове. Меня зовут Торкель.*

Мальчик сказал:

— *Верно, нет цены тому мечу, что у тебя в руках. Не дашь ли ты мне взглянуть на него?*

Торкель отвечает:

— *Странная это просьба, но, пожалуйста, я дам тебе взглянуть.*

И протягивает ему меч. Мальчик взял меч, отступил немного, развязал завязки на ножнах и обнажил меч. Увидев это, Торкель сказал:

— *Я ведь не разрешал тебе обнажать меч.*

— *А я и не просил у тебя разрешения!* — *сказал мальчик.*

И он заносит меч и рубит Торкеля по шее так, что слетела с плеч голова...» [7; XXVIII].

Также упоминание *fríðbönd* можно встретить в Саге о Хитром Реве, во время боя главного героя с Торбьерном. Хитрый Рев вел тяжбу с Торбьерном и все должен был решить поединок. Главный герой атакует своего противника, используя копье, и валит его на землю. Сам же Торбьерн ничего не смог сделать, поскольку был не способен извлечь меч [17; III]. Судя по всему, клинок был зафиксирован «завязками мира», и это послужило причиной поражения Торбьерна. Однако в случае с этой сагой предположение о том, что предположение, в котором содержится слово *fríðbent*, означает именно закрепление меча в ножнах с помощью *fríðbönd*, не подтверждается полностью, и исландско-английский словарь говорит о том, что подобный его перевод в Саге о Хитром Реве «несомненно, неверно» [16]. Поэтому данное упоминание достаточно спорно, однако не учитывать его в общем анализе мы не можем, ведь иных причин того, что Торбьерн не смог оказать сопротивление Реву из-за того, что не смог вынуть меч из ножен, практически нет.

К самым поздним упоминаниям «завязок мира» в письменных источниках относится момент с сожжением ху-

тора на Мошкарном Болоте, описанный в Саге о Стурлунгах. Невероятно трагичный и очень живой эпизод начинается с того, что на усадьбу, в которой живет Гицур, сын Торвальда, и его семья, нападают люди Стурлы, сына Сигхвата, и первый готовится к бою: «*Гицур сын Торвальда и его жена Гроа лежали с западной стороны горницы возле перегородки, отделявшей женский отсек горницы от главного. А его сын Халль с Ингибьерг лежали по ту сторону перегородки в угловой кровати, и в перегородке между их кроватями было круглое окошко. Гицур проскочил ночью в это окошко к Халлю с Ингибьерг и велел им быстрее просыпаться. Гицур влез в броню и успел нацепить стальной шишак себе на голову. Гроа взяла меч Бронерез, развязала тесьму на ножнах (*fríðbönd*) и подала Гицуру. Затем он обнажил меч...*» [9; 172]. В отличие от предыдущих саг, события этой имеют точную хронологическую привязку – конец XII – конец XIII в. Вышеобозначенное событие же произошло 22 октября 1253 г., что говорит о возможном бытовании «завязок мира» по XIII в., после которого они уже не встречаются.

Основная проблема, связанная с «завязками мира», а именно реальность их существования и крепление к самому оружию, получила в историографии хоть и не очень большой, но существенный отклик. Одним из первых в научной литературе эту проблему поднял английский исследователь Э. Оукшотт в книге «Археология оружия». Говоря о том, как ученые интерпретировали кольца на эфесах оружия эпохи Венделя, он приводил гипотезу о том, что они могли использоваться для закрепления *fríðbönd* [5; с.136]. Однако сам ученый скептически относился к этому предположению и, не отрицая возможности существования самих «завязок», говорил, что расположение колец и их форма не предполагает, в абсолютном большинстве случаев, крепление к ним

чего-либо. А. А. Сванидзе в своем труде «Викинги – люди саги: жизнь и нравы» также несколько коснулась проблемы существования *fridbönd*. Ссылаясь на отрывок из Саги о Стурлунгах, которые был приведен ранее, она говорила о том, что на ножнах мечей крепились «завязки мира», которыми было принято подвязывать меч во время тинга, а также пребывания на капище, а позднее в церкви [14; с.199]. Так же, как и Э. Оукшотт, Аделаида Анатольевна признавала существование «завязок мира» как одного из элементов экипировки воина, однако они не представили нам возможные варианты реконструкции того, как «завязки» могли выглядеть и крепиться к оружию. У. Скотт и Р. Оскарссон – англо-исландские исследователи – совсем недавно, в 2021 году, выпустили книгу «Men of Terror», в которой ставили себе цель проследить историю и методы использования оружия в эпоху викингов на базе археологических источников и данных саг. В своем труде ученые достаточно много внимания уделили «завязкам мира», однако самым главным результатом их работы явился один из вариантов реконструкции того, как данный элемент экипировки мог крепиться к ножнам меча и удерживать его в них [19]. Стоит заметить, что их предположение основано не только на материалах письменных источников, но также на проверке его работоспособности на практике (кожаный ремешок обвязывается вокруг гарды меча перекрестно, что позволяет крепко удерживать клинок в ножнах и обеспечивает его быстрое снятие с перекрестья) [18-19]. На фоне небольшого числа профильных исследований вооружения нашей эпохи, на просторах интернета существует огромное множество популярных статей, которые, копируя информацию друг у друга, иногда излагают свои версии того, как мог выглядеть *fridbönd*. Так, одна из подобных статей, ссылаясь на находки Стаффордширского клада, в ча-

стности на странные пирамидки, предназначение которых неизвестно, предполагает их использование в качестве украшения «завязок мира». Версия, безусловно, интересная и даже обоснованная, поскольку две таких пирамидки имеют в своей основе проушины, в которые, теоретически, могут быть вдеты «завязки мира». Однако, поскольку у нас до сих пор нет в распоряжении сохранившихся остатков *fridbönd*, мы не можем утверждать об этом с полной уверенностью, а поэтому остановимся на том, что у нас существует несколько версий реконструкции вида *fridbönd* и их крепления к ножнам.

В ходе работы над докладом у автора возникло предположение о другой возможности использования «завязок мира», связанной больше с боем: в случае их крепления на эфесе меча, они могли использоваться как своего рода темляк, с помощью которого оружие фиксировалось в руке владельца. Примечательно, что описание такого «темляка» имеется в двух достаточно хорошо известных текстах – в Саге об Эгиле Скаллагримссоне в эпизоде боя Эгиля с Берг-Энундом [13; LVII], и в Саге о Гуннлауге Змеином языке [8; VII], также в контексте сражения с берсерком. Изначально автор выдвинул предположение о том, что *fridbönd* могли использоваться также в бою, однако данное предположение не нашло должных обоснований, поскольку «завязки мира» в текстах обычно фигурируют под своим обычным названием, не заменяясь на какие-либо иные, в то время, как в двух вышеупомянутых сагах фигурирует совершенно другой элемент экипировки (судя по всему, именно импровизированный темляк). В довершение, как показывает исследование У. Скотта и Р. Оскарссона [19], «завязки мира» наматывались на ножны, а их переделка под ремennую петлю, схожую с той, которую мы встречаем у Эгиля и Гуннлауга, была бы невозможной в ситуации скорого боя. Поэтому данное пред-

положение, выдвинутое в начале исследования, оказалось без должной опоры данных источников и, вследствие этого, необоснованным.

Подводя промежуточные итоги и опираясь на материалы саг, можно достаточно уверенно ответить на первый из поставленных в начале вопросов – «завязки мира» как некая перевязь на ножнах, закрепляющая меч в них, существовала на самом деле и не является метафорой или любым другим средством украшения речи – это действительный элемент экипировки мечника. На второй вопрос можно ответить уже не так уверенно, поскольку у нас не сохранилось подробного описания крепления «завязок мира» в сагах или других письменных источниках. Однако некоторые предположения реконструкторов и их варианты, основанные на практике проверки своих предположений, позволяют составить себе примерное представление, как «завязки мира» могли выглядеть. Но пока что без ответа остается третий вопрос: каковы хронологические рамки бытования «завязок мира» в германских обществах и какова их роль в общей оружейной культуре германцев и скандинавов? Весь последующий текст – попытка дать на него обоснованный ответ.

Итак, говоря о хронологических рамках, мы достаточно уверенно можем сказать, что самый поздний случай их применения – середина XIII в., после которого они, видимо, окончательно выходят из употребления. Однако остается неясным время, когда они появились и, что не менее важно в этом вопросе, – что послужило причиной их появления? Э. Оукшотт и А. А. Сванидзе, рассуждая о применении «завязок мира», говорили, что их использовали во время тинга или же другого собрания вооруженных людей, чтобы избежать необдуманного кровопролития в пылу ссоры [5; 14]. Аналогичной позиции сегодня придерживается С. Ю. Каинов [2; с.4]. Поскольку свободные германцы практиче-

ски не расставались со своим оружием, ведь оно являлось для них символом их свободы [см. 3], на народное собрание они тоже являлись вооруженными, как писал на рубеже I-II вв. н.э. Публий Корнелий Тацит [20; XI]. Он же дает нам описание процесса проведения народного собрания у древних германцев: «...Когда толпа сочтет, что пора начинать, они рассаживаются вооруженными. Жрецы велют им соблюдать тишину, располагая при этом правом наказывать непокорных. Затем выслушиваются царь и старейшины в зависимости от их возраста, в зависимости от знатности, в зависимости от боевой славы, в зависимости от красноречия, больше воздействуя убеждением, чем располагая властью приказывать. Если их предложения не встречают сочувствия, участники собрания шумно их отвергают; если, напротив, нравятся, — рассказывают поднятые вверх фрамеи: ведь воздать похвалу оружием, на их взгляд, — самый почетный вид одобрения» [20; XI]. Что подразумевал Тацит под словами «жрецы велют им соблюдать тишину», сказать определенно достаточно сложно, однако можно предположить, что имелось в виду соблюдение мира на народном собрании, запрет на боевое применение оружия и наблюдение за тем, чтобы это правило неукоснительно соблюдалось. Если мы примем за истину это предположение, то сможем развить эту мысль дальше и выразить новую догадку – «завязки мира» на мечях появляются у германцев II-III вв. н.э. и изначальные их функции как раз были связаны с предотвращением кровопролития на народных собраниях свободных людей. С течением времени у континентальных германцев этот элемент вооружения исчез за ненадобностью, поскольку народные собрания в их древнегерманском виде перестали собираться и сменялись сбором войска в марте, а позже – в мае [3; с.281]. В Скандинавии же этот элемент вооружения просуществовал дольше, воз-

можно до того момента, пока на тинг можно было являться вооруженным. Однако уже примерно с X в. свободные приходили на собрание безоружными, как это описывается, например, в Саге об Эгиле Скаллаgrimссоне [13; LVI], а приход бондов вооруженными считался грубым нарушением и выражением неповиновения [12; LV, LXV; 10; XX]. Если предположить, что со становлением Норвежского государства при Харальде Прекрасноволосом было запрещено приходить с оружием на тинг, то можно немного приблизиться к пониманию того, почему в Исландии «завязки мира» так долго сохраняются и используются даже в XIII в: на далеком острове, видимо, сохранялись старые германские порядки пребывания на народном собрании вооруженным, как это описывается в Саге об Эгиле [13; LXXXI]. Впрочем, уже Сага о Ньяле говорит о том, что являться на народное собрание вооруженным является своего рода вызовом и нарушением порядка [11; CIV], так что достаточно сложно установить это изменение классической германской традиции в сторону запрета использования, а то и в целом пребывания с оружием на тинге. Однако из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, «завязки мира» используются германцами с II-III вв. н.э. по XIII в. н.э., постепенно исключаясь из употребления у разных народов.

В ходе ознакомления со всеми упомянутыми источниками и историографией в личной беседе с одним коллегой было выдвинуто предположение о том, что «завязки мира» изначально появились у тех германцев, которые были превосходными конными воинами своего времени, и изначально носили функцию предотвращения выпада меча из ножен. Предположение казалось достаточно интересным, особенно с учетом того, что мечи периода Великого переселения народов и до него были оснащены массивными эфесами, сделанными из драгоценных металлов; а по-

скольку во время скачки амуниция воина болтается, то стали использоваться «завязки», которые держали клинок в ножнах и не давали ему выпасть из них ни при каких обстоятельствах. В случае с этой, т. н. «конной теорией», бытование «завязок мира» у германцев могло бы отсчитываться от III-IV вв. н.э. до XIII в. включительно, т.е. примерно в тех же рамках, какие предлагает предыдущая теория. Однако это предположение оказалось неверным по ряду причин. Во-первых, если посмотреть на некоторые формы мечей эпохи Великого переселения народов и более ранних, которые приводит Э. Бэмер [15], то можно заметить, что самые некоторые из них не очень хорошо приспособлены для подобной перевязи. Особенно остро этот момент проявляет себя на примере готских мечей [5; с. 131], которые имеют очень узкую крестовину, непригодную для применения какой-либо подобной предохранительной перевязи. Во-вторых, если «завязки мира» впервые появляются у тех германцев, которые были прекрасными конными воинами, то, вероятнее всего, они должны были заимствовать идею подобной перевязи у тех, кто всю жизнь проводит в седле – у кочевников. Ближайший пример таких германцев, которые имели возможность взаимодействия с кочевниками – готы, однако именно образцы их клинкового оружия ставят под сомнение подобное предположение. Возможно, они позаимствовали некоторые особенности мечей у кочевников, с которыми они могли встретиться в Северном Причерноморье, однако в случае появления именно у них первых «завязок мира», они должны были, в теории, пойти на удлинение гарды, чего мы не наблюдаем. В-третьих, в таком случае не очень ясны причины проникновения этого элемента вооружения к тем германцам, которые не вели конного боя, и для которых «завязки мира», по сути, были не нужны. А ведь дольше всего этот элемент экипировки бытовал именно у северных

германцев – скандинавов, которые, как уже не раз было отмечено ранее, использовали его вплоть до XIII в.

Также, в рамках личной беседы по поводу проблематики данного доклада, Губаревым О.Л. было выдвинуто любопытное предположение о роли «завязок мира» в ту эпоху скандинавской истории, которая отмечена письменными источниками: они могли использоваться как предохранение от побиения война его же собственным оружием вследствие нарушения клятвы. Если мы вспомним т.н. «клятву русов», зафиксированную в Повести временных лет [6], и имеющую, согласно выводам ряда исследователей [1; 4; с. 257], чисто скандинавский источник, то обратим внимание, что, в случае ее нарушения человек будет побит своим же собственным оружием и не сможет от этого защититься. Это предположение внушает доверие и вследствие того, что в источниках обнаруживаются эпизоды, в которых оружие нападает на своего хозяина. Так, например, в Саге о Ньяле Бродир и его команда оказались в ситуации, когда *«мечи выскочили из ножен, а секиры и копья взлетели в воздух и начали сражаться. Оружие с такой силой нападало на людей, что им пришлось прикрываться щитами, и все же многие были ранены и на каждом корабле погибло по человеку...»* [11; CLVI]. И, казалось бы, логично зафиксировать клинок в ножнах, чтобы избежать «побиения» «ожившим» оружием в случае нарушения клятвы. Однако в известных нам источниках, в которых содержится упоминание «завязок мира» или чего-то отдаленно напоминающего их, не позволяют как-либо связать в единую систему оба элемента: нарушение клятвы и перевязь клинка. Впрочем, данный аспект требует более детального рассмотрения и анализа культуры оружия древнескандинавского общества в целом, а это выходит за рамки настоящего исследования. Поэтому пока что остановимся на том, что

предположение О. Л. Губарева представляется достаточно интересным и требующим дальнейшего изучения в рамках более масштабной работы.

Все эти предположения явились попытками ответить на третий вопрос, о чем уже писалось выше. И каждое из них по-своему выполнило свою задачу, однако все равно многие аспекты бытования «завязок мира» остаются неясными. На данный момент однозначно можно сказать, что ни одна из вышеназванных теорий не отвечает на поставленный вопрос в полной мере и что ответ в этом случае нам может дать только археология, которая, впрочем, пока еще не предоставила нам находок чего-либо, что могло использоваться в качестве подобной перевязи на оружии. Мы также можем сказать, что «завязки мира», судя по всему, существовали не только в древнескандинавском обществе, но применялись если не всеми, то большинством германских племен. И, вероятнее всего, корни появления этого элемента вооружения стоит искать еще в римском железном веке, и осознавать, что он выходил из употребления постепенно в разных обществах. Так, континентальные германцы во времена Империи Карла Великого уже, видимо, не используют «завязки мира», в то время как более архаичная Скандинавия сохраняет у себя *fríðbönd*. Когда же он пропадает и в Скандинавии (видимо, вследствие развития государства и запрета на появление вооруженным на тинге), то еще достаточно долго бытует в Исландии, которая сохранила в своем устройстве много черт еще древнегерманского общества (хотя случай с Исландией достаточно сложен и требует дальнейшего исследования текстов саг). В общем и целом, на данный момент самой перспективной выглядит версия бытования *fríðbönd* с II-III по XIII вв. н.э. Это все, что мы можем сказать о «завязках мира» сейчас.

Список источников и литературы

1. *Губарев О. Л.* Рецензия на статью А. А. Романчука "Клятвы русов "оружьем и обрубьем": славянский и германский контекст" / О. Л. Губарев. // *Stratum Plus*, №5, 2019. С. 143–154.
2. *Каинов С. Ю.* Скандинавские наемники на Руси / С. Ю. Каинов, О. Федоров // *Военная иллюстрация*. Вып. 1. М. 1998. С. 2–7.
3. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства: Пер. с ит./ Вступ. ст. В.И. Уколовой. Общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. – М.: Прогресс, 1987 – 384 с.
4. *Кулешов В. С.* Золотые браслеты русов IX–XI вв.: тексты, вещи и функции // В камне и в бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой / Редакторы-составители А. Е. Мусин (ответственный редактор) и О. А. Щеглова. (Институт истории материальной культуры. Труды. Т. XLVIII.) СПб.: ИИМК РАН; ООО «Невская Книжная Типография», 2017. — С. 253–258.
5. *Окиотт Э.* Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса / Пер. с англ. М. К. Якушиной. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2021. – 424 с.
6. Повесть временных лет // *DrevLit.ru* – библиотека древних рукописей. – URL: https://drevlit.ru/parallel_text/povest_vremennyh_let.php (дата обращения: 21.02.2024).
7. Сага о Гисли сыне Кислого // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/isl/gisli/ru.html> (дата обращения: 02.12.2023).
8. Сага о Гуннлауге Змеином Языке // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/isl/gunnlaug/ru.html> (дата обращения: 20.02.2024).
9. Сага об исландцах. Сага о Стурлунгах // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/samtid/islendinga/ru.html> (дата обращения: 02.12.2023).
10. Сага о йомсвикингах // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/konung/jomsvik/ru.html> (дата обращения: 06.12.2023).
11. Сага о Ньяле // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/isl/njala/ru.html#CLVI> (дата обращения: 20.02.2024).
12. Сага об Олаве сыне Трюгви // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/konung/heimskringla/olaf-tr/ru.html> (дата обращения: 06.12.2023).
13. Сага об Эгиле сыне Скаллагрима // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html> (дата обращения: 05.12.2023).
14. *Сванидзе А. А.* Викинги – люди саги: жизнь и нравы / Аделаида Анатольевна Сванидзе. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 800 с.
15. *Behmer E.* Das Zweischneidige schwert der Germanischen Volkerwanderungszeit. Stockholm, 1939. – 294 с.
16. *Icelandic-English Dictionary* // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/dct/cleasby/f.html> (дата обращения: 02.12.2023).
17. *Króka-Refs saga* // *Северная слава*. – URL: <https://norroen.info/src/isl/krokaref/is.html> (дата обращения: 02.12.2023).
18. Migration Period Swords and Fancy Hilts & Pommels // Faculty of Engineering. – URL: https://www.tf.unikiel.de/matwis/amat/iss/kap_b/illustr/ib_3_5.html (дата обращения: 02.12.2023).
19. *Short W. R.* Men of Terror. A Comprehensive Analysis of Viking Combat // Hurstwic Viking Combat. – URL: https://www.hurstwic.com/shop/books/men_of_terror/index.htm (дата обращения: 03.12.2023).
20. *Tacitus.* De origine et sito Germanorum // The Latin Library. – URL: <https://thelatinlibrary.com/tacitus/tac.ger.shtml#11> (дата обращения: 04.12.2023).

Покришук Александр Юрьевич – студент 2 курса, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополь (г. Севастополь, Россия), pokrischuk_al@mail.ru

“PEACE-BANDS” ON A SCANDINAVIAN EDGED WEAPON: THE REALITY OF EXISTENCE

A. Ju. Pokrischuk

The article is devoted to one of the most interesting and mysterious elements of the early medieval equipment of a swordsman warrior - "peace-bands" Using these sagas, as well as on the basis of data from a number of other written sources, the author justifies the reality of the existence of "friðbönd" and reveals some assumptions about the possible time of their appearance and the timing of their existence among scandinavian warriors.

Keywords: "peace-bands", friðbönd, sword, saga, Germans, ting.

References

1. *Gubarev O. L.* Retsenzia na statiu A. A. Romanchuka “Klyatvi rusov “oruzhiem i obruchiem”: slavianskiy i germanskiy kontekst” [Review of A. A. Romanchuk's article "Oaths of the Rus" by arms and hoops ": Slavic and German context"]. *Stratum plus*, №5, 2019. P. 143–154. (In Russ.)
2. *Kainov C. Yu.* Skandinavskie naemniki na Rusi [Scandinavian mercenaries in Rus]. *Voennaya illustraciya* [Military illustration]. Vol.1. M. 1998. P. 2–7. (In Russ.)
3. *Kardini F.* Istoki srednevekovogo rytsarstva [Origins of medieval chivalry]. Moscow: Progress [Progress], 1987 – 384 p. (In Russ.)
4. *Kuleshov V. S.* Zolotye braslety rusov IX–XI vv.: teksty, veschi i funktsii [Gold bracelets of Rus IX-XI centuries: texts, things and functions]. Saint-Petersburg: IIMK RAN; OOO “Nevskaya Knizhnaya Tipografiya” [Nevskaya Book Printing Company LLC]. 2017. – P. 253–258. (In Russ.)
5. *Oakeshott E.* Archeologiya oruzhiya. Ot bronzovogo veka do epohi Renessansa [The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry]. Moscow: ZAO Tsentropoligraf [CJSC Centrepolygraph]. 2021. – 424 p. (In Russ.)
6. *Povest' vremennykh let* [Primary Chronicle]. *DrevLit.ru* – biblioteka drevnich rukopisei [DrevLit.ru – library of ancient manuscripts]. URL: https://drevlit.ru/parallel_text/povest_vremennykh_let.php (last request: 21.02.2024). (In Russ.)
7. *Saga o Gisli syne Kislogo* [The Saga of Gisley the Son of Sour]. // *Severnaya slava* [Northern glory]. URL: <https://norroen.info/src/isl/gisli/ru.html> (last request: 02.12.2023). (In Russ.)
8. *Saga o Gunnlauge Zmeinom Yazike* [The Gunnlaug Saga of the Serpent Tongue].. URL: <https://norroen.info/src/isl/gunnlaug/ru.html> (last request: 20.02.2024). (In Russ.)
9. *Saga ob islandcah. Saga o Sturlungah* [Saga of Icelanders. The Sturlunga Saga]. // *Severnaya slava* [Northern glory]. URL: <https://norroen.info/src/samtid/islendinga/ru.html> (last request: 02.12.2023). (In Russ.)
10. *Saga o jomsvikingah* [The Yomsvikings Saga]. // *Severnaya slava* [Northern glory]. URL: <https://norroen.info/src/konung/jomsvik/ru.html> (last request: 06.12.2023). (In Russ.)
11. *Saga o N'yale* [Nyal saga]. // *Severnaya slava* [Northern glory]. URL: <https://norroen.info/src/isl/njala/ru.html#CLVI> (дата обращения: 20.02.2024). (In Russ.)
12. *Saga ob Olave syne Tryuggvi* [The Olav Son Saga of Tryggvi]. // *Severnaya slava* [Northern glory]. URL: <https://norroen.info/src/konung/heimskringla/olaf-tr/ru.html> (last request: 06.12.2023). (In Russ.)
13. *Saga ob Egile syne Skallagrima* [Egil son of Skallagrim saga]. // *Severnaya slava* [Northern glory]. URL: <https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html> (last request: 05.12.2023). (In Russ.)
14. *Svanidze A. A.* Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i navy [Vikings are the people of the saga: life and mores]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2014. – 800 p. (In Russ.)

15. *Behmer E.* Das Zweischneidige schwert der Germanischen Volkerwanderungszeit. Stockholm, 1939. – 294 с.
16. Icelandic-English Dictionary // Severnaya slava [Northern glory]. – URL: <https://norroen.info/dct/cleasby/f.html> (last request: 02.12.2023).
17. Króka-Refs saga // Severnaya slava [Northern glory]. – URL: <https://norroen.info/src/isl/krokaref/is.html> (last request: 02.12.2023).
18. Migration Period Swords and Fancy Hilts & Pommels // Faculty of Engineering. – URL: https://www.tf.unikel.de/matwis/amat/iss/kap_b/illustr/ib_3_5.html (last request: 02.12.2023).
19. *Short W.R.* Men of Terror. A Comprehensive Analysis of Viking Combat // Hurstwic Viking Combat. – URL: https://www.hurstwic.com/shop/books/men_of_terror/index.htm (last request: 03.12.2023).
20. *Tacitus.* De origine et sito Germanorum // The Latin Library. – URL: <https://thelatinlibrary.com/tacitus/tac.ger.shtml#11> (last request: 04.12.2023).

Pokrishchuk Alexander Yuryevich – 2nd year student, Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia), pokrishchuk_al@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 22.01.2024; принята к публикации: 29.02.2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Покрищук А. Ю. «Завязки мира» на скандинавском клинковом оружии: реальность существования // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 69-77

FOR CITATION:

Pokrishchuk A. Yu. «Zavyazki mira» na skandinavskom klinkovom oruzhii: real'nost' sushchestvovaniya [“Peace-bands” on a scandinavian edged weapon: the reality of existence] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 69-77.

УДК 904

РУНЫ И ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИХ ВЫРЕЗАЕТ. О СЛОВЕ «ERILAR» НА РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Г. Ю. Иршин

В статье пойдёт речь об одном из до конца нераскрытых явлений Скандинавии периода первых веков нашей эры – появлении надписей со словами ErilaR или ErilaZ. Приводятся некоторые наблюдения за историческим контекстом появления надписей в Скандинавии. Вопрос интерпретации смысла данных надписей, в зависимости от местоположения находок, и их привязки к историческим явлениям, остаётся достаточно острым в рунологии начиная со второй половины XIX века. Автор статьи ставит задачи выявить вероятность привязки надписей к племенам герулов или, как их называют иначе, эрулов, вывести некоторые предположения относительно существующих теорий о происхождении надписи.

Ключевые слова: ErilaR, ErilaZ, герулы, эрулы, Ярсбергский рунический камень, Линдсхольмский амулет, Kragehul I, Великое переселение народов, скальды, Песнь о Риге.

Широта и неразборчивость эпохи, предшествующей Великому переселению народов в Скандинавии, а также и самого Великого переселения, само собой затрудняет многих исследователей и подчас отводит их от разрешения большинства вопросов, являющихся при том весьма важной связующей в исследовании данного периода. Культурный феномен рунической письменности, несмотря на бурное развитие рунологии в XX веке, во всей своей полноте остаётся загадкой, которую можно разгадать за счёт изучения множества сопутствующих ей вопросов. Одним из таких является вопрос интерпретации и прочтения отдельных надписей не только с лингвистической (чаще всего фонетической) стороны, но и с её семантической привязкой, то есть смыслом самой надписи. Проще этот вопрос звучит так: зачем надпись была сделана или что означала, или означает? Здесь уже поднимается вопрос о том, как интерпретировать прочитанное, давать ему объяснение. К настоящему времени мы встречаем множество так называемых «проблемных» надписей.

С некоторыми из таких надписей рунология столкнулась, когда были обнаружены несколько объектов, распо-

ложенных на территории Скандинавии. Надписи, содержащие слово ErilaR, сразу нашли отклик у научного света и подверглись интерпретациям. Стоит отметить, что к единому мнению о них пока наука не пришла. Правомерность самой интерпретации зависит от многих факторов: лингвистических, археологических, историко-культурных. В связи с этим стоит попытаться раскрыть интерпретацию за счёт тех процессов и явлений, которые нам встречаются хронологически близко к датировкам самих надписей, а в более корректном объяснении – датировкам объектов с надписями, сколько бы эти датировки сами не были бы правомерны.

Надписи и объекты

Прежде чем начать разговор о датировках памятников, следует обратиться к некоторым из изучаемых нами объектов. Автор позволит себе привести краткие сведения о трёх объектах с содержанием в надписи слова ErilaR/ErilaZ. Именно о тех, которые считает в полной мере достаточными для объяснения сути вопроса¹.

¹ Было бы правильным, однако, также рассказать и про остальные надписи этой группы (их в целом около десятка), но всё же изучаемый нами вопрос не-

Ярсбергский рунический камень [Vr 1 | KJ70] был найден близ Ярсберга, местечка в северной Швеции в Верманланде в 1862 году. Он определён как рунический камень (rune stone), собственно, представляет из себя гранитный камень красного цвета столбообразной формы. По поводу его интерпретации ходили различные споры, в частности существовало упоминание и о других камнях, найденных рядом с ним. Однако до наших дней они не сохранились. Такая же ситуация и с каменным кругом, привлекаемым преданиями. Большинство современных исследователей сомневаются в существовании этого ряда «родственников» объекта. Хотя вопрос и остаётся открытым. Камень содержит надпись, транслитерируемую так: [0-2?](u)bazhite 'harabanaz |hait[0-?] | ekerilaz |runozw | aritu|. Перевод её **на английский** звучит примерно: «Leubaz am I called. Hrafn am I called. I, the eril, write the runes». **По-русски же:** «Леубаз зовусь я. Имя мне (зовусь я) Храфн. Я Эрил и вырезал руны» [20].

Следующий объект – это древко копья из области **Крагехул** на юго-востоке острова Фюн, именуемый Kragehul I [Fyn 7 | KJ27 | DR196 | DR 196]. Выполнена надпись, как уже стало ясно, на дереве. Благодаря болотным почвам, а лучше сказать болотам, которые частая ландшафтная деталь в этой местности, объект смог сохраниться до наших дней. Найден предмет был в 1877 году.

Приводится транслитерация: ekerilazasugisal(a)s(0-1?)muhahaitegaga gaginugahe[?]lija[?]hagal(a)wijubig[0-?]. **Перевод на английский:** «I, Erilaz, I am called Ansgūsalaz's». **На русский:** «Я Эрил, Моё имя Ансугисал» [21].

Также и последний в изучаемом нами поле объект – так называемый **Линдсхольмский амулет** [Sk 69 | KJ29 | DR261 | DR 261]. Он был найден близ Линдсхольма, в исторической земле данов Сконе. Транслитерация:

[ekerilazsa(wil)agazhateka ' | aaaaaaazzzn(n)[1?](b)muttt ' alu ']. **Перевод на английский:** [I, Erilaz ... I am called ... alu]. И соответственно **на русский:** [Я Эрил... Я зовусь...alu] Имя в данном случае распознать не удалось, вероятней всего, оно не сохранилось. Объект также содержит в надписи слово ErilaZ.²

Здесь мы видим, что объекты различаются между собой по нескольким параметрам. В одном случае это объект близкий к условно называемым «личным вещам», то есть амулет, во втором – это часть личной вещи иного характера – часть оружия, в третьем – это рунический камень. Определённо, к каждому из этих объектов имелось соответствующее отношение у их владельцев. Отношение, как и функции самих предметов различны. Соответственно разнохарактерные объекты во многом и дают нам повод обратить внимание на явление, связанное с изучаемым словом. Ведь именно расположение этого слова на разных типах объектов и есть отражение его культурного значения. Простыми словами, это явно что-то значило для тех, кто эту надпись наносил. И, что вероятно, слово нельзя назвать ординарным. Именно поэтому надписи с этим словом выделяют в определённую группу. Также стоит отметить, что сами объекты буквально задевают три достаточно важные географические точки на карте: остров Фюн, Сконе и на относительном севере Вёрманланд.

Датировки объектов, поскольку они найдены были вне иных находок, варьируются достаточно широко: для Линдсхольмского амулета это – 375–570 гг.; для Крагехульского древка копья –

² На счёт самого объекта есть множество интерпретаций, одна из них, что это мог быть ритуальный предмет для обращения владельца к богам за помощью. Об этом свидетельствует сочетание рун, называемое магической формулировкой: «alu». Сам объект был найден в 1840 году. Также всё усложняется и тем, что объект был повреждён при извлечении, кость раскололась посередине, из-за чего один из символов остаётся нечитаемым [22].

много иного характера и данными спектрами можно пренебречь.

400–500 гг.; а для Ярсбергского камня – вопрос ещё более затруднителен, её чаще всего выводят около VI-VII веков [7]. В этом же случае стоит разделять датировку надписи и предмета, на котором надпись нанесена. Такая немаловажная деталь должна учитываться при любом изучении объектов с руническими надписями. Представляется методологически необходимым отметить также и цитату известного рунолога Эрика Мольтке [24] относительно датировок рунических надписей: *“Следует раз и навсегда со всей категоричностью указать на то, что рунология не в состоянии устанавливать свою собственную хронологию наряду с археологической хронологией. Рунолог в состоянии лишь определить, что данная руническая надпись относится к эпохе переселения народов, к переходному периоду, к эпохе викингов или к эпохе средневековья. О хронологической дифференциации в пределах эпохи переселения народов не может быть речи”* [17]. В действительности возможность определить надпись вне такого рода общих критериев крайне затруднительна. Во многом именно поиск датировок этих надписей подвел некоторых учёных к решению вопроса об интерпретации. Многие, отталкиваясь от слова *ErilaR*, строили интерпретацию исходя из общего историко-культурного «фона» того времени (стоит отметить, что этот «фон» также влияет на интерпретацию надписи, как она сама влияет на интерпретацию историко-культурного окружения). Так в рунологии появилось множество интерпретаций. То есть вопрос хронологии в этом отношении тесно связывается с вопросом о том, что могло обозначать употребляемое слово в надписи. **Кузьменко.**

Об эрулах или о герулах

И в действительности, что же обозначает это слово? Вопрос решался на протяжении двух столетий. Многими учёными приводились аргументы в поддержку тех или иных теорий. Всё

это связывалось с другими гипотезами, что называется: «сопутствующими». Прежде всего *ErilaR* связывали с герулами или эрулами – племенем со сложной историей происхождения, одного из главных участников эпопей Великого переселения народов, наряду с готами, с которыми эрулов отождествлял Карл Марстрандер [23, С. 91-100]. Сложность вопроса с эрулами предстоит прежде всего в том, что мы точно не можем сказать каким племенем они были. Самым известным является упоминания Йордана относительно выселения данами герулов из Скандзы и пребывания их в Сев. Причерноморье: *“...хотя и даны, вышедшие из того же рода, - они вытеснили герулов с их собственных мест...”* [3]. Однако сами упоминания достаточно противоречивы и прежде всего потому, что в одном случае герулы явно племя германское, в другом же замечаются некоторые кочевничьи черты, что иногда заставляет видеть в них скифо-сарматские племена, а не германцев [9, С. 114-115]. Однако нет сомнений, что это племя куда ближе к германцам, чем к кому-либо другому, как минимум из-за того, что сведений о них куда больше именно в этом ключе. К тому же, именно в тех местах, где мы по письменным источникам фиксируем герулов обнаружены различные находки, связанные с археологическими культурами, преимущественно германскими. К примеру, Чернеховской культурой.

Другой же вопрос предстоит уже с «германскими» эрулами. Здесь также нет единого мнения. Как уже говорилось, К. Марстрандер относил их к готам. Есть точка зрения, что герулы делились на западных и восточных, что характерно распределяет их по германским группам. Её придерживаются больше всего из-за так называемой «Скифской войны», упоминаемой в сочинениях летописца Зосима [1]. Суть в том, что примерно в одно и то же время герулы (эрулы) встречаются как на Рейне, так и на берегах Понта. Некото-

рые относили герулов прежде всего к племенам, мигрировавшим из Скандинавии, вероятно, не в полном числе. Таким образом, герульская проблема обрастает новыми сложностями. Все свидетельства о них туманны и достаточно неточны. Археология в том отношении тоже достаточно нема. Причём даже более, чем раньше. Доселе нет ни одной археологической культуры, которую мы могли бы отождествить с герулами. Остаются лишь редкие находки и их часто связывают с упоминаниями Прокопия Кесарийского о возвращении герулов в Скандинавию [8], иногда же с другими событиями. Сейчас же в науке в большей степени господствует мнение, что герулы были восточногерманским племенем. В. В. Лавров в посвящённой этому вопросу работе приходит к выводу, что герулы были пограничным племенем из всех восточногерманских, то есть тем, что находилось наиболее ближе к востоку [5]. Вывод это прежде всего связан с тем, что мы находим вблизи Меотиды некоторые следы чернеховцев. Он же достаточно зависел также от местоположения союза готских племён под предводительством грейв-тунгов, упоминаемый Йорданом. Исследователь пришёл к выводу, что герулы были частью этого союза, который находился за Днестром. И уже из этого делается вывод о местоположении их к востоку от предполагаемого условного места. Собственно, не менее туманны представления о местоположении герулов в Северном Иллирикуме.

Именно потому, что «герульская проблема» достаточно пространна, причисление находок с надписями *ErilaZ/ErilaR* абсолютно к этому племени остаётся проблематичным. Тем не менее, и от неё полностью отказываться не стоит.

Эрулы как племя

Другое же дело обстоит с вопросом о том, чем было племя в то время. Вопрос однозначно требует более осторожного подхода, нежели раньше. В действ-

ительности эрулы могли быть не племенем в полном понимании этого слова, таким как свебы, саксы или, к примеру, лангобарды. Они могли представлять скорее прослойку общества, что и объяснило бы столь ошеломляющую траекторию передвижений этого имени. В действительности, с другими племенами мы имеем серьёзные маркеры, их отличительные черты. Как, скажем, свебы носили характерные причёски (свебские узлы), саксы владели кинжалами, одноимённые им, и так далее. Здесь же с герулами кроме надписей ничего другого нет. Если же смотреть на это сложнее, то чаще всего, где бы мы ни встречали герулов, всякая возможность отождествить археологические находки с ними приводит исследователей в вопросы соприкосновения между Черняховской и иной культурами [5, С. 338-340], межевания между находками характерными для западногерманских и восточногерманских ареалов, некоторых скандинавских фибул. Из-за чего некоторые исследователи стали подходить к мысли, что герулы в Юстинианово время в состояли из разных этнических элементов и были полиэтничной общностью [2, С. 151-155]. Стоит заметить, что племя это могло быть не племенем в нашем понимании.

Начнём с того, что племя прежде всего было родом, который, как некий стержень, тащил за собой родичей, слуг и некоторых свободных людей. Тацит обращал внимание, что племенные структуры германцев были сильно связаны на фигуре лидера – вождя [4]. Вероятнее всего род вождя мог быть как таковым племенем вовсе, при этом совершенно необязательно, что таковое было многочисленным. Это могла быть дружина, несколько членов семьи, в том числе женщины и дети, которые шли вместе с ними, и, разумеется, фигура лидера. И эта «группа» перемещалась [18]. Причём мы должны отметить достаточную подвижность её. Но вся суть вопроса кроется в том, что вовсе не обязательно, что эта группа была одна. Их

могло быть несколько и именно поэтому сами группы и были названы племенем, хотя ничего общего с подобным понятием, отличающимся многочисленностью и столь необходимыми культурными маркерами, не имели. ***И названия могли быть скорее всего ещё во времена своего существования своими современниками римлянами, столь уж привыкшими к трибам и потому смотрящими на пришельцев своим взглядом.*** Подобное главенство рода среди населения очень характерно показывает, как эддическая поэзия, так и некоторые саги, особенно здесь стоит упомянуть «Сагу о Вэльсунгах» и весь «цикл», сопутствующих ей саг [10]³. Именно это также, вероятно, относит прародину герулов к Скандинавии. Род мог существовать достаточно обособлено от населения той местности, откуда он пришёл или наоборот куда пришёл. Именно потому перемещения были достаточно простыми, что само передвижение было перемещением знатного рода, по тем или иным причинам, (изгнание, желание отправиться на новые земли ввиду поисков богатства и славы, из-за голода или мора) но не передвижением целого народа. Интересную и похожую мысль высказывает некий исследователь Философов. Он же отмечает переход герулов из-за климатических событий на опустевшие земли Южной Скандинавии, где они превратились в «правителей-ярлов» [16, С. 65-68].

Таким образом стоит обратиться к той теории, которую высказал Эльгвист: Eriþar было словом, обозначающим господствующий класс в Скандинавии. Здесь же выстраивалась параллель с ис. jarl, англо-саксонским eorl, jarl [19, С. 117-135]. Воюющие ярлы, которые собственно воинское сословие и представляли, ясно предстают в роли тех, кто ходил походами в Аттику и Малую

Азию вместе с готами и другими упоминаемыми, перемещался от одного места к другому. Теперь же стоит провести наблюдение за тем, как это связывается с рунами. Ведь стоит задаться вопросом: почему же мы всё-таки встречаем столько надписей с этим именем?

Об эрулах и рунах

Связаны ли были герулы как-то с рунами? Многие исследователи, особенно Эрих Мольтке, видели в них чуть ли не главного распространителя этой традиции. Считалось также практически несомненным, что надписи и были оставлены ими до выселения из Скандинавии. Некоторые относили надписи к более позднему времени и возвращению эрулов в Скандинавию, о чём мы говорили. Однако, если принять во внимание, всё выше заключённое об эрулах как племени, то следует задаться другим вопросом: могли ли быть связаны знатные люди Скандинавии, по Эльгвисту, с рунами?

О привязке знатного рода к рунам можно судить по упоминанию Корнелия Тацита в его трактате, который кратко называют «Германия». Одно из первых упоминаний говорит нам, что знаки на нарезанных плашмя ветвях плодовых деревьев используются германцами для предсказания будущего: *“Вынимают же они жребий безо всяких затей. Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом, — глава семьи, вознеся молитвы богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной плашке и толкует предсказанное в соответствии с выскобленными на них заранее знаками [4]”*.

Примечательно, что здесь говорится о том, что этот ритуал проводит либо жрец, либо **глава семьи** (старший в роду). Это связывается также с тем фактом, что мы не встречаем никакой про-

³ Сага о Вэльсунгах, Сага о Рагнаре Меховые штаны, Прядь о Сыновьях Рагнара, Прядь о Норна-Гесте Загадки Гестумблинди

слойки общества как среди древних германцев, так и среди родственных им скандинавов, которая могла бы носителем исключительно религиозных функций. Такие функции чаще всего относились к знатному роду. Они проводили обряды, участвовали в предсказаниях, от их роли в обществе, по представлению людей того времени, зависел урожай, что иногда превращалось в необходимость принесения жертвы богам в виде их самих. Всё это условно называется сакральной функцией конунгов, то есть правящей прослойки общества [6]. Подобное прекрасно иллюстрируется сагой об Инглингах [11]. Вполне вероятно сами руны тоже могли быть связаны с этой функцией в некоторой мере. Это объясняет нанесение надписей на несколько типов объектов, как, к примеру, приведённые нами выше Ярсбергский камень, Крагехульское древко копья и Линдскхольмский амулет. Автор позволит себе предположить, что подобное умение – резать руны – могло быть доступно далеко не всем. Это может быть связано как с тем, что изготовление рунической надписи на предметах столь значительном в сознании скандинава того времени, как оружие или амулет, было по своей сути ритуалом. Безусловно это относит нас к тому, что знанием подобного вида не мог владеть каждый.

Более того, анализируя эддическую Песнь о Риге, которая представляет нам буквально стратификацию общества древней Скандинавии, мы приходим к выводу, что руны, а точнее знание их, шли рука об руку с остальными принадлежностями знатного человека того времени, который, нося имя Ярл, сменяется своим сыном Коном Юным, то есть конунгом, чем заставляет задуматься также и о смене эпох в Скандинавии – от эпохи ярлов к эпохе конунгов, когда разрозненное правление мелких ярлов сменялось централизованным правлением рода конунгов в Упсале. Такое весьма заманчивое при-

мечание не может претендовать хоть на что либо, кроме как на роль предположения, однако, обращает на себя внимание. Идея об отождествлении «эпохи ярлов» с временами до Венделя и «эпохи конунгов» с, собственно, самим Венделем заслуживает отдельного внимания.

Приведём фрагменты из песни для подтверждения сказанного:

«43 Ко́н юный ведал
волшебные руны,
целебные руны,
могучие руны;
мог он родильницам
в родах помочь,
мечи затупить,
успокоить море.

44 Знал птичий язык,
огонь умирал,
дух усыплял,
тоску разгонял он;
восьмерым он по силе
своей был равен.

45 В знании рун
с Ярлом Ригом он спорил,
на хитрость пускаясь,
отца был хитрее:
тогда приобрел он
право назваться
Ригом и ведать
могучие руны» [13, С. 362-363].

Если же не брать во внимание мифологические источники, а точнее не пытаться видеть в изложении хоть какую-нибудь конкретизацию и точность событий, следует заключить, что знание рун достаточно персонифицируется по тем или иным причинам. Мифологическая картина мира людей того времени могла именно поэтому воссоздать образ Одина, создателя рун, отдающего сакральную жертву в обмен на знание их, что рассказывают Речи Высокого Старшей Эдды:

«138 Знаю, висел я
в ветвях на ветру

девять долгих ночей,
 пронзенный копьем,
 посвященный Одину,
 в жертву себе же,
 на дереве том,
 чьи корни сокрыты
 в недрах неведомых.

139 Никто не питал,
 никто не поил меня,
 взирал я на землю,
 поднял я руны,
 стена я их поднял —
 и с древа рухнул» [14].

Если же смотреть научным взглядом на это, то персонификация такого знания объяснима прежде всего сакральным характером знаков, наносимых на предметы. Сакральным именно потому, что они имели отношение к религиозной стороне общества и соответствующему сословию. Другими словами, знатное сословие Скандинавии эпохи великого переселения народов, значительно разошедшееся отдельными дружинами по свету, было авторами тех надписей или же во многом подходит на подобную роль.

К заключению

Ходя тёмными тропами эпохи пересечённого времени, многое остаётся затруднённым, невыясненным. В действительности мы лишь только приближаемся к разъяснению для себя того, как мир существовал много веков до нас. Именно поэтому само положение эрулов, как племени доселе существовавшее в нашем представлении как **отдельный этнос**, вполне сменяемо. Мы не можем на данный момент сказать, что есть «эрулы для нас» и «эрулы в себе». Есть возможность лишь представить этот вопрос в ином ключе. Эру-

лы таким образом – широкое социальное понятие, существующее внутри тех, кого мы можем условно назвать восточногерманскими племенами, вероятно, вышедшими из Скандинавии. Возвращаясь к сменяемости эпох, стоит заметить, что привязка рун к отдельным людям также характерна и в эпоху викингов. Древнеисландские скальды зачастую были теми, кто являлся носителем этой традиции. Так можно привести в пример «Сагу об Эгиле Скалагримсоне» и «Сагу о Греттире». Вероятно, поэтому Стеблин-Каменский привёл в сравнение образ эрула и скальда, как его продолжателя. Однако стоит заметить, что подобные образы вкладываются в эпохи весьма подходяще [15, С. 86]. Малые предводители в соответствующую эпоху дружин и походов, конунги в Венделе, когда происходит затихание перемещений германцев, и скальды, уже в ту эпоху, когда центр снова сменяется с централизации власти на отдельные походы. Это косвенно подтверждается также и тем, что суммарно надписи переходного периода рунической письменности и старших рун значительно меньше суммы младшерунических. Вероятно, знание рун было атрибутом знатных людей вплоть до эпохи викингов примерно, после чего оно медленно нисходит и к концу эпохи викингов полностью растворяется среди населения, возможно, в свете прихода христианства. Любопытно, что скальды и появляются как раз в начале появления младших рун. «Три эпохи рун», которые мы наблюдаем, ясно представляются именно на примере эрулов и надписей ErilaZ/Erilar. Одно остаётся неизменным во все из эпох: “Skalat maðr rúnar rísta, nema ráða vel kunni” [12].

Список источников и литературы:

1. *Зосим*. Новая История: Книга I / пер. и коммент. Н. Н. Болгова // Античный мир: материалы науч. конф., Белгород, 15 окт. 1999 г. / БелГУ, Рос. ассоц. антиковедов; отв. ред. Н. Н. Болгов. — Белгород, 1999.

2. *Иванишевич, В. Казанский, М.* Герулы Юстиниана в Северном Иллирикуме и их археологические следы / В. Иванишевич, М. Казанский // *Stratum plus*. — 2010. — № 5 — С. 147-157.
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов = *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. — М.: Издательство восточной литературы, 1960. — 436 с.
4. *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения» / Издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко — М., Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. — 2 тома
5. *Лавров, В. В.* Восточные германцы в Приазовье в III-IV вв. н. э. / В. В. Лавров — *Stratum plus* — 2000. — №4. — С. 331-341.
6. *Лебедев, Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки / Г. С. Лебедев. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. — 285 с.
7. *Макаев Э. А.* Язык древнейших рунических надписей: лингвистический и историко-филологический анализ / Э. А. Макаев, под ред. М. С. Кожуховой. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 156 с.
8. *Прокопий Кесарийский.* Война с готами // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Пер. С. П. Кондратьев. — М.: Наука, 1950. — 517 с.
9. *Ременников, А. М.* Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке / А. М. Ременников. — Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1954. — 149 с.
10. Сага о Вёльсунгах // Северная слава. — URL: https://norroen.info/src/forn/volsunga/ru_mod.html (дата обращения: 12.11.2023).
11. Сага об Инглингах // Северная слава — URL: https://norroen.info/src/konung/heimskringla/ynghinga/ru.html#_ednref1 (дата обращения: 25.01.2024).
12. Сага об Эгиле // Северная слава — URL: <https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html> (дата обращения: 12.02.2024).
13. Старшая Эдда. Песнь о Риге / Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 353-364 с.
14. Старшая Эдда. Речи Высокого / Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. — СПб.: Азбука, 2000. — 38-70 с.
15. *Стеблин Каменский, М. И.* Поэзия Скальдов / С. В. Петров, ответственный редактор М. И. Стеблин Каменский. — Ленинград: Наука, 1979. — 183 с.
16. *Философов И. Ю.* Климатическая катастрофа 535-536 годов, "Возвращение герулов" и миф о Рагнарёке / И. Ю. философов // Известия Саратовского университета. — 2011. — Т. 11. Сер. История. Международные отношения, вып. 1 — С. 65-69
17. *Хлезов А. А.* Об историко-культурной интерпретации Керченских рун / А. А. Хлезов // Херсонесский сборник. — 2001. — вып. 11. ANAXAPΣIΣ. — С. 165-185
18. *Хлезов А. А.* Предвестники викингов / А. А. Хлезов. — СПб.: Евразия, 2002. — 336 с.
19. *Elgqvist E.* Studier rörande Njordkultens spridning bland de nordiska folk / E. Elgqvist — Lund, 1952.
20. Järsberg, stone // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) — URL: <https://www.runesdb.de/find/67> (дата обращения: 12.12.2023)
21. Kragehul, lance // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) — URL: <https://www.runesdb.de/find/25> (дата обращения: 12.12.2023)
22. Lindholmen, bone piece // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) — URL: <https://www.runesdb.de/find/34> (дата обращения: 12.12.2023)
23. *Marstrander C.J.S.* De gotiske runeminnesmerker // C.J.S. Marstrander — NTS, Bd III, —1929. — P. 25–157.
24. *Moltke Eric* The runs and their origins. Denmark and Elsewhere/ Eric Moltke translated by Professor Peter G. Fotte, M. A., FIL. DR. — London Department of Scandinavian Studies University College, 1985. — 556 p.

Иршин Георгий Юрьевич – студент 3 курса направления история, Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополь, (г. Севастополь, Россия), irshintovgin@mail.ru

RUNES AND THE PERSON WHO CARVES THEM. ABOUT THE WORD ERILAR ON RUNIC MONUMENTS

G. YU. Irshin

The article will focus on one of the completely undisclosed phenomena of Scandinavia during the first centuries of our era – the appearance of inscriptions with the words ErilaR or ErilaZ. Some observations on the historical context of the appearance of inscriptions in Scandinavia are given. The question of interpreting the meaning of these inscriptions, depending on the location of the finds, and their connection to historical phenomena, remains quite acute in runology since the second half of the XIX century. The author of the article sets out to identify the probability of linking inscriptions to the tribes of the Heruli or, as they are otherwise called, Eruls, and to deduce some assumptions about existing theories about the origin of the inscription.

Keywords: ErilaR, ErilaZ, heruli, eruli, Yarsberg runestone, Lindsholm amulet, Kragehul I, Great Migration of Peoples, skalds, Song about Riga.

References

1. *Zosim. Novaya Istoriya: Kniga I [A New Story: Book I] / per. i komment. N. N. Bolgova // Antichnyj mir: materialy nauch. konf., Belgorod, 15 okt. 1999 g. / BelGU, Ros. assoc. antikovedov; otv. red. N. N. Bolgov. — Belgorod, 1999. (In Russ.)*
2. *Ivanishevich, V. Kazanskij, M. Geruly YUstiniana v Severnom Illirikume i ih arheologicheskie sledy [Justinian's Heruli in Northern Illyricum and their archaeological traces] / V. Ivanishevich, M. Kazanskij // Stratum plus. — 2010. — № 5 — S. 147-157. (In Russ.)*
3. *Iordan. O proiskhozhdenii i deyanijah getov = Getica [About the origin and deeds of the Getae = Getica] / Vstupitel'naya stat'ya, perevod, kommentarij E. CH. Skrzhinskoj. — M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1960. — 436 s. (In Russ.)*
4. *Kornelij Tacit. Sochineniya v dvuh tomah. Tom I. «Annaly. Malye proizvedeniya» [Essays in two volumes. Volume I. "The Annals. Small works"] / Izdanie podgotovili A. S. Bobovich, YA. M. Borovskij, M. E. Sergeenko — M., Nauch.izd. centr «Ladomir», 1993. — 2 toma (In Russ.)*
5. *Lavrov, V. V. Vostochnye germancy v Priazov'e v III-IV vv. n. e. [East Germans in the Azov region in the III-IV centuries AD.] / V. V. Lavrov — Stratum plus — 2000. — №4. — S. 331-341. (In Russ.)*
6. *Lebedev, G. S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-arheologicheskie ocherki [The Viking Age in Northern Europe. Historical and archaeological essays] / G. S. Lebedev. — Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985. — 285 s. (In Russ.)*
7. *Makaev E. A. YAzyk drevnejshih runicheskikh nadpisej: lingvisticheskij i istoriko-filologicheskij analiz [The language of the oldest Runic inscriptions: linguistic and historical-philological analysis] / E. A. Makaev, pod red. M. S. Kozhuhovoj. — M.: Editorial URSS, 2002. — 156 s. (In Russ.)*
8. *Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami [The War with the Goths] // Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami. O postrojkah / Per. S. P. Kondrat'ev. — M.: Nauka, 1950. — 517 s. (In Russ.)*
9. *Remennikov, A. M. Bor'ba plemyon Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III veke [The struggle of the tribes of the Northern Black Sea region with Rome in the III century] / A. M. Remennikov. — Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1954. — 149 s. (In Russ.)*

10. Saga o Vyol'sungah [The Saga of the Velsungs] // Severnaya slava [Northern glory]. — URL: https://norroen.info/src/forn/volsunga/ru_mod.html (last request: 12.11.2023). (In Russ.)
11. Saga ob Inglingah [The Saga of the Inglings] // Severnaya slava [Northern glory]— URL: https://norroen.info/src/konung/heimskringla/ynghinga/ru.html#_ednref1 (last request: 25.01.2024). (In Russ.)
12. Saga ob Egile [The Saga of Egil] // Severnaya slava [Northern glory]— URL: <https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html> (last request: 12.02.2024). (In Russ.)
13. Starshaya Edda. Pesn' o Rige [The elder Edda. The Song of Riga] / Per. s drevneisl. A. Korsuna, kom. M. Steblin-Kamenskij. — SPb.: Azbuka, 2000. — 353-364 s. (In Russ.)
14. Starshaya Edda. Rechi Vysokogo [The elder Edda. High-level speeches] / Per. s drevneisl. A. Korsuna, kom. M. Steblin-Kamenskij. — SPb.: Azbuka, 2000. — 38-70 s. (In Russ.)
15. *Steblin Kamenskij, M. I.* Poeziya Skal'dov [Poetry of the Skalds] / S. V. Petrov, otvetstvennyj redaktor M. I. Steblin Kamenskij. — Leningrad: Nauka, 1979. — 183 s. (In Russ.)
16. *Filosofov I. YU.* Klimaticheskaya katastrofa 535-536 godov, "Vozvrashchenie gerulov" i mif o Ragnaryoke [The climate catastrophe of 535-536, the "Return of the Heruls" and the myth of Ragnarok] / I. YU. filosofov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. — 2011. — T. 11. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya, vyp. 1 — S. 65-69 (In Russ.)
17. Hlevov A. A. Ob istoriko-kul'turnoj interpretacii Kerchenskih run [On the historical and cultural interpretation of the Kerch runes] / A. A. Hlevov//Hersoneskij sbornik. — 2001. — vyp. 11. ANAXAPΣIΣ. — S. 165-185 (In Russ.)
18. Hlevov A. A. Predvestniki vikingov [Harbingers of the Vikings]/ A. A. Hlevov. — SPb.: Evraziya, 2002. — 336 s. (In Russ.)
19. *Elgqvist E.* Studier rörande Njordkultens spridning bland de nordiska folk / E. Elgqvist — Lund, 1952.
20. Järsberg, stone // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) — URL: <https://www.runesdb.de/find/67> (last request: 12.12.2023)
21. Kragehul, lance // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) — URL: <https://www.runesdb.de/find/25> (last request: 12.12.2023)
22. Lindholmen, bone piece // Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS) — URL: <https://www.runesdb.de/find/34> (last request: 12.12.2023)
23. *Marstrander C.J.S.* De gotiske runeminnesmerker // C.J.S. Marstrander — NTS, Bd III, —1929. — P. 25–157.
24. *Moltke Eric* The runs and their origins. Denmark and Elsewhere/ Eric Moltke translated by Professor Peter G. Fotte, M. A., FIL. DR. — London Department of Scandinavian Studies University College, 1985. — 556 p.

Irshin Georgy Yuryevich – 3rd year student of the history direction, Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, (Sevastopol, Russia), irshintovgin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024; принята к публикации: 29.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Иршин Г. Ю. Руны и человек, который их вырезает. О слове «erilaR» на рунических памятниках // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 78-87

FOR CITATION:

Irshin G. YU. Runy i chelovek, kotoryj ih vyrezaet. O slove «erilaR» na runicheskikh pamyatnikah [Runes and the person who carves them. About the word «erilaR» on runic monuments] // Socio-gumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 78-87.

УДК 82.091, 821.511.111

ТУВЕ ЯНССОН И ИНГМАР БЕРГМАН: НЕОЖИДАННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

А. В. Востров

В статье рассматриваются особенности жизненного и творческого пути финской шведоязычной писательницы, иллюстратора, художницы Туве Янссон и шведского режиссера, сценариста Ингмара Бергмана. На основе анализа их произведений, сопоставления фактов биографий, воспоминаний и работ по исследованию их творчества проводятся ассоциации между двумя знаковыми персонами финской и шведской культур; ставится вопрос о восприятии их современными читателями.

Ключевые слова: Туве Янссон, Ингмар Бергман, шведоязычная финская литература, шведский кинематограф.

Туве Янссон (1914-2001) и Ингмар Бергман (1918-2007) – на первый взгляд фигуры абсолютно несопоставимые. Финская писательница, «мама» муми-троллей, и шведский классик кинематографа вряд ли были знакомы лично: их жизни проходили на разных берегах Ботнического залива, а творчество не предполагало пересечений. Яркий пример обратного: Янссон общалась (и лично встречалась) со шведкой Астрид Линдгрэн – и даже реализовывала с ней совместные проекты. Однако при пристальном изучении биографий и творчества Янссон и Бергмана возникает множество неожиданных параллелей.

Обзор жизненного пути героев статьи вызывает ассоциации, почти в каждой из которых проступают общие черты. Авторы разные по складу характера персоны, однако оба всю жизнь главным приоритетом считали работу, творчество. Мужчина и женщина (последнее в середине XX столетия имело большое значение в мире искусства) – они оба оставили значительный след не только в истории своих стран, но и широко известны во всем мире. Поражнему относившиеся к своим достижениям, к своему кругу знакомств, они предпочитали уединение.

На первый взгляд единственным общим сюжетом в их биографии пред-

ставляется родной шведский язык. Но даже здесь сразу проступают различия: стандартный шведский и финляндский шведский как разговорные языки отличаются, хотя их литературные нормы во многом совпадают. Тем не менее, общность языков дает весомый повод для сравнения культур, переводя авторов в единую плоскость.

При взгляде со стороны соседние Швеция и Финляндия представляются насколько схожими, настолько и различными. Общий язык (в Финляндии второй официальный язык – шведский) лишь подчеркивает последнее: подавляющее большинство финляндских шведов не ассоциирует себя с соседней страной, а значительная часть «истинных шведов» имеет мало представления о шведоязычных финских соседях. Разность менталитетов становится очевидной, если сравнить, например, прибрежный финский Порвоо (по-шведски, Борго), рядом с которым проводила летний отдых юная Туве, и шведскую Упсалу, где родился Ингмар.

Оба старинных города совпадают лишь шведским прошлым (на уровне периферия – центр), а за последние два столетия идентичность жителей Борго еще дальше удалилась от шведской под воздействием финской самобытной культуры, помноженной на автономный

столетний период Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Культурная разность столиц, Хельсинки и Стокгольма, с каждым десятилетием всё больше увеличивается, что находит отражение, например, в малом пересечении литературных и кинематографических сюжетов. К тому же, в межвоенный период 1930-х годов, во время молодости и творческого становления рассматриваемых авторов, политические отношения между Финляндией и Швецией были весьма прохладными. Что не мешало общению и миграции простых (шведоязычных) жителей – в основном, с восточного побережья Ботанического залива на западное.

Долгая жизнь Янссон и Бергмана включила почти весь противоречивый XX век. Даже даты их рождения дают важную его перспективу: Туве родилась в первые дни Первой мировой войны, Ингмар – за несколько месяцев до ее окончания. Оба «заглянули» в начало XXI столетия... и новый век изменил восприятие их творчества, окончательно переведя его в статус классического. Обоих можно назвать представителями своего века со всеми его достоинствами и недостатками, хотя в некоторых аспектах жизнотворчества они безусловно опередили время.

Тяготы военных лет (1939-1945) коснулись их по-разному: если Янссон видела бомбардировки Хельсинки собственными глазами (обычно – не пряталась) и рисовала антивоенные карикатуры (где выставляла смешными как Гитлера, так и Сталина); то Бергман наблюдал «изнанку Европы» с почти нейтральной стороны, и эти события не оставили значительных следов в его творчестве. Однако нацистская пропаганда все-таки «задела» молодого шведа: во время визита по школьному обмену в Германию в 1934 году (по другим сведениям – в 1936 году) он на короткое время проникся этими идеями. Интересно, что Туве Янссон, возможно, была в Германии одновременно с Берг-

маном: в 1934 году она отправилась в гости к маминой сестре, чтобы затем посетить Париж. Наравне с молодым шведом – в одиночестве.

Достоверно известно, что оба в молодости несколько лет жили почти по соседству. Период с осени 1930 года по лето 1933 года Туве провела в Стокгольме в доме дяди Эйнара Хаммарштена на *Norr Mälarstrand 26*, когда училась рисованию в местной Политехнической школе (взамен финской, где у нее не сложилось). По одной из авторских версий именно Эйнар придумал именование «муми-тролль», когда пугал юную племянницу, чтобы та не таскала припасы из его кладовой [1]. Этот дом, расположенный неподалеку от Старого города, находится примерно в трех километрах от двух столичных адресов Бергмана периода юности – *Villagatan 22* и *Storgatan 3*. Родной район Эстермалм, также примыкающий к центру города, сыграл важную роль в биографии и фильмографии режиссера [2]. Такое соседство – знаковая иллюстрация одновременной дальности и близости двух будущих авторов.

Несмотря на внешний фон противопоставления финского шведскому, детство Туве Янссон было связано с обеими странами. Ее мать принадлежала к старинному шведскому роду Хаммарштен, поэтому юная Туве часто гостила у родственников в Блидэ на архипелаге близ Стокгольма. Как уже упоминалось выше, больше двух лет она училась в шведской столице, но приняла решение вернуться в Финляндию, несмотря на возможность продолжить обучение в Швеции. Соседняя страна оставалась для нее отдаленной: в воспоминаниях она воспринимала Стокгольм как место изобилия, где чувствовала себя чужой [1].

Ингмар Бергман, не считая короткого периода эмиграции в Германию из-за налогового скандала, всю жизнь провел в Швеции – преимущественно в Стокгольме и на островах. С финскими

коллегами он встречался крайне редко. Пожалуй, стоит упомянуть только известного финского режиссера, писателя и политика Йорна Доннера, который стал продюсером бергмановского фильма «Фанни и Александр» (1982) и человеком, с которым Ингмар общался довольно продолжительное время – чаще всего, на «своем» острове Форё.

Доннер, в молодости написавшей книгу об анализе режиссерских работ Бергмана с полемическим (к фильму режиссера) названием «Лик дьявола» (1962), а в 2009 году – мемуары о друге. В своем более документальном фильме «Ингмар Бергман: О жизни и работе» (1998) подчеркнул, что тот был другом, только когда нуждался в чем-то (используя метафору «крокодил») [6]. Эта нелестная оценка приоткрывает другую сторону кинорежиссера, сценариста и театрального постановщика: одержимость работой; сфокусированность на собственном мире, построенном, во многом, на детских реминисценциях. Постоянный поиск идеальных отношений с женщинами стал смещением данного фокуса – в сторону процесса творческого, так как жены и подруги режиссера были в основном из его же творческой среды. Если же взглянуть в сторону Туве Янссон, то ключевыми словами ее жизни стали «работай и люби», представленными на ее экслибрисе. Автор исследования о Янссон с одноименным названием подчеркивает главное: работа всегда была на первом месте, и если стоял выбор между отношениями и творчеством, то Янссон обычно выбирала второе [1].

Указанный лозунг преломляется в отношениях Туве и Ингмара со своими отцами, складывавшимися чрезвычайно сложно. Виктор Янссон был значимым финским скульптором первой половины XX века, хотя и находился в тени знаменитого Вяйнё Аалтонена. Множество работ Янссона сохранилось до сих пор – в том числе, фигуры русалок нескольких фонтанов столичного

парка Эспланада, при ваянии одной из которых позировала маленькая Туве. Другими известными работами скульптора, появившимися с помощью дочери, стала «Голова девочки» и *Convolvulus* (вьюнок).

Несмотря на взаимную привязанность отца и дочери, отношения оставались сложными: Виктор Янссон вернулся с финской гражданской войны надломленным и наполненным пессимистичными взглядами, чуждыми дочери. Лишь редкие мгновения, когда они находили общий язык, становились для них счастливыми. Кроме того, академический подход мастера мешал пониманию пути дочери, выбиравшей волею судьбы профессии иллюстратора и писателя взамен карьеры художника (о чем Туве тоже сильно переживала). Дочь же восхищалась отцом и в творчестве почти полностью зависела от его суждений. Позднее она написала знаковую автобиографическую повесть «Дочь скульптора» (1968), переосмыслив влияние отца.

Эрик Бергман многие годы служил одним из священников в церкви Хедвиги Элеоноры в Стокгольме, а в 1934 году стал ее настоятелем. Семь лет спустя, в дополнение к основным обязанностям, он был назначен одним из придворных священников шведского короля. Такой жизненный путь вкупе с жесткими отношениями к проступкам своих детей породил противоречия с юным Ингмаром, которому было присуще тонкое мировосприятие. Неудивительно, что особое место в детских воспоминаниях занимают сложные отношения с отцом, которые в фильмах проецируются на отношение к Богу. Из так называемой «трилогии верь» стоит особенно выделить фильм «Причастие» (1962): путь священника Томаса к настоящей молитве. Другой важной воплощенной фигурой стал пастор из автобиографического фильма «Фанни и Александр» – аллюзия на детские страхи и суровые методы воспитания в от-

цовском доме. Поиск ответов на сокровенные детские вопросы привел Бергмана к сложным отношениям с Богом – и негласному протесту против сложившегося канона веры.

Контрапунктом отношений с отцом стали отношения с матерью, с которой Ингмара связывало многое и которая, как могла, сглаживала сложные моменты. Также она помогала творческой реализации детей: например, домашними театральными постановками. Отношения Ингмара со старшим братом Дагом не были особо близкими, как и с младшей сестрой Маргаретой, которая стала прообразом Фанни в упомянутом выше фильме. Попытка распутать сложный семейный психологический «клубок» стала одной из главных целей творчества Бергмана.

Если же провести параллель с Туве Янссон, то отношения в семье, саморефлексия и воспоминания детства занимают едва ли не главенствующее положение в ее творчестве. Прямым их отображением является картина «Семья» (1942): здесь каждый представитель семьи Янссон несет свою «печать». С матерью, художником-иллюстратором, у Туве были очень близкие отношения.

Скорее всего, из-за ее огромного влияния Туве всегда определяла себя именно художником и иллюстратором. Показательным преломлением отношений в семье стали «взрослые» повести Янссон: психологические этюды, глубоко проникавшие во впечатления детства. И в последующие теплые отношения с братьями Пером-Улофом и Ларсом. Именно последний подхватил у старшей сестры быстро наскучившей ей сериал муми-комиксов для газеты *The Evening News*.

Наиболее полно картина семейной жизни проявилась в книгах о мумитроллях. Муми-мама, муми-папа бесспорно имеют реальные черты родителей автора, а сама Туве Янссон частично воплотилась в главном персонаже. Важным объектом книг является мумидом, навеянный домом шведских родных под Стокгольмом. Помимо этого, многие памятные детские моменты отразились в книге «Дочь скульптора», в которой автор описывает свой детский мир через дыхание моря. Читая книгу, создается устойчивое впечатление, что Туве всю жизнь возвращалась к детским воспоминаниям, пытаясь найти ответы на сокровенные вопросы [3].

Рис. 1 Туве Янссон

С морем у Туве Янссон также связано очень многое. Море давало девочке ощущение свободы, позволяло воплотить в жизнь ее принцип «свободы-одиночества», который через много лет Туве доведет до абсолюта, поселившись на собственном острове Кловхару. Живя здесь со своей спутницей Тууликкой, она обрела давнюю мечту изоляции от мира: беспокойное море препятствовало появлению гостей. В книгах о мумитроллях образ острова играет немаловажную роль – даже сам Муми-дол можно рассматривать в этом ракурсе. Если сместить акцент, то мир мумитроллей представляется иллюстрацией жизни почти изолированного финского шведоязычного меньшинства в финноязычном «море» того времени [5].

Островная психология как творческая стратегия – важная составляющая самореализации обоих рассматриваемых авторов. Например, Ингмар Берг-

ман придерживался стратегии глобального одиночества: для него «своим» островом стал Форё (близ острова Готланд). Его изоляция не была столь идеальной, как у Янссон, но от светского мира он удалился значительно. Позже в автобиографии *Laterna Magica* Бергман писал, что остров соответствовал глубинным представлениям о форме, пропорциях, красках, горизонтах, звуках, тишине, свете, отражениях... и являлся противовесом театру, который отнимал у режиссера много душевных сил [4]. Небольшой остров стал одним из основных действующих лиц фильма «Персона» (1966), двух документальных фильмов («Документ Форё» 1969 и 1979). Но и в раннем фильме «Лето с Моникой» (1953) автор пытался найти свой остров – утопия, в конце концов, осуществленная.

Рис. 2 Ингмар Бергман

Бергмановская «Земляничная поляна» (1957) стала классикой мирового кинематографа. Классикой, которая несет в себе метафору изолированной земляничной поляны детства. Ее дополняет шведская идиома названия фильма *Smultronstället* (дословно –

«земляничное место»), указывающая на любимое место, заветный уголок теплых воспоминаний. Сам режиссер, как и его герой, профессор Исаак Борг, в фильме постоянно возвращается к воспоминаниям, но поляна его детства представляется для зрителя холодной, полной

психологического надрыва. Неуступчивое время стало иллюстрацией этого движения вспять: часы без стрелок указывают на бесплотность попыток позиционировать себя в настоящем. Еще одной метафорой «надрыва времени» стали напряженные отношения трех взрослых сестер на фоне детских воспоминаний – перед неминуемой смертью одной из них (Агнес) – в фильме «Шепоты и крики» (1972), а антитезой – холодный взгляд в будущее антиутопической картины «Стыд» (1968).

На первый взгляд творчество Туве Янссон не предполагает «игры со временем». Однако если взглянуть в ретроспективу ее персонажей, отчетливо проступает противоречивое отношение с настоящим. Поиски уплывшего мумипапы, хатифнатты-странники, которые не умеют разговаривать, а умеют исчезать, наконец, появление кометы, предвещающей конец света... – муми-мир оказывается вневременным, его герои не имеют возраста, события лишь пунктирно связаны с ходом времени. Художественные работы Туве также редко привязаны ко времени: например, монументальные картины «Праздник в деревне» и «Праздник в городе» (конец 1940-х), выполненные в технике фрески, несут в себе мотивы сказочных пейзажей и райских полотен, но кажутся вполне современными.

Важным аспектом творчества Янссон является окружающий мир, его природа – необычная, противоречивая, непредсказуемая. Знаменитая цитата («В этом мире есть место абсолютно для всего на свете. Отсутствие здравого смысла переплетается с железной логикой. Есть в этом нечто от сюрреализма, от сновидений, от реальности каждого дня в его фантастическом обрамлении» [3]) являет непредсказуемый мир произведений писателя, иллюстратора и художника, лишь частично связанный с миром реальным. Фильмы Бергмана также располагаются в пространстве, неразрывно связанном с природой.

В них природа – место встречи с чем-то важным, сокровенным; позже – с трансцендентным. Например, в фильме «Седьмая печать» (1957) аллегорическая партия в шахматы со смертью происходит на фоне моря, очищающего людей от скверны (болезни), а в более позднем фильме «Стыд» море приносит тяжелые военные испытания. Но реальная жизнь в итоге побеждает героев повествования.

Двойственные киноперсонажи Бергмана, чувствующие лишь моменты теплоты и пытающиеся найти взаимный контакт по некоторой заранее определенной схеме, – обычно люди творческих профессий (еще один автобиографический элемент!). Режиссер также не чурался идеи эмансипации (например, в фильме «Шепоты и крики» он являет дом без мужчин); исследовал характер женщины: ее сексуальность, иррациональность, мистическую силу и силу природы, с ней связанную; вывел образ женщины мучимой и терзаемой... Количество его романов, браков и детей лишь подчеркивают этот своеобразный авторский поиск.

В этом контексте Туве Янссон можно представить воплощением идеи эмансипации: богемный образ жизни (при этом дома и в мастерской она всегда довольствовалась малым) и внебрачные связи с мужчинами, резко отрицаемые в финском обществе того времени; не воспринимаемый всерьез в мужском обществе женщина-художник; наконец, совместная жизнь с Туулиikki Пиетилия, что в Финляндии считалось немислимым... Так оба автора выражали не только творческую свободу, но и достаточно часто шокировали общественное мнение [8].

И, наконец, стоит выделить «смещенное» восприятие своего творчества, присущее обоим авторам. Бергман видел кинематограф и театр обходным путем в литературу: его сценарии являлись не просто дополнением к фильму, а отдельной «живой» его частью. Может

быть поэтому его тексты кажутся необычными, порой странными: несоответствие видеоряда тональности речи, слегка замаскированный письменный язык... Иллюстрацией этого стали письма, дневники и книги, которые в кинокартинах Бергмана являются важным звеном связи миров, проводником авторских идей.

Многие фильмы Бергмана на первый взгляд похожи друг на друга, однако в сценариях видны четкие различия: здесь проступают черты произведений Генрика Ибсена, Яльмара Бергмана, Августа Стринберга... Театральные его сценарии несут в себе схожие черты. Все эти тексты «хотят быть» литературой, но в силу кинематографической и театральной специфики не могут быть таковой. Тем не менее, Ингмар Бергман выпустил порядка десяти книг – пьесы и автобиографические воспоминания. Самой знаменитой стала *Laterna Magica* – автобиография и своеобразный комментарий режиссера, в своих киноработах представлявшего исповедь, граничащую с саморазоблачением [7].

В свою очередь, Туве Янссон не рассматривала литературу как свое основное ремесло. Из-за влияния матери (еще одна схожая черта обоих авторов) она всегда позиционировала себя художником или, что меньше ее вдохновляло – иллюстратором. Не добившись большого признания в реализации своей мечты при жизни (в том числе, из-за мужских традиций в финской живописи), она использовала литературу как окно в мир большого искусства. Ее иллюстрации к книгам считаются эталонными, картины экспонируются на выставках (временных и постоянных) и обретают постоянного зрителя – во многом благодаря «шлейфу» муми-троллей. Преломлением этого является участие Янссон в постановке спектаклей по книгам, их мультипликационные экранизации, а также упомянутые выше комиксы.

В заключении хочется особо выделить «печать» авторской судьбы: Ин-

гмар Бергман не стал писателем, но стал классиком кино; Туве Янссон полностью не реализовала себя как художник, но стала детским писателем мирового масштаба. И киномир Бергмана, и муми-мир Янссон не имеют четко выраженных пространственных и временных границ, а многоуровневое повествование, причудливое взаимодействие статики и динамики – легко узнаваемый киноподчерк Бергмана и проникновенные сюжеты Янссон – являют ту самую глубину, которая отличает выдающиеся произведения. Представляется, что едва уловимая, но неоспоримая схожесть их жизненного пути и художественного поиска в этом случае является далеко не случайной.

Неслучайной представляется и важная роль музыки в жизни обоих авторов: Туве Янссон в яркие моменты включала Бетховена (и очень любила танцевать), Бергман настраивал себя под музыку Баха – в сложном пути от эмоциональности к отрешенности. «Всю свою сознательную жизнь я прожил с тем чувством, которое Бах называл радостью. Оно спасало меня в критические моменты и в несчастьях, было мне столь же надежной опорой, как и мое сердце» – говорит Бергман в *Laterna Magica* [4]. Эти слова как нельзя лучше дополняются цитатой из муми-троллей: «Ваши планы не обязательно должны быть необычными, чтобы сделать вас необычайно счастливыми» [3].

Новое время требует нового прочтения книг, иллюстраций и картин Туве Янссон, а также фильмов, сценариев и постановок Ингмара Бергмана. Несмотря на знаковость авторских фигур, неумолимый его ход, казалось бы, все больше отдаляет современного зрителя и читателя от истоков их творчества. Однако каждое последующее прочтение их произведений новым поколением (и новое восприятие повзрослевшими предыдущими поколениями) принимает современные читателям коннотации. Здесь уместен, на первый

взгляд, простой вопрос: можно ли назвать творчество Бергмана и Янссон вневременным? Но ответ на него представляется не самым простым: без рассмотрения жизненного пути авторов, без анализа исторического контекста их произведений, без прочтения их писем

и заметок. Сопоставление житнетворчества двух непохожих авторов дает возможность лучше понять идеи обоих – и противоречивое двадцатое столетие в контексте финской шведоязычной и шведской культур.

Список источников и литературы:

1. *Карьялайнен Т.* Туве Янссон: работай и люби. М.: АСТ, 2017. 376 с.
2. *Шёберг Т.* Ингмар Бергман. Жизнь, любовь и измены. М.: Corpus, 2015. 480 с.
3. *Янссон Т.* Всё о муми-троллях. М.: Азбука, 2016. 880 с.
4. *Bergman I.* The magic lantern: An autobiography. New York: Viking, 1988. 308 p.
5. *Björk C.* Mycket mer än Mumin. Stockholm: Bilda Förlag, 2003. 208 s.
6. *Donner J.* Bergman: PM. Stockholm: Ekerlid, 2009. 238 s.
7. *Koskinen M.* Ingmar Bergman, the biographical legend and the intermedialities of memory // Journal of Aesthetics & Culture. Vol. 2. 2010.
8. *Westin B.* Sanat, kuvat, elämä. Helsinki: Schildts & Söderströms, 2008. 511 s.

Востров Алексей Владимирович – историк, литературовед, преподаватель математики, Санкт-Петербургский политехнический университет, alex.sinkriver@gmail.com

TOVE JANSSON AND INGMAR BERGMAN: UNEXPECTED PARALLELS OF LIFE CREATION

A. V. Vostrov

The article examines the features of the life and creative path of the Finnish Swedish-speaking writer, illustrator, artist Tove Jansson and the Swedish film director, screenwriter Ingmar Bergman. Associations between two iconic figures of Finnish and Swedish cultures are made based on the analysis of their works, comparing the facts of biographies, memoirs, book and articles on the study of their creative path. The question of their perception by modern readers is also raised.

Keywords: Tove Jansson, Ingmar Bergman, Swedish-language Finnish literature, Swedish cinema.

References

1. *Kar'yalaajnen T.* Tuve Yansson: rabotaj i lyubi. [Tove Jansson: Work and love] M.: AST, 2017. 376 s. (In Russ)
2. *Shoberg T.* Ingmar Bergman. Zhizn', lyubov' i izmeny. [Ingmar Bergman. Life, love and infidelity] M.: Corpus, 2015. 480 s. (In Russ)
3. *Jansson T.* Vsyо o mumi-trollyah. [All about Moomins] M.: Azbuka, 2016. 880 s. (In Russ)
4. *Bergman I.* The magic lantern: An autobiography. New York: Viking, 1988. 308 p.
5. *Björk C.* Mycket mer än Mumin. Stockholm: Bilda Förlag, 2003. 208 s.
6. *Donner J.* Bergman: PM. Stockholm: Ekerlid, 2009. 238 s.
7. *Koskinen M.* Ingmar Bergman, the biographical legend and the intermedialities of memory // Journal of Aesthetics & Culture. Vol. 2. 2010.
8. *Westin B.* Sanat, kuvat, elämä. Helsinki: Schildts & Söderströms, 2008. 511 s.

Vostrov Alexey Vladimirovich – historian, literary critic, lecturer of mathematics, St. Petersburg Polytechnic University, alex.sinkriver@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 13.02.2024; принята к публикации: 28.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

*Vostrov A. B. Туве Янссон и Ингмар Бергман: неожиданные параллели
жизнетворчества // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 88-
96*

FOR CITATION:

*Vostrov A. V. Tuve YAnsson i Ingmar Bergman: neozhidannye paralleli
zhiznetvorchestva [Tove Jansson and Ingmar Bergman: unexpected parallels of life
creation] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communi-
cations]. 2024. № 1(7). P. 88-96.*

КУЛЬТУРА И ЯЗЫКИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 82-14

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТИХОТВОРНОГО СБОРНИКА М. МЁРТЛУНД «Я ЕДУ ЧЕРЕЗ ЮХОНПИЕТИ, КОГДА ЦВЕТЁТ ИВАН-ЧАЙ»

А. С. Алёшин

В статье проводится анализ основных образов и символов, составляющих систему стихотворного сборника Моны Мёртлунд «Я еду через Юхонпиети, когда цветёт иван-чай». Рассматриваются образы времени, взаимоотношений мира живых и мёртвых, народной и культурной памяти, образы притесняемого народа, лишённого традиционного уклада жизни, потерянной и вновь обретённой Родины.

Ключевые слова: образно-символьная система, Турнедален, турнедалские финны.

Введение

В шведской литературе начала XXI века одно из ведущих мест занимает тема национальных меньшинств, их истории, тяжёлой судьбы народа и страданий, причинённых им шведами. В 2000 году власти Швеции официально признали наличие в стране пяти народов, которые были объявлены национальными меньшинствами. Ими стали называться финны, турнедалские финны, саамы, цыгане и евреи. Языки этих народов также получили особый статус и законодательные привилегии. В результате в шведском обществе возник устойчивый интерес к данной проблематике, и на рубеже XX-XXI веков появилась целая плеяда шведских авторов, пишущих как на шведском языке, так и на языках официальных национальных меньшинств. Среди таких авторов можно назвать Нильса-Аслака Валкеапя (саамский язык), Сюзанну Алакоски (финский), Катарину Тайкон (цыганский) и многих других. Однако, если, например, о культурной идентичности мигрантов в научной литературе в последние годы написано некоторое количество работ [1], [2], то литература шведских национальных меньшинств в значительной степени остаётся за рам-

ками научного рассмотрения в российской скандинавистике.

Турнедалские финны составляют этническое меньшинство на севере Швеции, на востоке региона Норрботтен у границы с Финляндией. По официальным данным, сейчас в Швеции живёт около 50000 турнедалцев, прежде всего в муниципалитетах Елливаре, Хапаранда, Паяла и Кируна [3], [4].

В 2001 году турнедалская поэтесса Мона Мёртлунд выпустила стихотворный сборник под названием «Я еду через Юхонпиети, когда цветёт иван-чай». Его название отсылает к небольшой деревне Юхонпиети, расположенной в муниципалитете Паяла, одном из самых густонаселённых турнедалскими финнами. Годом ранее, в 2000 году, Паяла прогремела на всю Швецию благодаря роману Микаэля Ниemi «Популярная музыка из Виттуль», который привлёк всеобщее внимание к Турнедалену. Однако произведение Моны Мёртлунд отличается как в жанровом и родовом отношении, представляя собой стихотворный сборник, так и в тематическом. В нём автор поднимает вопросы, охватывающие ключевые события в истории региона, а также национальной идентичности живущих в нём людей, пропуская эти вопросы через призму

сознания лирического героя. Целью данной статьи является анализ основных образов и символов, составляющих систему стихотворного сборника Моны Мёртлунд «Я еду через Юхонпиети, когда цветёт иван-чай»¹.

Основная часть

В название вынесены первые строки стихотворения, открывающего сборник. Место действия сборника сразу локализовано – это деревня Юхонпиети. Несмотря на свой небольшой размер, она существует уже несколько веков. Она была основана ещё в XVII веке и хранит память о многих событиях, ставших определяющими в судьбе Турнедалена. Отсылки к древности и значимости отдельных мест, построек и дворов Юхонпиети встречаются во многих стихотворениях сборника:

*Я еду через Юхонпиети
Когда цветёт иван-чай,*

*Через розовые луга,
Бурлящую реку,
Старые дворы,
Взбирающиеся в гору.*

Из исторических событий особое значение в рассматриваемом сборнике отводится последней шведско-русской войне, закончившейся в 1809 году. По мирному договору между Швецией и Российской империей Финляндия, находившаяся до этого в составе Швеции несколько веков, отошла России, и новая граница прошла по реке Турнеэльвен, расколов Турнедален на две части – шведскую и финскую (российскую):

*Овин
Восемнадцатого века*

*Во всех углах знаки высечены,
Для защиты от злых духов*

*На одной из стен дата
1809*

Произошедшее внесло огромные изменения в жизнь Турнедалена. Многие семьи оказались расколоты, общение между двумя частями региона было сильно затруднено, порвались традиционные экономические связи. Кроме того, в шведской части Турнедалена начала проводиться политика насильственной ассимиляции турнедалских финнов:

*Край наш делят, остаётся
Только западный нам берег
Мы теперь – большой осколок
Часть другого мы народа*

*Говорит нам власть, велит нам
Шведами должны все стать мы*

*Имена забудьте, песни
И стихи, слова забудьте.*

Дети в турнедалских школах отныне должны были изучать только шведский язык, шведскую культуру, географию и историю, чтобы вырасти настоящими шведами. Резкий контраст между навязываемой шведской культурой и родной природой находит яркое отражение в стихах сборника, где чужие, непонятные детям названия шведских рек, которые заставляет их запоминать учитель, противопоставляются знакомой, родной реальности, которую дети видят за окном. Интересно отметить визуальные приёмы, который Мона Мёртлунд использует в печатном издании сборника: названия шведских рек, которые с указкой в руке буквально «вбивает» в детей учитель, приводятся жирным шрифтом, а родная для них река Лайнионвяйля после каждого настойчивого повторения учителем шведских названий приводится всё более мелким шрифтом, «отдаляясь» от детей. Так происходит вытравливание из турнедалцев их настоящей национальной идентичности:

¹ Все переводы, приводимые в данной статье, выполнены автором статьи.

*Учитель бьёт, указкой бьёт
Шведам реки помнить надо!
Учитель бьёт, указкой бьёт
Вискан, Этран, Ниссан, Лаган*

А за окном река Лайнионвяйля

Вискан, Этран, Ниссан, Лаган

Моя Лайнионвяйля

Вискан, Этран, Ниссан, Лаган
Лайнионвяйля

Вискан, Этран, Ниссан, Лаган!

При этом шведы долгое время воспринимались турнедальцами, особенно детьми, как «чужой», инородный элемент в их мире, и любой контакт со шведами в Турнедалене вселял в детей страх:

*Швед, швед звонит! –
Кричали мы,*

*Бежали быстро
Позвать взрослых*

Сердце колотилось, пот струился

Швед звонит!

Мама, быстрее!

Важнейшим образом в рассматриваемом сборнике является образ времени. С одной стороны, оно представлено в качестве мощной деструктивной силы, которая разрушает, обращая всё в прах:

Жерди старые

Не нужны больше

Стоят прислонённые

К большой ели

Гниют медленно

Рушатся, рушатся.

С другой стороны, время не властно над памятью, как отдельного индивида, так и культурной памятью народа. Этой теме посвящено много стихотворений сборника. Память соединяет поколения, оставляя образы людей в сознании живущих. В памяти лирического героя остаются яркие образы из прошлого, которые визуализируются в мельчайших подробностях внешнего облика и одежды:

Я помню Ангелиику

*Ангелиика. С ударением на первый слог,
Это важно*

Она жила у нас, бывало

*Помню, как она лежала на кухонном диване
Укрыв лицо косынкой,
И дремала после обеда*

*Она гостила у нас несколько дней или недель,
Агелиика, странница, сестра моей прабабки*

А потом снова шла в путь

*Идя по дороге через деревню,
Она вязала, держа клубок ниток
Под мышкой*

Мы до сих пор вспоминаем её красивые варежки

Герой в стихотворениях понимает, что старого мира, в котором жили предки, уже не вернуть, но помнить о нём – долг каждого турнедальца. Лирический герой стихотворений полон уважения и благоговения перед предками, будучи зачастую не в силах осознать ту жизнь, те тяготы, которые выпали на их долю. В некоторых стихотворениях Мона Мёртлунд специально приводит вставки на меанкели – языке турнедальских финнов, который хранит в себе особую магию,

доступную лишь его носителям, и служит межпоколенной передаче культуры.

*Я часто думаю, где ныне
все вы, что здесь ходили прежде
и наблюдали те же тропы, ту же воду*

*Ты, дядя деда моего,
кровь заговаривал и духов изгонял,
узнать хочу, боялся ли ты силы,
Которую владел?*

*Ты, бабушка, что в тридцать шесть
ушла
родив ребёнка мёртвого, за ним от-
правилась*

*Дед, жил один ты с девятью детьми
В большом красивом новом доме, что
для неё построил,
Лишь раз отчаянье твоё открылось де-
тям,
На чердаке они твои шаги услышали, и
крик, и вой*

Дом перестал дышать

*Письмо от бабушки нашла
Старшей сестре, вот первые слова:*

Tulen tykösi muutamalla rivillä

Пишу тебе я пару строк

Tulen tykösi muutamalla rivillä

Слов тоже не станет скоро

*Как и всех вас
что здесь ходили прежде
по тем же тропам, вслед тем же по-
токам
подобно им, конца не знали и начала,
лишь этот путь, деревню лишь одну
и это был ваш мир*

Мир живых в рассматриваемом сборнике очень тесно переплетён с миром мёртвых. Каждое пересечение с зоной, территорией, которая может принадлежать душам мертвецов, вызывает у ребёнка огромный страх:

*Я иду по дороге
Крепко сжимаю ручку бидона*

*Я иду по дороге
И уже стемнело*

*Я должна пройти мимо избы
Куда кладут покойников*

*Я должна спокойно пройти
мимо избы
с покойниками*

*Бежать нельзя
Бидон с молоком уронить нельзя*

Но я слышу шаги

Слышу очень ясно

*Смятение
Должно быть, спряталось
Далеко в сарае,
Где лежит одежда мёртвых*

*Из замочной скважины
Веет холодом*

*Я очень боюсь
Открыть рот*

При этом в стихотворениях также подчёркивается важность соблюдения всех ритуалов, связанных с проводами человека в мир мёртвых, что служит обеспечению непрерывности связи между поколениями и передаче традиций, способствующих сохранению народа и его культуры:

*Песни, что веками пелись
И слова, что говорились*

*Мы верны своим заветам
И обычаям священным*

*Лодку, где лежит усопший,
Ставим носом по теченью
Когда с берега толкаем*

Так положено, так нужно

*Положите осторожно
Аккуратно в лодку тело*

*И слова подхватят волны
Поплывут с водою песни
Понесёт теченье лодку
И достойным быть прощанью.*

Примечательно, что в этом стихотворении Мона Мёртлунд, использующая в большинстве стихотворений сборника свободный стих, обращается к традиционному четырёхтактному размеру, характерному, например, для «Калеваль».

Одним из ключевых образов является также образ Родины, родной природы, которая притягивает к себе и заставляет вернуться домой после долгого отсутствия, поскольку турнедалец оказывается немислим без родной земли, вне которой он теряет свою идентичность:

Я хотела уехать

Я думала, что уехала

*Пока не обнаружила себя
Сидящей на первой проталине
И смотрящей на реку*

*Пока не увидела первых лебедей,
Купающихся в первой полынье*

*В день, когда я вернулась,
Я взяла стул под мышку,
Пошла и села с южной стороны*

*Был апрель, и светило солнце,
Где-то лаяла собака*

*Под крышей висело
Вяленое мясо длинными рядами*

Тихо колыхалось от ветра

*Никогда ещё смола
Не пахла так сильно*

*А цветы калужницы
Не сияли такой желтизной*

И река

*Как я могла забыть
Запах реки!*

Тема любви представлена в сборнике достаточно имплицитно, с северной скромностью. И расставание с любимым человеком тоже происходит на фоне турнедалской природы, сопровождающей человека в любых жизненных ситуациях. Символом расставания в данном случае выступает морошка:

*Перед твоим отъездом
Мы идём на болото*

*Светит луна, вечер,
Немного прохладно*

Морошка крупная и спелая

*Мы немногословны
Что сказать нам друг другу?*

*Завтра ты уезжаешь
Быть не может иначе*

Мы тихо сидим у костра

*Уродилась нынче морошка! –
говоришь ты*

Да, не поспоришь.

Заключение

Таким образом, в результате проведённого анализа можно выделить основные образы и символы, конструирующие художественную реальность стихотворного сборника Моны Мёртлунд «Я еду через Юхонпиети, когда цветёт иван-чай». Таковыми являются образы времени, взаимоотношений мира живых и мёртвых, народ-

ной и культурной памяти, образы притесняемого народа, лишённого традиционного уклада жизни, потерянной и вновь обретённой Родины. Результаты анализа могут быть использованы в дальнейших исследованиях литературы о турнедалских финнах, а также литературы, посвящённой другим национальным меньшинствам Швеции.

Список источников и литературы

1. Моркина М. А. Проблема культурной идентичности в романе Юнаса Хассена Хемيري «На красном глазу» / М. А. Моркина. // Вестник СПбГУ Сер.9. – 2016. Вып.2. – С. 49–60.
2. Моркина М. А. Фигура матери в современной шведской литературе о мигрантах как фактор формирования культурной идентичности / М. А. Моркина. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 14. Вып. 5 – 2021. С. 1435-1441.
3. Official website about national minorities in Sweden. // URL: <http://www.minoritet.se> (last request: 09.12.2023)
4. «Kunskapsguiden» - online directory of the National Council of Health and Social Security, other authorities and subjects // URL: <http://www.kunskapsguiden.se> (last request: 09.12.2023)

Алёшин Алексей Сергеевич – к.ф.н., заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), alexis001@mail.ru

FIGURATIVE AND SYMBOLIC SYSTEM OF M. MÖRTLUND'S POEM COLLECTION "I'M DRIVING THROUGH JUHONPIETI WHEN FIREWEED IS IN BLOOM"

A. S. Alyoshin

The article analyzes the main images and symbols that make up the system of Mona Mörtlund's collection of poems "I'm driving through Juhonpieti when fireweed blooms." Images of time, relationships between the world of the living and the dead, folk and cultural memory, images of an oppressed people deprived of a traditional way of life, a lost and regained Motherland are examined.

Keywords: text, article, requirements, title, manual.

References

1. *Morkina M. A. Problema kul'turnoj identichnosti v romane Junasa Hassena Hemiri «Na krasnom glazu» [The problem of cultural identity in the novel "On the Red Eye" by Jonas Hassen Khemiri] / M. A. Morkina. // Vestnik SPbGU Ser.9. – 2016. Vyp.2. – p. 49–60. (In Russ.)*
2. *Morkina M. A. Figura materi v sovremennoj shvedskoj literature o migrantah kak faktor formirovanija kul'turnoj identichnosti [The mother figure in modern Swedish literature about migrants as a factor in the formation of cultural identity] / M. A. Morkina. //*

Filologischeske nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tom 14. Vyp. 5 – 2021. p. 1435-1441. (In Russ.)

3. Official website about national minorities in Sweden. // URL: <http://www.minoritet.se> (last request: 09.12.2023)

4. «Kunskapsguiden» - online directory of the National Council of Health and Social Security, other authorities and subjects // URL: <http://www.kunskapsguiden.se> (last request: 09.12.2023)

Alyoshin Alexey Sergeevich – Candidate of Philological Sciences, Head of department, Department of foreign languages, The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), alexis001@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 24.12.2023; принята к публикации: 19.01.2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Алёшин А. С. Образно-символическая система стихотворного сборника М. Мёртлунд «Я еду через Юхонпие́ти, когда цветёт иван-чай» // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1(7). – С. 97-103.

FOR CITATION:

Alyoshin A. S. *Obrazno-simvolicheskaja sistema stihotvornogo sbornika M. Mjortlund «Ja edu cherez Juhonpieti, kogda cvetjot ivan-chaj»* [Figurative and symbolic system of M. Mörtlund's poem collection «I'm driving through Juhonpieti when fireweed is in bloom»]. // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1(7). P. 97-103.

УДК 75

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА НОРВЕЖСКОГО ХУДОЖНИКА НИКОЛАЯ АСТРУПА (1880-1928) В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕЧЕНИЙ В ИСКУССТВЕ

А. Ф. Батанова

В статье рассматривается та совокупность характеристик творчества норвежского художника Николая Аструпа, которая позволяет проследить влияние современных течений в европейском и шире – международном искусстве на становление его индивидуального визуального языка. Международные источники вдохновения отбирались Аструпом с большой придирчивостью и предоставили художественные решения на критических этапах эволюции его искусства. При этом прямые заимствования в нем отсутствуют, его визуальный язык всегда оставался неизменно индивидуальным, основанным на личных воспоминаниях и детских впечатлениях, на внимательном изучении природы и на отношении с конкретным местом.

Ключевые слова: скандинавское искусство, норвежская живопись, Николай Аstrup, скандинавский модернизм.

Введение

Норвежский художник Николай Аstrup жил в переломный для норвежского искусства период, когда с окончанием эмиграции норвежских художников в европейские столицы искусства норвежская живопись оформилась в самостоятельную национальную школу. Произошло это в 1880-х гг., период «золотого века норвежского искусства» [8, р. 504], когда во всех странах Скандинавии был обозначен поворотный пункт в развитии искусства с прорывом пленэра и реализма и с французским искусством, как главным источником вдохновения [2, р. 351]. Художники-натуралисты, ведущими из которых были К. Крог, Э. Вереншёлль и Ф. Таулов, отказывались от литературных нарративов и театральности. Их живопись была отражением глубоких интеллектуальных течений, которые потрясли мир в конце XIX в.: позитивистская философия, натуралистические тенденции в науке и социологии, но также и в самой Норвегии живопись оказалась

под сильным влиянием натуралистической литературы «Современного прорыва». В начале 1890-х гг. тенденции стали меняться, в качестве реакции на реализм и натурализм в норвежской литературе и искусстве возник «неоромантизм». В живописи он связан, прежде всего, с именами Вереншёлля, К. Скредсвига, Х. Баккер, К. Хьеллан и Э. Петерссена, норвежских художников, обосновавшихся в коммуне Берум (норв. Bærum). В творчестве неоромантиков утвердились символистские тенденции, в пейзажной живописи популярным стал «пейзаж настроения», изображающий атмосферу длинных летних ночей или сумерек, так называемых «l'heure bleue». В Беруме художников посещал норвежский искусствовед и коллекционер Андреас Обер, который популяризировал неоромантизм и выступал за объективную фиксацию норвежского пейзажа и обычаев страны в качестве визуального проявления норвежской национальной идентичности.

*Рис. 1. К. Хьеллан, «Летняя ночь», 1886.
Х/м, 135,5x100,5 см. Национальный музей искусства, архитектуры и
дизайна, Осло*

Творчество Аструпа, обращенное, прежде всего, к темам сугубо норвежским, нередко рассматривают в контексте неоромантизма. Сам Аструп называл себя представителем «натуралистического наивного искусства» [3, р. 20], был вдохновлен великими художниками-романтиками и создавал произведения «памяти и настроения» [3, р. 21].

Родился он в 1880 г. в городке Кальвог (норв. Kalvåg) муниципалитета Бремангер (норв. Bremanger) в губернии Согн-ог-Фьуране в семье священ

ника Кристиана Аструпа. Когда Николаю исполнилось 3 года, семья переехала в небольшую коммуны Йольстер (норв. Jølster) в Западной Норвегии. Его желание стать художником не нашло поддержки со стороны авторитарного отца, но, несмотря на это, Аструп отправился в 1899 г. в Кристианию (нынешний Осло) для учебы в Королевской школе рисования, а потом и в Школе Г. Баккер. В 1901 г. он получил грант на обучение в Германии, откуда в 1902 г. уехал в Париж, чтобы учиться у К. Крога.

*Рис. 2. Б. Фолкстад, «Портрет Н. Аструпа», н/д.
Х/м, 120x90 см. Художественный музей KODE, Берген*

Аструп, чье творческое наследие включает 210 живописных работ, 50 гравюр и 22 рисунка, практически не известен за пределами Норвегии. Связано это с тем, что, во-первых, за пределами Норвегии практически отсутствуют его работы¹, а, во-вторых, до 2010 г.² отсутствовали исследования о нем на английском языке.

Его творчество, посвященное Западной Норвегии, с самого начала воспринималось современниками как искусство, целью которого было создание национального норвежского визуального языка. Критики провозгласили его

посланником «весны норвежской живописи» и создателем «картин его родной деревни Йольстер, которые делают его одним из самых значительных молодых норвежских художников, которые на основе старого норвежского реализма пытались создать мощное и лирическое пейзажное искусство» [3, р. 26].

Вместе с тем, творчество Аструпа намного сложнее, а не просто фиксация особенностей отдельно взятого региона Норвегии. Оно представляет собой сложный синтез опыта личного взаимодействия с природой, национальной идентичностью и международными движениями. Если принимать во внимание тот набор формально-стилистических признаков, которые объединяют произведения норвежских художников-неоромантиков (рис. 1), то становится очевидным, что искусство Аструпа едва ли соответство-

¹ За исключением одной гравюры и одного эстампа, которые находятся в частных коллекциях в Лондоне и США.

² В 2010 г. британский искусствовед и куратор М. Стивенс перевела на английский язык биографию Аструпа, написанную Э. Ложе в 1986 г.

вало «официальной» программе норвежского неоромантизма. Он искал индивидуальный визуальный язык, чтобы запечатлеть пейзажи Йольстера. Его искусство было, с одной стороны, основано на верности особой норвежской идентичности и на собственных детских воспоминаниях, а с другой – демонстрирует явный интерес и знакомство с более широким художественным контекстом.

«Домашний художник»

В своей книге «Садовник под радугой» [10], которая стала первым всесторонним исследованием жизни и творчества Аструп, Эйстейн Ложе руководствуется хронологическим подходом, стилистические же особенности произведений художника, а также разнообразие международных движений в современном искусстве, из которых Аструп черпал вдохновение, рассматриваются как второстепенные. Ложе водит термин «домашний художник» для описания реакции на отчуждение, созданное индустриализацией и современным обществом, с которым многие художники, включая Аструп, должны были столкнуться во время учебы в больших европейских городах.

Профессиональная карьера Аструпа на начальном этапе развивалась согласно установившейся во второй половине XIX в. практике норвежских художников, когда после посещения частной художественной школы в Норвегии они продолжали обучение за границей. Аструп решил поступить не в самую известную частную художественную школу Кристиании, которой руководил К. Бергслиен³, а в школу, открытую Г. Баккер в 1890 г. после ее возвращения после почти двадцати лет учебы и практики в Мюнхене и Париже. Продолжить учебу Аструп решил в Париже, куда он последовал

³ Школа была основана Й. Ф. Экерсбергом в 1859 г. С 1870-х гг. школой руководил Кнуд Бергслиен и в ней обучались Г. Баккер, Х. Эгедиус, Г. Мюнте и Г. Венгцель, в следующем десятилетии, уже под руководством К. Крога, – Х. Стром и Э. Мунк. Закрылась около 1900 г.

за первыми норвежскими художниками-неоромантиками, которые после обучения за рубежом возвращались на родину, чтобы сосредоточиться на национальных темах. Вереншёлль написал по этому поводу следующее: «Именно любовь к природе рождает натурализм, и любовь к природе должна привести художников к возвращению в свою страну, потому что они не могут понять и...не могут любить то, что является чужим, в той же степени, в какой они могут любить то, что принадлежит им» [3, p. 26].

Аструп провел около шести месяцев в Академии Коларосси под руководством Крога, но от более длительного проживания в Париже отказался. Его решение поселиться в 1902 г. в сельском Йольстере, а не в космополитичной Кристиании утверждает его в статусе подлинно «национального» художника. За некоторыми исключениями⁴, он посвятил свою жизнь изображению Западной Норвегии, как места подлинной норвежской культуры. В то время, как регионы Норвегии с собственными культурами объединялись под единым зонтиком национальной идентичности и по мере того, как картины традиционной сельской жизни появлялись на стенах Национальной галереи, этот образ жизни медленно угасал – региональные культуры распадались. Связано это было с индустриализацией и развитием механизированного труда, но, прежде всего, с эмиграцией в крупные города – Кристианию и Берген, а также Европу и США. В общей сложности за столетие, начиная с 1825 г., 800 000 норвежцев, около трети населения Норвегии, в основном из южной и западной частей, покинула страну [9, p. 74].

При жизни Аструпа произошел фундаментальный сдвиг в отношении к окружающей среде, который повлиял на архитектурные традиции, когда норвежские фермеры стали заменять свои

⁴ Аструп написал в 1911 г. дом своих предков в Ютландии, тогда находившейся под властью Германии, а ныне входящей в состав Дании, а в 1914 г. – одну картину с изображением Бергена.

старые дерновые крыши гофрированным железом, и культуру ведения сельского хозяйства. В то время как местные культуры медленно распадались, реконструированный народный костюм бюнад набирал популярность. То есть абстрактная идея Норвегии как единой нации в сочетании с промышленным развитием заменяла независимость и местную идентичность отдельных регионов страны. Аструп отвечал на эту проблему упадка региональных культур созданием и культивированием своей собственной усадьбы в Сандалстранде (ныне – дом-музей художника Аструпгунет), куда они с женой переехали в 1913 г. Скрещивая растения, формируя террасный ландшафт, создавая каменные гроты, обрезая деревья для придания им антропоморфных форм, он подошел к сельской местности, как к студии под открытым небом, где мог полностью погрузиться в свои художественные и ботанические занятия. К своей усадьбе, которая стала широким междисциплинарным начинанием, соединившим сферы искусства, культуры, быта и природу [18, р. 42], Аструп проявлял «почти религиозное отношение» [15, р. 181].

Следует отметить, что современниками Аструп воспринимался как отстающий от своего времени «пещерный человек», отвергающий всякий прогресс⁵, да и сам он иногда высмеивает простоту своего жилища, называя его в письмах «раковиной улитки» и «мышинной норой». Однако его письменное наследие со всей очевидностью демонстрирует, что он был хорошо осведомлен и вдохновлен транснациональным и модернистским дискурсом. Если Аструп и был «пещерным человеком», то он был пещерным человеком с фотоаппаратом, моторной лодкой, телефоном и радио, с образованием в области искусства и опытом учебы за границей.

⁵ О чем свидетельствует в частности письмо художника и друга Аструпа А. Револьда от 9.02.1926 г., где он обращается к Аструпу со словами «Дорогой пещерный человек и друг! Вы все еще сидите под своим ледником и философствуете над тайнами жизни и искусства?». Цит. по [18, р. 28].

Отношение к Аструпу как к сельскому традиционалисту, критически относящемуся к современным технологиям, все еще остается дискуссионным, но, благодаря современным исследователям, фокус в интерпретации творчества Аструпа смещается в область транснационального дискурса и международной контекстуализации. В современных исследованиях больше внимания уделяется его зарубежным поездкам, влиянию европейских школ живописи, а также практике применения им фотографии. Раннее восприятие и интерпретация работ Аструпа как «национальных» в значительной степени было результатом усилий норвежских художественных институтов по объединению различных региональных культур. Если проследить историю выставок, на которых экспонировались работы Аструпа, можно обнаружить, что зачастую названия, под которыми они выставлялись после приобретения Национальной галереи, отличаются от тех, что давал им сам Аструп, и сделано это было для того, чтобы «вписать» художника в национальную повестку.⁶ Одной из целей создания каталога-резоне⁷, посвященного наследию Аструпа, стало возвращение авторских названий его произведениям, т. е. придание им большей аутентичности и репрезентативности.

Хотя современные исследователи Аструпа деконструируют подход к интерпретации его творчества исключительно

⁶ Согласно каталогизации, проведенной Ложе в 1985 г., 168 из 210 работ Аструпа были переименованы после его смерти в 1928 г. Так, авторское название «Мрачный осенний день» (до 1905) было изменено на «Склад в Йольстере», а «Мистицизм темного солнца» (1903) – на «Пейзаж с детьми».

⁷ В 2016 г. Исследовательским центром Н. Аструпа, который является частью Художественного музея КОДЕ в Бергене, был запущен масштабный проект – англоязычный онлайн каталог-резоне (2016–2022), посвященный биографии и творчеству Аструпа. Проект представляет собой хронологический обзор картин художника, включая технические характеристики, информацию о перемещениях картин, постоянно обновляющийся список библиографии и историю выставок. Финансируется Фондом Sparebankstiftelsen DNB.

в национальном контексте, они вместе с тем подчеркивают глубинную связь между искусством Аструпа и норвежской национальной идентичностью, а также желание Аструпа создать «национальный стиль» – квинтэссенцию норвежского по ощущениям и тематике [3, р. 23]

Еще до своего приезда в Кристианию в 1899 г. он был прекрасно информирован о современных норвежских художниках. В письмах он критикует Мунка, вдумчиво анализирует работы художников-неоромантиков Г. Мюнте, Т. Киттельсена, Ф. Таулова и Т. Холмбо и высшей похвалы удостоивает Вереншёлля, называя его «первым в том, что касается мастерства... и, прежде всего, атмосферы в картинах и рисунках...» [3, р. 27]. Сравнение искусства Вереншёлля с искусством Таулова приводит Аструпа к определению национального визуального языка Вереншёлля: «Таулов...может быть блестящим в деталях, может запечатлеть утонченность в вызывающих воспоминания картинах..., но где «жизнь» или человеческое существо с его печалью и радостью, страхом или мучениями, трудом и отдыхом? Где

«повседневная жизнь» с ее воображением и ее реальностью? Где тот идеализм, который сохраняется на протяжении веков? Именно в Э. Вереншёлле, в котором есть что-то очень норвежское...» [3, р. 27].

Будто беря пример с Вереншёлля, он записывает в своих блокнотах типично западно-норвежские мотивы, но еще более поразительным является его перевод мотивов, впервые увиденных в Париже, на типично норвежские сюжеты: «Впервые я столкнулся с мотивом (распускающегося дерева) в Париже, когда вышел на улицу весенним днем и увидел угольно-серо-зеленые листья, которые только что распустились. Я вспомнил бузину за фермерским домом, а затем подумал о яблоне, но я хотел, чтобы у меня были очень большие круглые тонкие листья, которые немного свисают, как листья каштана весной, и тогда дерево должно стоять у ручья» [16]. Кроме того, опираясь на примеры Хьеллан, Петерссена и Мунка, он искал мотивы, которые прославляли бы специфические качества северного света в летние ночи или в ненастную погоду.

Рис. 3. Н. Аструп, «Осенний дождь в горной деревне», 1899. Х/м, 55x84 см. Национальный музей искусства, архитектуры и дизайна, Осло

Международный художник

Аstrup с юношеских лет проявлял интерес к международным делам. В семнадцатилетнем возрасте он в длинном письме другу прокомментировал дело Дрейфуса и войну между Грецией и Турцией. Кроме того, Йольстер не был изолирован от мира – к концу XIX в. он уже был на туристической карте Норвегии. Как получатель государственных и благотворительных стипендий, он смог покинуть Норвегию пять раз, отправившись в Германию и Париж в 1901-1902 гг., в Лондон в 1908 г., в Германию и Данию в 1911 г. и в Копенгаген и Стокгольм в 1916 г. В 1922-1923 гг. он вместе с женой предпринял продолжительное путешествие через Германию, Австрию и Италию в Северную Африку. Кроме того, в разное время он рассматривал возможность переезда в другую страну, а также планировал поездки в Мюнхен в 1919 г. и в Испанию в 1922 г.

Поездки за границу позволили Astrupu познакомиться с искусством, которым не обладали относительно ограниченные музейные фонды Кристиании⁸. Из его переписки и заметок вырисовывается образ очень наблюдательно-художника: он описывал то, что видел, ярким языком, выражая мнения как об искусстве прошлых периодов, так и о современном искусстве. Имена художников и современные течения в живописи, которые он упоминает в своих письмах, наглядно демонстрирует тот диапазон современного искусства, который был ему доступен для изучения. В 1901 г. в Берлине его восхитили недавно раскопанные предметы ассирийского искусства, в Гамбургском Кунстхалле – работа Ф. Халса «Человек с бочкой сельди» (между 1635 и 1640). В 1902 г. в

Лувре Astrup изучал греческие вазы, недавно восстановленную коллекцию рисунков старых мастеров и фотографировал египетское искусство. Национальную галерею в Лондоне он посетил в 1908 г., где его впечатлил сэр Дж. Рейнолдс, которого Astrup называл «первым английским импрессионистом» [16]. Он был также знаком с флорентийской фресковой живописью, работами Брейгеля и Рембрандта.

В 1901 г. он приехал в Париж для обучения в Академии Коларосси у Круга, где оставался до мая 1902 г. Основанная в 1860-х гг., она была одной из нескольких частных академий, которые привлекали студентов со всего мира, в том числе значительное число художников из Северной Европы. В Париже он посетил наиболее интернациональный из двух «официальных» салонов, а именно Салон независимых, где увидел три картины П. Сезанна и мемориальную экспозицию работ А. де Тулуз-Лотрека, но особо отметил работы М. Дени и А. Руссо. Вероятно, он также посетил известные коммерческие галереи Дюран-Рюэля, Берты Вейль, Бернхейм-Жен, а также Люксембургский музей, в котором уже к 1899 г. были представлены работы Ж. Бастьен-Лепажа, П. Пюви де Шаванна и Ж.-Ш. Казена, которые имели гораздо большее значение для норвежских художников 1880-1890-х гг., чем импрессионисты или постимпрессионисты.

Одним из факторов, повлиявших на его решение отправиться в Париж через Германию в 1901 г., было желание изучать немецкое искусство в целом и в частности творчество А. Бёклина. Уже знакомый с его работами по репродукциям и письмам Обера⁹, он впервые столкнулся с Бёклином в Гамбургском Кунстхалле, а затем искал его работы в Берлине, Дрездене и Мюнхене. Среди других немецких художников, которые привлекли его внимание, были М. Клиндер, Ф. фон

⁸ Национальная галерея Осло была основана в 1836 г. и переехала в специально построенную галерею в 1882 г. После перестройки в 2003 г. она стала частью Национального музея искусства, архитектуры и дизайна. Первоначально в Национальной галерее была собрана коллекция норвежского искусства, к 1890 г. была приобретена картина К. Моне, первая работа П. Гогена появилась лишь в 1907 г., а Матисса – в 1919 г.

⁹ А. Обер благосклонно отзывался о Бёклине еще в 1885 г., о чем, в частности, упоминает Ложе. См. [11, р. 58].

Штук и Л. Коринт, работы которых были включены в IV Берлинский (зимний) сецессион, а галерея Поля Кассирера, открытая всего двумя годами ранее, как центр авангардного немецкого и французского искусства, демонстрировала работы П.-О. Ренуара, М. Слефогта и М. Либермана.

В Лондоне он посетил не только Национальную галерею и Музей Виктории и Альберта, но и недавно открытую галерею Тейт, где тщательно изучал пейзажи Дж. Констебла, отметив, что «Констебл, возможно, лучший из английских художников, когда все сказано и сделано» [16]. Восторженно он отзывался о У. Тёрнере, как о «великолепном» художнике, у которого «великолепное воображение», но в конце концов объявил, что Тёрнер для него стоит ниже Бёклина. О прерафаэлитях и о членах Нового английского художественного клуба он вынес прохладное суждение: «Новых художников, таких как импрессионисты и прерафаэлиты, я считаю скучными» [16].

В 1911 г. состоялась персональная выставка Аструпа, которая породила у него сомнение по поводу правильности выбранного пути. Он решил «переучиться» своему искусству и отправился в Берлин, где поступил в Академию Артура Левин-Функе. Несмотря на свое разочарование Академией, несколько раз в своих письмах из Берлина он упоминал о пользе посещения Берлинского сецессиона. Очевидный энтузиазм Аструпа по поводу того, что он увидел в Берлине в 1911 г., в высшей степени хорошо понятен благодаря обзору того, что было показано во время его пребывания в этом городе. Галерея П. Кассирера предложила две выставки, на которых был представлен целый ряд художников – от Сезанна и Дега до А. Дерена, Ж. Брака, П. Пикассо и В. Кандинского. Под председательством немецкого художника-импрессиониста М. Либермана на Берлинском сецессионе, который он посетил, были представлены ведущие со-

временные немецкие художники и молодые французские и немецкие «экспрессионисты». Не меньшее значение для творчества Аструпа имели квазивизионерские пейзажи Ф. Ходлера. Решимость быть в курсе современного французского искусства также лежала в основе поездки Аструпа осенью 1916 г. с коллегами-художниками М. Каландом и Н. Кранцем в Стокгольм и Копенгаген, где он мог посетить выставки и изучить влияние Матисса на молодых скандинавских художников.

Помимо поездок в европейские города важным источником информации о новейших художественных течениях для Аструпа были книги и обзоры, которые он мог читать на датском, немецком и шведском. Библиотека Аструпа не сохранилась, но известно, что Ханс Кинк подарил ему немецкоязычный вариант книги Кандинского «О духовном в искусстве» (1911). В одном из писем в 1919 г. он писал: «Я хотел поехать в Мюнхен, чтобы поближе изучить искусство Кандинского и других русских. В настоящий момент русские интересуют меня больше, чем французы – Пикассо и Матисс» [3]. В своих исследованиях Хэугсбё [7, 8] доказывает, что Аструп находился под влиянием Кандинского и его интереса к музыке и цвету, хотя подробный анализ этого влияния никем из исследователей еще не был предпринят.

Аструп также был подписан на «Клинген», периодическое издание, выпускавшееся в Копенгагене в 1917 г. и посвященное «новому искусству» французских, русских, немецких, скандинавских и испанских художников¹⁰. Журнал оказался важным инструментом

¹⁰ См. подробнее в [1, р. 394], где «новое искусство» описывается следующим образом: «Подобно мощной фаланге продвигается «новое искусство»: французы, русские, немцы, скандинавы, поляки, испанцы, художники всех наций, находятся в движении. Искусство стоит у входа в новую, богатую страну изобилия. «Новое искусство» культивирует абсолютное декоративное использование цвета, чистоту формы, безмятежность рисунка, силу глаза и мастерство руки...Случайный, нехудожественный натурализм 80-х годов теперь отмечается нашим искусством».

развития модернизма в Дании и способствовал распространению авангардного искусства в северных странах, публикуя теоретические работы о современных французских художниках, ведущих поэтах-авангардистах, теоретические эссе о Кандинском, Ван Гогге и Сезанне, печатные оригинальные графические работы Пикассо, Х. Гриси, Ж. Брака и М. Шагала, а также эссе о полинезийских и африканских масках и наивном искусстве. У издания были спонсоры по всей Северной Европе, среди которых был и друг Аструпа, сын Кристиана Круга Пер Круг.

В своем письме Аслаксену от 1908 г. Аструп написал: «Я, пожалуй, один из немногих художников в этой стране, кто больше всего связан с местностью и землей, и я поставил свою репутацию на то, чтобы оставаться незатронутым многими художественными движениями». Так же он добавляет, что «мотивы...должны быть более укоренены в земле, тогда они будут менее подверже-

ны негативному влиянию иностранного искусства» [16]. Тем не менее, очевидно, что эти движения повлияли на развитие его искусства, о чем говорят, в первую очередь, его собственные размышления в заметках и письмах.

С самого начала своей карьеры Аструп определил важность невинного и неискушенного взгляда в наблюдении и фиксации истины в природе. Его открытие в рамках Салона независимых в Париже в 1902 г. плоских и наивных картин Руссо и ритмичных и вдохновленных кватроченто работ Дени по-видимому указали Аструпу путь к поиску истины в природе, который лежал за пределами натурализма, частью которого были Круг, Баккер и Вереншёлль. Именно в Париже, перед работами французов, Аструп увидел живописные особенности Западной Норвегии и осознал, как он будет изображать впечатления и образы, которые он помнил с детских лет.

Рис. 4. А. Руссо. «Счастливыи кватрет», 1902.

Х/м, 95x60 см, частная коллекция

Рис. 5. М. Дени. «Большой семейный портрет в голубых и желтых тонах», 1902.

Х/м, 82x94 см, частная коллекция

Картины, написанные Аструпом после его возвращения домой в Йольстер, демонстрируют нарочитую наивность, проявляющуюся, например, в отказе от традиционной воздушной перспективы, как в «Бесплодной горе», которая отличается строго симметричной композицией, не часто встречающейся в творчестве Аструпа. В данном примере не видно расстояния между передним планом и горой на заднем плане, что позволяет возвышающейся массе доминировать в композиции. В «Бесплодной горе», а также в более поздней версии этого мотива использована фронтальная перспектива, которая усиливает прямое и сильное впечатление от природы [11, р. 94]. Отказ от воздушной перспективы и нарочитая наивность в работах Аструпа отдаляют их от натурализма и делают частью его собственного опыта и понимания силы и красоты этого уголка Норвегии. Он настаивал

на том, чтобы его искусство отражало атмосферные характеристики региона, которые, как он заметил, исключали воздушную перспективу и усиливали цвета: «... обычные люди не могли видеть атмосферные тона в Западной Норвегии, они видели прямо сквозь воздух... траву, кусты и обрывы в горах почти так же свежо и резко, как предметы на переднем плане, без разбавленных или искусственных оттенков разных цветов, чтобы создать своего рода атмосферную вибрацию в глазу... У кого-то из Западной Норвегии... было достаточно возможностей наблюдать нетронутый цвет, потому что близость моря делает воздух настолько чистым, что все цвета кажутся нетронутыми, как будто они рядом» [16]. Все эти художественные приемы были как бы легитимизованы в глазах Аструпа представителями французского модернизма.

Рис. 6. Н. Аструп. «Бесплодная гора», 1905-1906.
Х/м, 120x100 см. Художественный музей KODE, Берген

Если такие приемы, как отказ от воздушной перспективы, отдаляют Аструпа от натурализма, то его особое внимание к цвету, напротив, со всем основанием делает его искусство частью натуралистической школы. О том, что цвет для Аструпа всегда играл перво-

степенную роль по отношению к композиции или сюжету, говорят уже его детские рисунки, на некоторых из них он карандашом оставляет себе подсказки по цвету. Аструп обладал исключительной способностью описывать словами мельчайший вариант оттенка: «черный,

слегка оливково-зеленый», «светло-холодный зеленый», «темно-зеленый пестрый», «зеленый мох», а затем переводить его в краску. Эта врожденная чувствительность к цвету развилась во многом благодаря учебе у Баккер в 1899-1901 гг. Богатство и разнообразие

цветов, которые использует Баккер, со всей очевидностью обнаруживается и в ранних пейзажах Аструпа с видами Йольстера, сделанными в 1902 г., и в его более поздних работах, таких как «Ночь в августе, Йольстер» или «У открытой двери».

Рис. 7. Н. Аструп. Рисунки из книги «Детские и юношеские рисунки», возможно 1895–1904.

Бумага, мел. Художественный музей KODE, Берген

*Рис. 8. Г. Бэккер, «Гора в Эйнундфьель», 1897.
Х/м, 80x131 см. Художественный музей KODE, Берген*

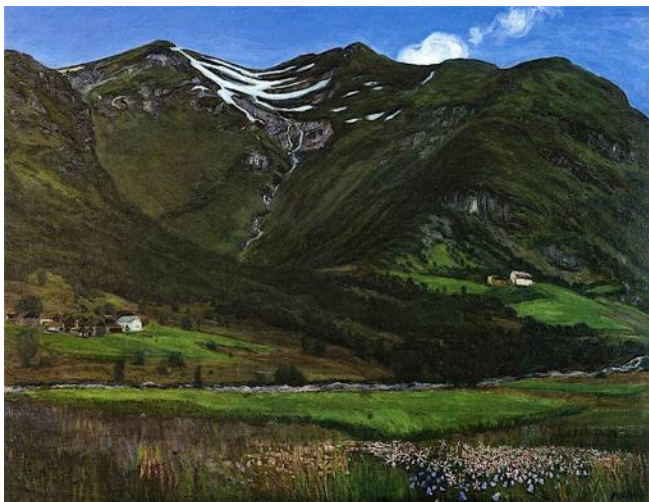

Рис. 9. Н. Аструп, «Ночь в августе, Йольстер», после 1907.
Х/м, 78x102 см. Частная коллекция

Рис. 10. Н. Аструп, «У открытой двери», 1908-1910.
Х/м, 87x110 см. Частная коллекция

Однако в этих примерах Аструп стремится к упрощению за счет использования цветовых блоков, что вновь наводит на мысль о влиянии Руссо, Дени и Гогена, которые отошли от натурализма, упростив формы за счет четких очертаний и плоского, немодулированного цвета. Эта форма ненатурализма, как в картинах «Счастливый квартет» и «Завтрак в Локтуди», находит отклик, например, в картине Аструпа «Весенняя ночь в саду». Вероятно, знакомство с французским искусством укрепило его собственный вывод о взаимосвязи меж-

ду светом и цветом, сделанный после его знакомства с импрессионизмом и неоимпрессионизмом в Париже: «Я хотел противопоставить все эти системы в искусстве...и сохранить только первоначальное восприятие цветов – будь они грязными и тяжелыми или чистыми и пронзительными, какими они казались в атмосфере... Если искусство стремится к прогрессу, не следует растворять, расщеплять или искажать цвет больше, чем это уже сделали последователи импрессионистов» [16].

Рис. 11. Н. Аструп, «Весенняя ночь в саду», 1903.
Х/м, 72,5x98 см. Художественный музей KODE, Берген

Понимание Аструпом примата цвета по отношению к композиции или сюжету очевидно и в его оценке Дж. Констебла. В Лондоне в 1908 г. Аструп усердно разглядывал пейзажи Констебла с особым вниманием к оттенкам зелени, мерцанию белых оттенков, блеску света, серым оттенкам неба и радуги. Также его внимание привлекло использование Констеблом оттенков желтого в работе «Коттедж среди деревьев с отмелью» (1836). Можно для сравнения

привести две работы Аструпа с мотивом двойной радуги, «Маленькая радуга» (1914) и «Большая радуга» (1915-1920), и работу Констебла «Пейзаж с двойной радугой» (1812), где очевидно сходство и в колорите, и сюжете. Вместе с тем, похожий мотив можно обнаружить и в работе Руссо «Озеро Домесниль» и, если колористически обе упомянутые работы Аструпа ближе к Констеблу, то плоский цвет и четкие очертания объектов скорее отсылают к работе Руссо.

Рис. 12. Дж. Констебл, «Коттедж среди деревьев с отмелью», 1836.
Х/м, 17,8х21,9 см. Музей Виктории и Альберта, Лондон

Рис. 13. Дж. Констебл, «Пейзаж с двойной радугой», 1812.
М/б, 33,7х38,4 см. Музей Виктории и Альберта, Лондон

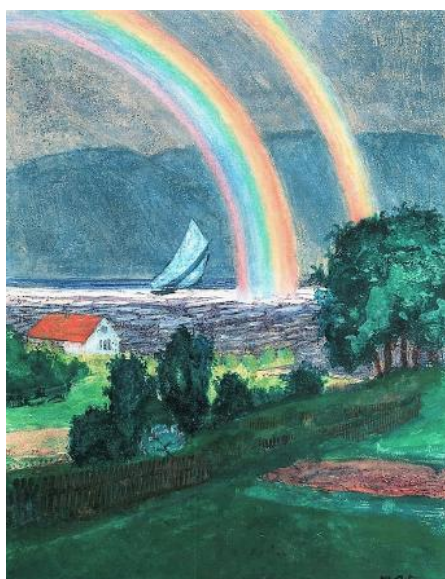

Рис. 14. Н. Аструп, «Маленькая радуга», 1914.
Цветн. гравюра на бум., 38х29,3 см. Художественный музей KODE, Берген

Рис. 15. А. Руссо, «Озеро Домесниль», ок. 1898.
Х/м, 37,5х24,5 см.

В работах Бёклина Аструп наблюдал тщательный подбор цветов для описания деталей в природе, которые затем использовались для создания обобщенных или идеализированных пейзажей, в которых фигуры создавали повествование: «Скачка Смерти – самая великолепная по цвету. Осенний пейзаж, где воюющая и бьющаяся буря скручивает все деревья, небо, покрытое черными тучами, так что свет проскальзывает только через небольшую щель и бросает резкую жуткую вспыш-

ку на дорогу, где смерть скачет на своем черном жеребце, отступающем под защиту дерева, есть несколько домов, и, если бы кто-то просто увидел цвет стены, он мгновенно испытал бы ощущение воюющей осенней бури» [16]. Нет оснований говорить о том, что Аструп заимствовал у Бёклина сюжеты или отдельных персонажей, нет у него и классических вилл у моря или мифического «острова мертвых». В произведениях Бёклина Аструпа интересовал, прежде всего, колорит.

*Рис. 16. А. Бёклин, «Скачка смерти», 1871.
Х/м, 79x136,5 см. Галерея Шака, Мюнхен*

Огромная популярность Бёклина в Скандинавии в тот период сегодня может показаться удивительной. Даже Мунк писал своему другу Йохану Роде: «Неважно, какое полное дерьмо искусство здесь, в Германии, в целом, но у него есть одно преимущество: оно породило отдельных художников, которые намного выше других и при этом так одиноки; например, Бёклин, которого я считаю выше всех остальных; есть также Макс Клингер, Тома, Вагнер, Ницше...» [4, р. 44]. Уважение к Бёклину со стороны норвежских художников можно сравнить с тем, которое в то время почти повсеместно оказывалось П. де Шаванну и Б. Лепажу, которые восхищали

норвежцев, потому что воплощали новые идеи более умеренно и приемлемо.

Еще один художник, который имел большое значение для норвежских художников 1870-1880-х гг. и на которого ссылается Аструп, – Ж.-Ф. Милле. Например, в одном из блокнотов с мотивами он пишет: «Холм. Холм. То, что видно из дома в дождливую осеннюю погоду, – словно далёкая вершина в весенних картинах Милле» [5, р. 33]. Возможно, Аструп здесь описывает мотив из своей недатированной работы «Сад у дома священника» и упоминает картину Милле «Весна». Оба произведения наполнены покоем, а тема сада является центральной, в обеих картинках тропинка уходит из сада на переднем пла-

не вглубь композиции. Однако, если у Милле деревья расположены симметрично, фланкируя композицию, то Аструп поместил их в центр. Кроме того, деревья Аструпа растут в саду, закрывая вид, что контрастирует с открытым пейзажем Милле. У обоих художников присутствует солнце и дождь, на что указывает радуга слева. В «Весне» Милле противоречивость погоды более

очевидна, что выражено четким контрастом между светом и тенью, у Аструпа же контраст не столь явный. Приведенное сравнение в очередной раз демонстрирует, что Аструп никогда напрямую не заимствует сюжет, колорит или общее настроение, но по-своему переосмысливает их и всегда опирается, прежде всего, на собственное ощущение времени и места.

Рис. 17. Н. Аструп, «Сад у дома священника», н/д.

Х/м, 44,7х53 см, частная коллекция

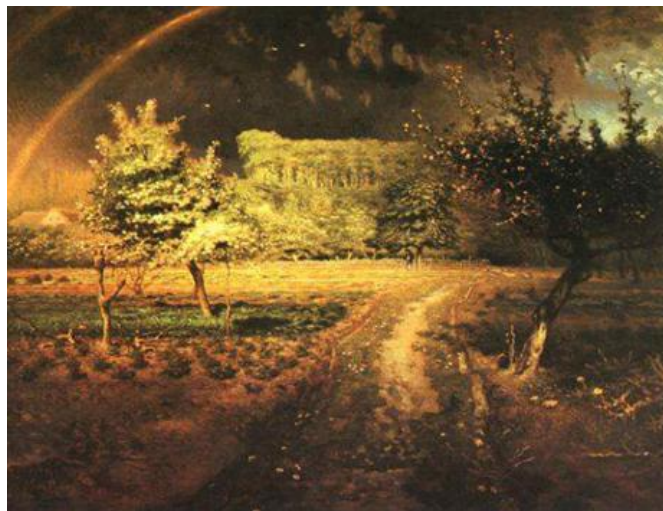

Рис. 18. Ж.-Ф. Милле. «Весна», 1868-1873.

Х/м, 86х111 см, Музей Орсе, Париж

С относительно ранних лет в своих записных книжках Аструп определяет настроение как ключевую характеристику пейзажного мотива, применяя эпитеты «весеннее настроение» или «утреннее настроение», и описывает источник настроения так: «Картина должна содержать больше, чем просто декоративный цвет – она должна изображать человеческие настроения (...), которые люди без натренированного взгляда художника, тоже могут увидеть и почувствовать, гуляя на природе» [16]. В нескольких случаях он описывает доминирующие оттенки в пейзажном мотиве, а в некоторых добавляет к описанию конкретный музыкальный термин: «симфония в серо-зеленом и желтом»

или «симфония в оранжевом, оливково-зеленом и выцветшем зеленом». Использование Аструпом музыкальных терминов наводит на мысль о творчестве художника Дж. Уистлера, названия картин которого не только знакомили с темой через ссылки на цвет, но с 1860-х гг. часто включали музыкальные термины: симфония, ноктюрн, аранжировка, гармония. Аструп видел репродукции работ Уистлера в школе Баккер и изучал их в Париже. Несмотря на то, что в его живописи цветовые гармонии встречаются довольно часто, он никогда не выносил в названия своих работ ссылки на доминирующие цвета или музыкальные формы, как это делал Уистлер.

Рис. 19. Дж. Уистлер. «Аранжировка в сером и чёрном. Мать художника», 1871. Х/м, 144,3x162,4 см. Музей Орсе, Париж

Перед третьей персональной выставкой Аструпа в 1911 г. в его творчестве появляются доминирующие цветовые гармонии. Выставка породила глубокую неуверенность в себе и открыла период длительных поисков и экспериментов: «В этом году я потерял ориентацию, каждый раз, когда я уезжаю и что-то вижу, я становлюсь таким неуверенным... Человек хочет прогрессировать в своем искусстве, но у него не сразу хватает сил для нового, и он почти чувствует отвращение к старому...» [11, р. 200]. С целью переосмыслить собственное творчество он отправляется в Берлин, после посещения которого композиции становятся более узорчатыми, перспектива более сложной, а цвет – более тонким и резким. Он наносит краску либо так тонко, что она стано-

вится похожей на вуаль, очерченную линией, либо густо и почти скульптурно (рис. 20, 21). Можно утверждать, что эти разработки были лишь логическим развитием подхода Аструпа к цветовому и пространственному решению в его работах до 1911 г. Однако невозможно игнорировать работы таких современников Аструпа, как Вереншёлль, Т. Эриксен, Пер Крог, которые использовали искусство французских постимпрессионистов Сезанна и Ван Гога, Матисса и фовистов, чтобы совершить свои собственные эксперименты за пределами натурализма. Имеет место также и влияние ярких цветовых экспериментов Коринта и Слефогта, а также работы Кандинского, которые он видел в Берлине в 1911 г.

Рис. 20. Н. Аструп, «Белая лошадь весной», 1914-1915.

Х/м, 900x105. Национальный музей искусства, архитектуры и дизайна, Осло

Рис. 21. Н. Аструп, «Интерьерный натюрморт. Гостиная в Сандалстранде», 1926 г.

Х/м, 81,9x100,4 см. Владелец не известен

С 1870-х гг. в Англии, Франции и других европейских странах стали распространяться предметы японского искусства, ставшие в последующие десятилетия неотъемлемой частью европейских музейных и частных коллекций, источником вдохновения для европейских художников и предметом анализа специалистов. Большой выбор предметов японского искусства демонстрировался в европейских столицах. В качестве места экспонирования и продаж наибольшей известностью пользовалась галерея Зигфрида Бинга в Париже. Влияние японского искусства быстро распространилось и на искусство и дизайн в Скандинавии, где центральной фигурой в его популяризации стал датский художник и историк искусства Карл Мадсен, друживший с Бингом и другими знатоками Японии. Уже в 1882 г. он познакомил датских читателей с японским искусством, публикуя статьи в журналах, в 1885 г. опубликовал книгу «Японская живопись» (датск. «*Japansk malerkunst*»), а в 1889 г. представил часть коллекции Бинга в Копенгагене [14]. Усилия Мадсена по продвижению в Скандинавии искусства Японии имели решающее значение и для норвежских художников. Норвежский искусствовед и

первый директор Национальной галереи Енс Тис отмечал, что Мадсен был первым в Скандинавии, кто обратил внимание на декоративную ценность японского искусства [17]. В колонии датских художников в Скагене Мадсен познакомился с норвежцами Кристианом и Одой Круг, Петерссеном и Тауловым, которые впоследствии способствовали распространению увлечения японским искусством в Норвегии. В художественной среде Норвегии, Финляндии, Швеции и Дании интерес к изображению природы и так был велик, а встреча с японскими мотивами, техниками и принципами композиционного построения открыла новые способы изображения различных аспектов природы, что доказывают примеры из творчества К. Ларссона, Мунка, Киттельсена, В. Хаммерсхёя, Т. Холмбо, П. Халонена, А. Галлен-Каллелы, Мюнте и других. Одни художники, такие как Аструп или Мунк, ограничились экспериментами с техникой гравюры на дереве, другие, например, Т. Холмбо – использовали гораздо более широкий спектр вдохновляющего материала, в том числе японскую живопись.

Мадсен в своей книге подробно описывает все разнообразие доступного для изучения японского искусства в му-

зях и галереях Парижа и Лондона: «В Европе есть широкие возможности познакомиться с японским искусством. В крупных частных коллекциях Парижа существуют превосходные образцы лучшей японской живописи...» [13, р. 9]. Он также ссылается на частные коллекции, которые были приобретены Британским музеем и Музеем художественных ремесел Берлина в начале 1880-х гг. В Кристиании также была возможность увидеть японское искусство. Первая выставка японских гравюр и акварелей состоялась в 1897 г., но их изучение стало возможным гораздо раньше. Некоторые музеи, в том числе Этнографический музей в Кристиании, имели в своих коллекциях японские предметы, а в библиотеках находилась соответствующая литература, например, книги с репродукциями К. Хокусая.

Вереншёлль, которым Аструп восхищался всю жизнь, также испытал влияние японского искусства, хотя его творчество как правило не ассоциируется с Японией, несмотря на декоративный поворот, который произошел в его визуальном языке в 1890-х гг. К. Крог упоминает слова Вереншёлля, сказан-

ные перед работами Ван Гога в Париже: «Здесь вы можете увидеть хороший пример того, что натурализм можно развивать в направлении декоративности... Ван Гог использует природу только для вдохновения в декоративном направлении... В этих картинах наше время наконец-то нашло свое, свойственное ему стилевое выражение... Это новое выражение стиля, новый язык. Реалистичная природа в декоративном виде, как ковер. Люди, которые помогли нам сделать это, — японцы» [7, р. 50].

Однако, нет никаких убедительных доказательств того, что Аструп увлекался японским искусством, вдохновившись Вереншёллем. Во время своего пребывания в Париже в 1902 г., а потом и в Лондоне в 1908 г., он исследовал гравюры Хокусая и У. Хиросигэ и делал с них копии, оставляя себе многочисленные пометки по цвету. Наиболее отчетливо влияние японского искусства обнаруживается в серии его работ с мотивом «Птица на камне». Это и вертикальная композиция, и даже вертикально расположенная подпись, имитирующая японские буквы и штампы на гравюрах укиё-э.

Рис. 22. Н. Аструп, «Большая волна», м/у 1902 и 1908. Каранд./бум., Художественный музей KODE, Берген

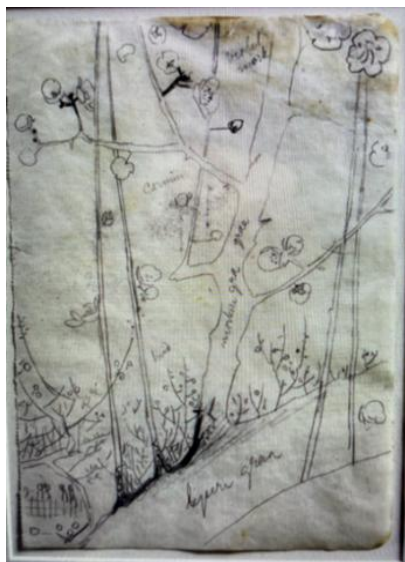

Рис. 23. Н. Аструп, «Рисунки сливового сада Хиросигэ», н/д. Бум./карандаш, 23x16,5 см. Музей Аструптунет

Рис. 24. Н. Аструп, «Птица на камне», до 1908-1914. Цветн. ксилография, Художественный музей KODE, Берген

Заключение

Из приведенных примеров очевидно, что международные источники вдохновения отбирались Аструпом с большой степенью разборчивости и действительно предоставили художественные решения, особенно на критических этапах эволюции его искусства. При этом, в нем никогда нет прямого заимствования, визуальный язык Аструпа всегда оставался неизменно индивидуальным, основанным на личных воспоминаниях и детских впечатлениях, на внимательном изучении природы и на отношении с конкретным местом.

В своих дневниковых записях Аструп написал: «Мне хотелось умыться в сырых красках Западной Норвегии, чтобы очистить себя от всего, что я, воз-

можно, впитал из чужого искусства, чтобы убежать от всех влияний и прийти к своему собственному стилю...» [16]. Эти слова можно трактовать как то, что взаимосвязь между собственным искусством Аструпа и искусством других, предшественников и современников, подразумевает преднамеренное игнорирование значимости последнего для эволюции его собственного стиля. Но его постоянная рефлексия по поводу собственного творчества, а также многочисленные размышления об искусстве в целом показывают, что существовал более тонкий диалог между личным и «другим». В некотором смысле стиль Аструпа, его художественный язык, стал результатом этого сложного диалога.

Список источников и литературы

1. Berg H. A Cultural History of the Avant-Garde in the Nordic Countries 1900-1925. Rodopi, 2012. – 680 p.
2. Berg K. 1880-tal I nordisk måleri. Nationalmuseum, Stockholm / kat. of exhib., 25 oktober 1985 – 6 januar. Kobenhaven, 1986. – 351 p.
3. Carey F., Dejardin I., Stevens M. Painting Norway: Nikolai Astrup 1880-1928. Scala Arts Publishers Inc. London, 2016. – 224 p.
4. *Dreams of Summer Night. Scandinavian Painting at the Turn of the Century.* Arts Council of Great Britain. London, 1986. – 328 p.
5. Haugsbø T. Med samtida som ståstad. Ei aktualiserande lesing av Nikolai Astrup sin produksjon. Unpublished master thesis. Bergen: Universitetet i Bergen, 2010. – 152 s. Bergen Open Research Archive [электронный ресурс]. URL: <https://bora.uib.no/bora-xmloi/handle/1956/4072> (дата обращения: 25.12.2023).
6. Haugsbø T. Fortida gjennom notida. Nikolai Astrups kunst i nye perspektiv. Avhandling for graden ph.d., Universitetet i Bergen, 2015. – 283 p.
7. Krohg C. Kampen for tilværelsen. Oslo: Gyldendal, 1954. – 804 p.
8. Laurin C., Hannover E., Thiis J. Scandinavian Art Illustrated, New York: American-Scandinavian Foundation 1922. – 662 p.
9. Libæk I., Stenersen Ø. History of Norway. From the Ice Age to the Oil Age. Grondahl & Son Forlag. Oslo, 1992. – 184 p.
10. Loge Ø. Gartneren under regnbuen: Hjemstavnskunstneren Nikolai Astrup / Av Øystein Loge. Dreyer, Oslo, 1986. – 325 p.
11. Loge Ø. Nikolai Astrup: Betrothed to Nature. Det Norske Samlaget, 2010. – 262 p.
12. Loge Ø. Nikolai Astrup – Tilhoerighet og identitet, Tønsberg, Vestfold, 2005. – 175 p.
13. Madsen K. Japansk malerkunst. København: Philipsen, 1885. – 155 p.
14. Madsen K. Japanske billeder udstillede i Kunstforeningen. København: J. Jørgensen & Co, 1889. – 29 p.
15. Mathiesen I. M. Astruptunet i Jølster. Nikolai Astrups gårdshage på Sandalstrand. Fortid møter fremtid. Hagehistorie. Stor-Elvdal: Arkadia Landskap, 2016. – 40 p.
16. *Online Catalogue Raisonné*, Oslo/Bergen: The Savings Bank Foundation DNB and KODE Art Museums and Composer Homes 2020–2022: [электронный ресурс]. URL: <https://nikolai-astrup.no/en/archive> (дата обращения: 26.12.2023).

17. *Thiis J.* Samlede avhandling om nordisk kunst. Kristiania og København: Gyldendal, 1920. – 238s.

18. *Valdez S.* «Changing Atmospheres. An Interdisciplinary, Ecocritical Reading of Nikolai Astrup's Understanding of Nature». Unpublished thesis. Master. Oslo: Universitetet i Oslo, 2020. – 87 p.

Батанова Амина Фаридовна – независимый исследователь, историк искусства (Москва, Россия), norsewindart@gmail.com

INTERPRETATION OF THE ART OF THE NORWEGIAN PAINTER NIKOLAI ASTRUP (1880-1928) IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL ART MOVEMENTS

A. F. Batanova

The article examines the set of characteristics of the art of the Norwegian artist Nikolai Astrup, which allows us to trace the influence of modern trends in European and, more broadly, international art on the formation of his individual visual language. International sources were selected by Astrup with great meticulousness and provided solutions at the critical stages in the evolution of his art. At the same time, there are no direct borrowings in it; his visual language has always remained invariably individual, based on personal memories and childhood impressions, on a careful study of nature and on the relationship with his native place.

Keywords: Scandinavian art, Norwegian painting, Nikolai Astrup, Scandinavian modernism.

References

1. *Berg H.* A Cultural History of the Avant-Garde in the Nordic Countries 1900-1925. Rodopi, 2012. – 680 p.
2. *Berg K.* 1880-tal I nordisk måleri. Nationalmuseum, Stockholm / kat. of exhib., 25 oktober 1985 – 6 januar. Kobenhaven, 1986. – 351 p.
3. *Carey F., Dejardin I., Stevens M.* Painting Norway: Nikolai Astrup 1880-1928. Scala Arts Publishers Inc. London, 2016. – 224 p.
4. Dreams of Summer Night. Scandinavian Painting at the Turn of the Century. Arts Council of Great Britain. London, 1986. – 328 p.
5. *Haugsbø T.* Med samtida som ståstad. Ei aktualiserande lesing av Nikolai Astrup sin produksjon. Unpublished master thesis. Bergen: Universitetet i Bergen, 2010. – 152 s. Bergen Open Research Archive [electronic resource]. URL: <https://bora.uib.no/bora-xmlui/handle/1956/4072> (last request: 25.12.2023).
6. *Haugsbø T.* Fortida gjennom notida. Nikolai Astrups kunst i nye perspektiv. Avhandling for graden ph.d., Universitetet I Bergen, 2015. – 283 p.
7. *Krohg C.* Kampen for tilværelsen. Oslo: Gyldendal, 1954. – 804 p.
8. *Laurin C., Hannover E., Thiis J.* Scandinavian Art Illustrated, New York: American-Scandinavian Foundation 1922. – 662 p.
9. *Libæk I., Stenersen Ø.* History of Norway. From the Ice Age to the Oil Age. Grondahl & Son Forlag. Oslo, 1992. – 184 p.
10. *Loge Ø.* Gartneren under regnbuen: Hjemstavnskunstneren Nikolai Astrup / Av Øystein Loge. Dreyer, Oslo, 1986. – 325 p.
11. *Loge Ø.* Nikolai Astrup: Betrothed to Nature. Det Norske Samlaget, 2010. – 262 p.
12. *Loge Ø.* Nikolai Astrup – Tilhoerighet og identitet, Tønsberg, Vestfold, 2005. – 175 p.
13. *Madsen K.* Japansk malerkunst. København: Philipsen, 1885. – 155 p.
14. *Madsen K.* Japanske billeder udstillede i Kunstforeningen. København: J. Jørgensen & Co, 1889. – 29 p.

15. *Mathiesen I. M.* Astruptunet i Jølster. Nikolai Astrups gårdshage på Sandalstrand. Fortid møter fremtid. Hagehistorie. Stor-Elvdal: Arkadia Landskap, 2016. – 40 p.

16. Online Catalogue Raisonné, Oslo/Bergen: The Savings Bank Foundation DNB and KODE Art Museums and Composer Homes 2020–2022: [electronic resource]. URL: <https://nikolai-astrup.no/en/archive> (last request: 26.12.2023).

17. *Thiis J.* Samlede avhandlinger om nordisk kunst. Kristiania og København: Gyldendal, 1920. – 238 s.

18. *Valdez S.* «Changing Atmospheres. An Interdisciplinary, Ecocritical Reading of Nikolai Astrup's Understanding of Nature». Unpublished thesis. Master. Oslo: Universitetet i Oslo, 2020. – 87 p.

Batanova Amina Faridovna – independent researcher, art historian (Moscow, Russia), norsewindart@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 22.01.2024; принята к публикации: 08.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Батанова А. Ф. Интерпретация творчества норвежского художника Николая Аструпа (1880-1928) в контексте международных течений в искусстве // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 104-124.

FOR CITATION:

Batanova A. F. Interpretatsiya tvorchestva norvezhskogo khudozhnika Nikolaya Astrupa (1880-1928) v kontekste mezhdunarodnykh techeniy v iskusstve [Interpretation of the art of the Norwegian painter Nikolai Astrup (1880-1928) in the context of international art movements] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. №1(7). P. 104-124.

ВЫБОРГ-ХЕЛЬСИНКИ-КАУНАС: СУДЬБА ШВЕДОЯЗЫЧНОГО ФИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ-МОДЕРНИСТА ГЕНРИ ПАРЛАНДА (1908-1930) И ЕГО СЕМЬИ В XX ВЕКЕ

Е. А. Дорофеева

В статье рассматривается жизнь и творчество яркого представителя финляндского модернизма Генри Парланда (1908-1930), судьба которого была связана с Выборгом, Хельсинки и Каунасом. Стихотворения, неоконченный роман «Вдребезги», критические статьи, эссе и письма стали важным документом своего времени, отражением новейших течений модернизма и катаклизмов эпохи. Международная известность пришла к роману «Вдребезги» только в начале 2000-х годов, когда писатель был признан одним из важнейших авторов шведоязычной литературы Финляндии XX века. В статье даются краткие сведения и о других представителях рода Парландов, деятельность которых оставила значимый след в истории Петербурга и Выборга.

Ключевые слова: финляндский модернизм, шведоязычная литература Финляндии, Генри Парланд, Герман Парланд.

Генри Парланд (Henry Parland, 1908-1930) — яркий представитель финляндского модернизма. Он прожил всего двадцать два года, и, по словам исследователя финской литературы Э. Г. Карху, «написал сравнительно немного, талант его не успел в полной мере созреть и раскрыться, и все же его наследие составляет одну из вех в истории финского модернизма» [3, с.356].

Парланд родился в «космополитичной» семье в Выборге, бывшем тогда частью Великого княжества Финляндского: у отца были немецкие и шотландские корни, мать была из прибалтийских немцев. Он жил в Выборге, в Хельсинки и в Каунасе, где и умер, скоропостижно скончавшись от скарлатины. Его родными языками были немецкий и русский, также владел английским, но писал на шведском языке, который начал учить только в четырнадцать лет в Выборгской гимназии. Парланду приписывают такие слова: «Я – родившийся в России англичанин, для которого родным является немецкий язык, который ходил в шведскую школу и который является гражданином Финляндии» [2].

Несмотря на столь короткую жизнь, Генри Парланд успел оставить значи-

тельный след в литературе — издал сборник стихотворений, высоко оцененный современниками, написал десятки рассказов, опубликовал многочисленные статьи и критические эссе и создал прославивший его роман «Вдребезги», во многом предвосхитивший эстетику «нового романа», сложившегося в конце 1940-х — начале 1960-х годов во Франции. Вот что писал его современник, один из ведущих авторов шведоязычного финского модернизма Гуннар Бьёрлинг (Gunnar Björling, 1887-1960): «Генри Парланд ворвался с новым низвержением авторитетов и хлесткой иронией и в течение своей короткой жизни щедро дарил вдохновения и незабываемые примеры для подражания. Свеча зажглась в прибежище всеобщего отупения!»

Родословная Генри Парланда крайне примечательна, род Парландов оставил значимый след в истории Петербурга. Первым обосновался в России Джон Парланд (John Parland, 1758–1842), он приехал из Англии в конце XVIII в., поступил на службу при императорском дворе и был назначен Екатериной Великой камердинером при комнатах любимого внука, Александра I, а также обучал великих князей Алек-

сандра Павловича и Константина Павловича английскому языку.

Внук Джона Парланда — Альфред Парланд (Edward Alfred Parland, 1842–1919) был известным архитектором, академиком, профессором, соавтором проекта храма Спаса-на-Крови и в 1883–1907 гг. руководил строительством. Генри Парланду он приходился двоюродным дедом. В 2019 году Государственный музей «Исаакиевского собора» в рамках «Года Парланда» (к 100-летию со дня смерти выдающегося архитектора) выпустил в свет каталог первой большой монографической межмузейной выставки «Парланд впервые» [4], прошедшей в залах Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств, с которой была связана творческая и преподавательская деятельность архитектора. А. Парланд скончался в Петрограде от истощения и воспаления лёгких и был погребён на Смоленском лютеранском кладбище.

Отец Генри, Освальд Парланд (Oswald Frank Parland, 1876–1956) вырос в большой семье, у него было семь сестер и братьев (одна из сестер стала женой ученого М. Д. Семёнова-Тянь-Шанского¹), окончил с золотой медалью известную гимназию Карла Мая в Петербурге, стал инженером путей сообщения.² Его жена, прибалтийская немка Мария Сеземан (Maria Sesemann, 1878–1942), тоже выросла в Петербурге и училась в той же гимназии. Ее брат Вильгельм (в русской традиции Василий, Vasilij Sesemann, 1884–1963), впоследствии стал известным философом, многие годы преподавал в университете города Каунаса. В семье Освальда и Марии было четверо сыновей, Генри — старший, затем родились Оскар, Ральф и Герман. Отец занимался строительством мостов и дорог; семья какое-то вре-

мя жила в Петербурге и Киеве, а потом переехала под Выборг в местечко Тиккала. К сожалению, дом не сохранился, в настоящее время на этой территории располагается садовое товарищество «Медик».

В Выборге, население которого в начале XIX века составляло всего три тысячи жителей, в ходу были четыре языка: финским языком владело 44% жителей, русским — 29%, шведским — 14%, немецким — 13%. Многие жители Выборга свободно говорили на всех четырех языках. В городе даже существовал особый диалект — виборска, основанный на смешении четырех основных виборгских языков. «Языковая путаница была сильнейшая. Русские, немецкие, финские, шведские и татары говорили друг с другом, все — бегло и неправильно, но они все равно непостижимо хорошо понимали друг друга...» — писал в те годы архитектор Выборгской губернии тех лет Жак Аренберг [9].

После революции, когда Финляндия получила независимость, Парланды, несколько десятков лет прожившие в России, владевшие русским языком как родным, любившие русскую литературу, были вынуждены переехать в Хельсинки, и поселились в местечке Граннкуля. Впрочем, как минимум десятилетие граница не была полностью закрыта, и связи с Россией не обрывались окончательно. Это позволяло сохранять культурные контакты. В семье поддерживалась традиция чтения вслух. Литература была не просто досугом, а неотъемлемой и важной частью повседневной жизни. Сыновья унаследовали любовь к литературе и чувство слова: все они, так или иначе, отдали дань писательству.

Первое время Парланды чувствовали себя изгоями, их воспринимали как русских эмигрантов и относились настороженно. Генри сначала пытался учиться в финской школе, но не смог там прижиться, и тогда его перевели в шведскую гимназию. Там он и начал в

¹ Дочь М. Д. Семёнова-Тянь-Шанского, Анастасия Михайловна, о многих деталях биографии членов семейства Парландов написала в своей книге «Записки о пережитом» [10].

² Его подробная биография изложена на странице гимназии [1].

возрасте четырнадцати лет изучать шведский язык, а уже в старших классах стал писать на нем стихи и прозу. Генри был разносторонне развитым мальчиком, любимцем в семье. Помимо

литературы, причем не только немецкой и русской, но и французской, шведской, финской, увлекался естествознанием, фотографией, автомобильным делом.

Рис. 1 Генри Парланд 1920-е гг.

В 1927 году Генри Парланд по настоянию родителей поступает на юридический факультет университета Хельсинки. «Я изучаю юриспруденцию. Не могу сказать, чтобы предмет интересовал меня. Впрочем, и любой другой предмет также. Я изучаю юриспруденцию, потому что это позволит мне найти впоследствии хорошую работу и потому что человек должен иметь красивую этикетку, чтобы его уважали окружающие» [7, с.171], — это признание героя одного из рассказов Парланда полностью соответствует позиции самого автора.

Осенью того же 1927 года он знакомится с известными финско-шведскими поэтами-модернистами Гуннаром Бьёрлингом, Элмером Диктониусом и Раббе Энкелем, которые очень быстро призна-

ли в новичке исключительный поэтический дар. «Почитатель Диктониуса, скромный, уверенный, скорее ироничный, чем пафосный, и уж ни коем образом не красногвардеец — образованный человек, прекрасный юноша» - писал о Парланде Бьёрлинг [7, с.172].

Генри Парланда не особенно интересовали политические потрясения, гораздо больше он увлекался новейшими течениями модернизма, тем, как отражаются в них катаклизмы времени — немецким экспрессионизмом, дадаизмом, русским футуризмом. В его личной библиотеке были издания Владимира Маяковского, Ильи Эренбурга, Анны Ахматовой. Генри Парланд активно участвовал в издании литературного

альманаха модернистов «Quosego»³, печатал там свои стихи и статьи. В одной из ранних статей, «Бунт вещей», он размышлял над одной из основных проблем современного общества — противостоянии человека и мира вещей. При этом Парланд превозносил возможности техники, прогресса, а динамизм и энергетика материального мира противопоставлял вялости и «изношенности» мира человеческих эмоций и чувств. Однако юноша был чужд экстремизма ниспровергателей прошлого, он стремился к объективности, чутко ощущал и умел ценить реальность настоящего, стиль эпохи.

В статье 1929 года «Современная поэзия под углом зрения формалистов» [11] Парланд стремился связать развитие финского модернизма с художественными и теоретическими достижениями русского формализма, во многом опираясь на положения, разработанные советской формалистической школой, прежде всего В. Шкловским и В. Жирмунским. Он пишет о том, что люди привыкли к окружающим их вещам и перестали замечать их, а поэзия может вернуть живое восприятие жизни. Только поэзия может вырвать вещь из повседневных взаимосвязей и показать ее в новом ракурсе. Это чувство новизны и непосредственности и вызывает в нашем сознании поэтическое переживание.

Генри следовал этим принципам и в собственной поэзии. В 1929 г. вышел его единственный прижизненный сборник стихотворений «Достижение идеала» [12]. Литературно-критические статьи Парланда публиковались в крупнейшей шведоязычной газете Финляндии «Хювудстадсбладет» (Hufvudstadsbladet). Однако, всерьез увлекшись не только творчеством, но жизнью столичной богемы, юноша забросил учебу в универси-

тете, залез в долги. Родители глубоко переживали происходящее со старшим сыном и то, какой пример он показывал младшим братьям, и приняли решение отправить его в Литву, где в Каунасе, тогда столичном городе, преподавал в университете брат Марии Парланд, философ Василий Сеземан. Он взял шефство над молодым юношей. Для Генри нашлась должность в шведском консульстве, он завел знакомства с местными деятелями культуры, литераторами.

Каунас был в те годы маленьким городком, только-только начинавшим превращаться в столицу независимого Литовского государства. Поначалу молодой поэт чувствовал себя чужаком, но потом оказался в кругу русскоязычной интеллигенции, и с радостью впитывал все новые течения, интересовался событиями в культурной жизни. Большое влияние на интерес Парланда к России оказало его знакомство и последовавший за ним роман с Верой Сотниковой – представительницей русско-еврейской богемы Каунаса, эксперта по еврейскому театру Литвы тех лет.

Парланд написал множество статей просветительского характера о русской и финской культуре, также о театре и кинематографе, в основном на немецком языке, но довольно быстро освоил и литовский. Он знакомил западных читателей с Маяковским, Есениным, Вахтанговым. Печатал и свои собственные стихотворения на русском языке в эмигрантских газетах. Осенью 1929 года Генри Парланд начал писать роман «Вдребезги» (Sönder), который так и остался неоконченным.

В основе сюжета – реальное событие, смерть близкой подруги Парланда. Лирический герой пытается возродить в памяти образ возлюбленной - Ами, и обращается к ее фотографиям. Процесс воспоминания сравнивается с процессом проявки фотоснимков. Роман даже имеет необычный подзаголовок – О проявлении фотобумаги «Велокс». Однако возвращение в прошлое, с его мельчайшими дета-

³ «Quosego – Tidskrift för Ny Generation» - финский литературный журнал, выходивший на шведском языке с 1928 по 1929 год в издательстве Söderström. Наряду с «Ultra», он считается самым значительным альманахом финско-шведского модернизма, хотя вышли в свет всего четыре выпуска [15].

лями и приметами времени, почти с фотографической документальностью запечатлевшее жизнь богемы в Хельсинки в 1920-е, так и не помогают автору понять, в чем причина их взаимной неспособно-

сти по-настоящему любить, почему их роман так и остался скучной привязанностью, основанной на стремлении к самоутверждению.

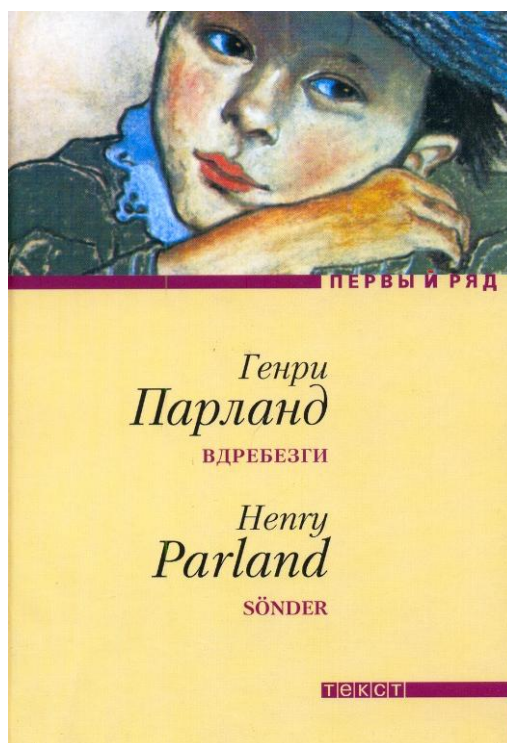

Рис. 2 Роман Г. Парланда «Вдребезги»

Образ скучающего молодого человека, прожигателя жизни, напоминал самого Генри Парланда в годы его учебы в Хельсинки. «Можно сказать, это любовный роман о неспособности любить, и больше — о неспособности понять другого человека, но при этом страстном желании близости и взаимопонимания» - писала переводчица романа О. Мязотс [6].

Очень интересна дальнейшая судьба этого произведения. Впервые роман «Вдребезги» был опубликован лишь в 1987 году в Стокгольме. Он был подготовлен к изданию отцом писателя Оскаром Парландом многими годами ранее, а вышел под редакцией Раббе Энкеля и Гуннара Бьёрлинга, которые внесли определенную стилистическую правку в текст и изменили композиционный строй, сделав композицию линейной. Финский перевод романа впервые был опубликован в 1995 году, за

ним последовали переводы на основные европейские языки, диссертации, исследования.

В последующие шведские издания вносилось много изменений, наиболее авторитетными считаются издания 2005 и 2014 гг. под редакцией шведского исследователя Пера Стама, который в 1998 году защитил диссертацию «Генри Парланд и проект романа «Вдребезги» [14]. Он постарался максимально приблизить композицию и стиль романа к оригиналу. Именно с издания под редакцией П. Стама был сделан и русский перевод, вышедший в 2007 году в издательстве «Текст» в серии «Первый ряд». В книгу вошли и двадцать маленьких стихотворений Генри Парланда, написанных на русском языке. Интересно, что немецкий перевод, вышедший также в 2007 году, попал в престижный рейтинг лучших книг года Германии, который составляют ведущие немецкие ли-

тературные критики, и занял в нем пятое место. Так, спустя многие десятилетия, роман «Вдребезги» получил известность, а его автор был признан одним из важнейших авторов шведоязычной литературы Финляндии XX века.

Судьба самого Генри Парланда завершилась трагически. В ноябре 1930 года юноша заболел скарлатиной и скоропостижно скончался. Получив страшное известие о смерти сына Генри, его мать, Мария Сеземан, сошла с ума. До самой смерти она лежала в психиатрической клинике и так и не пришла в себя: говорила только по-французски и принимала родных детей за посторонних. Могила Генри Парланда, к сожалению, не сохранилась, кладбище в Каунасе в 1960-м году по неизвестным причинам сровняли с землей.

Три младших брата Генри Парланда почти все были людьми творческими. Оскар (1912–1997) – врач-психиатр, а был также известен как шведоязычный писатель и переводчик. Уже выйдя на пенсию, именно он вместе с женой разобрал архив старшего брата, привел в порядок письма, перевел многие из них с русского языка на шведский и подготовил к публикации. Ральф (1914–1995) был также писателем и переводчиком, работал на радио, с 1948 года жил в Швеции.

Младший брат – Герман Парланд (1917-2019) – прожил долгую жизнь. Преподавал структурную механику в Технологическом университете Тампере, был профессором, талантливым математиком, специалистом по междисциплинарным взаимодействиям, сторонником внедрения математических методов в различные научные теории и отрасли.

На протяжении всей своей жизни Герман Парланд не переставал интересоваться судьбой родного города Выборга и его историей. В 1979 году на научном семинаре в г. Эспоо он выступил с докладом на тему «Графические документы Выборгского замка и его окрестностей» и показал старейшее изображе-

ние замка на карте 1542 г. Профессору Парланду удалось установить контакты с советскими учеными: в частности, с известным историком И. П. Шаскольским (1918-1995). В своем письме Г. Парланду от 30 марта 1982 года И. П. Шаскольский писал: «... было бы хорошо, если б Вы смогли такой же отклик [доклада] послать в Выборгский музей... Музей собирается готовить экспозицию отдела по истории Выборга, но имеет очень мало экспонатов, музею очень нужны изображения Выборга и замка разных времен» [5].

С этого письма началось плотное сотрудничество Германа Парланда с Выборгским краеведческим музеем. С 1980-х годов он на безвозмездной основе занимался вопросами реставрации Выборгского замка. В 1991–1992 гг. научные консультации профессора Г. Парланда, а также профессионального музейного сообщества Финляндии помогли в деле спасения Райской башни Выборгского замка. Ученый регулярно принимал участие в больших научных мероприятиях музея, оказывал большую исследовательскую и консультативную помощь сотрудникам музея, содействовал созданию выставок «Шведский Выборг» и «Выборг в составе независимой Финляндии». Герман Парланд умер в Хельсинки 12 июня 2019 году на 103-м году жизни.

Вернувшись к наследию Генри Парланда, необходимо отметить, что огромную работу по публикации нового научного аннотированного издания собрания его сочинений провело в 2015-2020 гг. Шведское литературное общество Финляндии (Svenska litteratursällskapet i Finland). Издания публиковались как в бумажном, так и в цифровом формате. В собрание сочинений входят следующие книги: Стихотворения (2018), Проза (2019), Критика (2019), «Корреспонденция» (2020) и «Письма» (2020) [13]. Особенно ценно для исследователей то, что все пять книг находятся в открытом доступе на сайте Шведского литератур-

ного общества и представляют собой ратуру и культуру Финляндии, России, ценнейший источник сведений о литературе Литвы первой трети XX века.

Список источников и литературы

1. *Валиев, М. Т.* Биографическая страничка Освальда Андреевича Парланда / М. Т. Валиев, М. А. Семёнов-Тян-Шанский. // Школа Карла Мая. – URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.shtml?n=2369 (дата обращения: 01.11.2023)
2. Далекая и близкая, легендарная и реальная Куоккала. – URL: <http://морепино.рф/?p=5371> (дата обращения: 05.10.2023)
3. *Карху, Э. Г.* История литературы Финляндии. XX век. / Э. Г. Карху. – Ленинград: Наука, 1990. – 606 с.
4. *Парланд впервые: юбилейная выставка: каталог* / автор текста Н. Ю. Толмачева; авторы аннотаций: Е. В. Догадаева [и др.]. – Санкт-Петербург: Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», 2019. – 80 с.
5. *Мельнов, А. В.* Герман Парланд (17.01.1917–12.06.2019): Инженер, историк, друг музея / А. В. Мельнов. // Виртуальная выставка Выборгского объединенного музея-заповедника «История музея в 60 портретах. Часть 3. 1980-1990-е гг.». – URL: <http://vyborgmuseum.org/istoriya-muzeya-v-60-portretax-3/> (дата обращения: 05.11.2023)
6. *Мяэотс, О.* «Большое видится на расстоянии...» / О. Мяэотс. // Дружба народов. – 2008. – № 6. – С.194–208.
7. *Мяэотс, О.* Возвращенное имя / О. Мяэотс. // Генри Парланд. Вдребезги: Роман; Стихотворения. Пер. со швед. О. Мяэотс. – Москва: Текст, 2007. – С. 167-187.
8. *Подскребаева, Ю.* На каком языке говорили в Выборге до войны / Ю. Подскребаева. // Газета «Выборг», 24.07.2021. – URL: <https://gazetavyborg.ru/news/mestnoe-vremya/na-kakom-yazyke-govorili-v-vyborge-do-voyny/> (дата обращения: 20.10.2023)
9. *Семенова-Тян-Шанская, А. М.* Записки о пережитом / А.М. Семенова-Тян-Шанская. – Санкт-Петербург: Издательство Анатолия, 2013. – 340 с.
10. *Parland H.* Den modernistiska dikten ur formalistisk synpunkt. / H. Parland. // Återsken. Helsingfors: Söderström. 1932, p. 102-110
11. *Parland H.* Idealrealisation. / H. Parland. - Söderström, 1929, 49 p.
12. *Parland H.* Skrifter. / H. Parland. // Svenska litteratursällskapet i Finland 2018-2020. – URL: <https://parland.sls.fi/index.php#showTitle=title> (last request: 02.11.2023)
13. *Stam P.* Krapula: Henry Parland och romanprojektet Sönder. / H. Parland. - Uppsala universitet, 1998, 410 s.
14. *Sundqvist Lisen* (red.) Ultra och Quosego. Faksimilutgåva. / L. Sundqvist. - Atlantis, 2014. 544 p.

Дорофеева Елена Аркадьевна - литературовед, переводчик, специалист по литературе Финляндии, независимый исследователь, выпускающий редактор серии «НордБук» издательства «Городец» (г. Москва, Россия), elenador25@yandex.ru

VYBORG-HELSINKI-KAUNAS: THE FATE OF THE SWEDISH-SPEAKING FINNISH MODERNIST WRITER HENRY PARLAND (1908-1930) AND HIS FAMILY IN THE XX CENTURY

E. A. Dorofeeva

The article is devoted to life and work of a bright representative of Finnish modernism, Henry Parland (1908-1930), whose fate was connected with Vyborg, Helsinki and Kaunas. His poems, the unfinished novel “Vdrebezgi” (“In pieces”) critical articles, essays and letters became important documents of the time, a reflection of the latest trends of modernism and the cataclysms of the era. International fame came to the novel “Vdrebezgi” only in the early 2000s and

the writer was recognized as one of the most important authors of Swedish-speaking literature in Finland of the 20th century. The article provides also brief information about other representatives of the Parland family, whose activities left a significant mark on the history of St. Petersburg and Vyborg.

Keywords: Finnish modernism, Finland-Swedish literature, Swedish-speaking writers in Finland, Henry Parland, Herman Parland.

References

1. Valiev M. T., Semyonov-Tyan-Shanskij M. A. Biograficheskaya stranichka Osvalda Andreevicha Parlanda. [Biographical page of Oswald Andreevich Parland]. Shkola Karla Maya [Karl May School]. – URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2369 (last request: 01.11.2023) (In Russ.)
2. *Dalyokaya i bliskaya, legendarnaya i real'naya Kuokkala* [Far and near, legendary and real Kuokkala]. – URL: <http://morepino.pф/?p=5371> (last request: 05.10.2023) (In Russ.)
3. *Karhu E. G. Istoriya literatury Finlyandii. XX vek.* [History of Finnish literature. XX century]. Leningrad: Nauka. 1990. 606 p. (In Russ.)
4. *Tolmachyova N.Yu., Dogadaeva E. V. Parland v pervye: yubilejnaya vystavka: katalog* [Parland for the first time: anniversary exhibition: catalog]. // Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj muzej-pamyatnik Isaakievskij sobor. 2019. 80 p. (In Russ.)
5. *Mel'nov A. V. German Parland (17.01.1917–12.06.2019): Ingener, istorik, drug museya.* [Herman Parland (01/17/1917–06/12/2019): Engineer, historian, friend of the museum]. Virtual'naya vystavka Vyborgskogo ob`edinyonnogo muzeya-zapovednika "Istoria muzeya v 60 portretah. Chast` 3. 1980-1990-e gg." [Virtual exhibition of the Vyborg United Museum-Reserve "The history of the museum in 60 portraits. Part 3. 1980-1990s."]. – URL: <http://vyborgmuseum.org/istoriya-muzeya-v-60-portretax-3/> (last request: 10.10.2023) (In Russ.)
6. *Myaets O. Bol'shoe viditsya na rasstoyanii...* [Big things are seen from a distance...] *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples]. 2008. № 6. P. 194–208. (In Russ.)
7. *Myaets O. Vosvrashhyonnoje imya* [Return name]. H. Parland. *Vdrebezgi: roman, stihotvoreniya* [H. Parland. To pieces: roman, poetry]. Perevod so shved. O. Myaets. Moscow. Text. 2007. P. 167-187. (In Russ.)
8. *Podskrebaeva Yu. Na kakom yazyke govorili v Vyborge do voiny* [What language was spoken in Vyborg before the war?] *Gazeta Vyborg* [Vyborg newspaper]. 24.07.2021. – URL: <https://gazetavyborg.ru/news/mestnoe-vremya/na-kakom-yazyke-govorili-v-vyborge-do-voyny/> (last request: 20.10.2023) (In Russ.)
9. *Semyonova-Tyan-Shanskaya A. M. Zapiski o perezhytom* [Notes about the past]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Anatolia. 2013. 340 p. (In Russ.)
10. *Parland H. Den modernistiska dikten ur formalistisk synpunkt.* Återsken. Helsingfors: Söderström. 1932. P. 102-110.
11. *Parland H. Idealrealisation.* Söderström, 1929, 49 p.
12. *Parland H. Skrifter. Svenska litteratursällskapet i Finland 2018-2020.* – URL: <https://parland.sls.fi/index.php#showTitle=title> (last request: 12.11.2023)
13. *Stam P. Krapula. Henry Parland och romanprojektet Sönder.* Svenska litteratursällskapet i Finland. Helsingfors, 1998. – URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/2105476?page=5> (last request: 10.11.2023)
14. *Sundqvist L. (red.) Ultra och Quosego. Faksimilutgåva.* Atlantis, 2014. 544 p.

Dorofeeva Elena Arkadjevna – literary critic, translator, specialist in Finnish literature, independent researcher, publishing editor of the NordBook series in Gorodets publishing house (Moscow, Russia), elenador25@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 22.01.2024; принята к публикации: 08.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дорофеева Е. А. Выборг-Хельсинки-Каунас: Судьба шведоязычного финского писателя-модерниста Генри Парланда (1908-1930) и его семьи в XX веке / Е. А. Дорофеева // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 125-133

FOR CITATION:

Dorofeeva E. A. Vyborg-Khel`sinki-Kaunas: Sud'ba shvedoyazychnogo finskogo pisatelya-modernista Genri Parlanda (1908-1930) i ego sem'i v XX veke [Vyborg-Helsinki-Kaunas: The fate of the Swedish-speaking Finnish modernist writer Henry Parland (1908-1930) and his family in the XX century]. // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. №1(7). P. 125-133.

УДК 94

**ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В СТРАНАХ
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ*****В. Е. Романенко***

В статье рассматриваются ключевые вопросы, касающиеся положения мусульманских общин в странах Северной Европы и их влияния на современное общество.

Ключевые слова: мусульмане, Северная Европа, хиджаб, европейское общество.

Количество мусульман, проживающих на территории Северной Европы, с каждым годом увеличивается. Мигранты на протяжении долгого времени сталкиваются с проблемами адаптации и интеграции в европейское общество. На территории данных стран существуют различные организации, созданные для упрощения этих процессов. Тем не менее, мусульманские мигранты продолжают испытывать дискриминацию в различных сферах жизни общества.

Мигранты-мусульмане стали прибывать в страны Северной Европы во второй половине XX века. В основном, люди приезжали в поисках работы. Правительства государств, инфраструктура которых сильно пострадала во время Второй мировой войны, активно использовали новоприбывшую рабочую силу для восстановления своих городов. Мигранты в этот период в основном прибывали из Африки, Азии и Америки. Самой популярной страной для миграции была Швеция ввиду своего мягкого миграционного законодательства и развитой системы социального обеспечения. В 1970-х годах в королевстве была принята программа, способствовавшая облегчению процессов интеграции и адаптации мигрантов в европейское общество.

Миграционные процессы в Дании в этот период были идентичны тем, что происходили в Швеции, однако имели меньший масштаб. В Норвегии иммиграция изначально не имела большой популярности. В 1970-х годах в государстве произошел мощный экономический

рост, что привело к увеличению числа мигрантов. Финляндия до 1980-х годов являлась страной эмиграции. Мигранты стали прибывать в государство только в конце XX века, когда его экономическая ситуация улучшилась.

В 1973 году произошел топливно-энергетический кризис, повлекший за собой ухудшение экономической ситуации в странах Северной Европы. Потребность в рабочей силе отпала, а трудовая миграция сменилась притоком беженцев.

В конце XX – начале XXI века приток мигрантов стал снова увеличиваться. Большое количество новоприбывших все еще направлялось в Швецию, где социал-демократическая партия поощряла дальнейшее развитие иммиграции. В этот период в Швеции, как и в других государствах Северной Европы, моноэтнический состав населения стал размываться.

В 2014 – 2015 годах приток мигрантов резко увеличился и стал неконтролируемым – в странах произошел миграционный кризис. Это было связано с «арабской весной» 2010 – 2011 годов, ростом криминальных организаций и контрабандой людьми. С 2014 по 2015 год в Европу прибыло 900 тысяч мигрантов из Сирии, Африки, Ирака и Ливии. В 2015 году их число увеличилось до 1 миллиона человек.

Большая часть потока беженцев направлялась в страны Северной Европы, которые имели мягкие миграционные законодательства и развитые системы социального обеспечения. Госу-

дарства оказались не способны справиться с процессами такого масштаба и были вынуждены ужесточить свои законодательства [1].

Мусульманские мигранты, прибывающие на территорию стран Северной Европы, постоянно сталкиваются с проблемой адаптации и интеграции в европейское общество. Для облегчения этих процессов в Северной Европе действуют специальные организации и институты. Для иммигрантов организованы языковые курсы, где каждый желающий может выучить язык новой страны. В Швеции и Норвегии действует организация «Исламская помощь», которая предлагает просителям убежища и вновь прибывшим возможность практиковать шведский язык в специальных языковых кафе, предлагает помощь в процессе учебы и трудоустройства. Благотворительные организации и социальные работники также вносят большой вклад в ускорение процесса адаптации мигрантов.

Однако процесс адаптации мусульман сейчас отличается от того, что происходил во второй половине XX века. Разница в том, что в тот период мусульманские мигранты были сами нацелены на интеграцию и осознавали ее необходимость. В настоящее время в Северной Европе существуют уже устоявшиеся мусульманские общины со своими порядками и традициями. Новоприбывшие мигранты-мусульмане, таким образом, не испытывают острой необходимости в ускоренной интеграции и примыкают к своим религиозным общинам. Такие общины чаще всего носят закрытый характер, где старейшинами продвигаются традиции и обычаи ислама [2].

Исламская культура сильно отличается от европейской. Нежелание мусульман интегрироваться только усиливает негативные последствия данного различия и приводит к столкновению двух культур. В мусульманском обществе высоко ценятся традиции и устоявшиеся правила, в то время как европей-

ское общество носит демократически – либеральный характер.

Ислам является религией, в которой установлена дисциплина. Существуют определенные правила, которым должны следовать мусульмане, чтобы прожить свою жизнь правильно и «попасть на небеса». В Европе, в свою очередь, делается акцент на индивидуальности каждого человека и на том, что каждый волен делать то, что считает нужным.

Важным фактором также является институт семьи. Ислам считает семью самым главным источником таких важных понятий, как воспитание, уважение и любовь. Семья в исламе – сложная ячейка, которая включает в себя не только мужа, жену, их родителей и детей, но и дальних родственников. И хотя в Европе институт семьи также занимает важное место, многие люди больше концентрируются на себе как на отдельной личности.

Помимо перечисленных выше факторов, ислам часто воспринимается как враждебная, воинственная религия, хотя его сущность не содержит в себе насилия. В первую очередь, созданию такого образа поспособствовали различные террористические группировки, состоящие, в основном, из мусульман. Например, теракты 2010 и 2017 годов в Стокгольме были совершены именно последователями ислама. Террористические атаки также проходили в Копенгагене в 2015 году и в финском городе Турку в 2017 году. В октябре 2023 года в Брюсселе двое шведских болельщиков были застрелены выходцем из Туниса. Нападавший в записанном заранее видео сообщил, что принадлежит к группировке «Исламское государство» и «мстит за мусульман», убивая шведов. Все эти события активно распространяются СМИ, что придает исламу и мусульманской культуре агрессивный и угрожающий характер. Европейское общество, с другой

стороны, воспринимается как толерантное и открытое ко всему новому [3].

Еще одним важным показателем, указывающим на сильное различие между европейской и мусульманской культурой, является роль женщины в обществе. Мусульманские женщины часто носят религиозные платки: хиджаб, паранджу, чадру, никаб и прочие. Женщина в такой одежде часто воспринимается европейцами как «отставшая» от современного общества.

В СМИ образ мусульманской женщины чаще всего представлен с антирелигиозных и феминистских позиций. Они рассматривают женщину, исповедующую ислам, как жертву своей религии. Мусульманка в СМИ – фигура, подчиненная мужчине и не имеющая права на собственное мнение. Ее полной противоположностью является европейская женщина – современная, независимая и целеустремленная.

Сильное различие во взглядах привело к столкновению двух мировоззрений, что заложило основу взрывоопасной ситуации в Северной Европе. На этом фоне в североевропейских странах стали набирать популярность правые партии, носящие антимусульманский характер и продвигающие ужесточение миграционного законодательства.

Одной из самых известных подобных партий является шведская ультраправая партия «Шведские демократы». Популярность этой партии растет с каждым выборами в шведский парламент – «Риксдаг». В 2014 году «Шведские демократы» набрали 12,7% голосов, а в 2018 – 17,5%. На выборах в 2022 году партия заняла второе место, получив 20,7% голосов избирателей. Повышение интереса граждан к «Шведским демократам» говорит о росте антиисламских настроений в обществе.

В Финляндии действует политическая партия «Истинные финны», которая является крупнейшей оппозиционной партией Финляндии и одной из самых популярных партий в стране. Про-

грамма «Истинных финнов» заключается в ограничении миграционных потоков и «возврату» к более однородной Финляндии. В Норвегии против мусульман выступает «Партия прогресса», которая является противником мультикультурализма, а в Дании – «Датская народная партия». Каждая из этих партий продолжает набирать популярность, что говорит о росте антиисламских настроений в обществе.

Еще одним важным маркером является увеличение количества антимусульманских акций, проводимых в Северной Европе. Одним из самых ярких проявлений исламофобии на ее территории стал скандал с карикатурами на пророка Мухаммеда, опубликованными датским журналом «Jyllands-Posten». Карикатуры были напечатаны в 2005 году и спровоцировали недовольство всего мусульманского мира, которое привело к межкультурным и политическим конфликтам почти во всех европейских государствах [4].

Широко известны также публичные сжигания священной книги мусульман – Корана. В 2019 году в Норвегии Ланс Торсен, глава движения «Остановим исламизацию Норвегии», публично поджег Коран, после чего на него напали двое мусульманских мигрантов. В 2023 году Расмус Палудан, лидер датской антиисламистской партии «Жесткий курс», сжег Коран у турецкого посольства в Стокгольме. И хотя это действие было осуждено не только мусульманами, но и представителями других религий, Расмус Палудан вскоре повторил свой протест в Дании.

Еще одна известная антимусульманская акция прошла в Норвегии в 2011 году, когда норвежец Андерс Брейвик совершил два теракта на острове Утёя. Брейвик открыл стрельбу по молодежному слету правящей Рабочей партии, мотивируя это тем, что «либеральные политики проповедуют мультикультурализм и привели Европу

к засилью мусульман». В результате теракта погибло 77 человек.

Помимо перечисленных акций, на территории Северной Европы действуют различные организации и движения, выступающие против мусульманских мигрантов. Одной из таких организаций является «ПЕГИДА» - движение, основанное в Германии, но распространившееся и на североευропейские страны.

Антимусульманские акции и протесты также организуются движением «Остановим исламизацию Норвегии», которая является ответвлением антиисламской группы «Остановим исламизацию Европы». В Финляндии в 2015 году было создано движение «Границы закрыты!», также выступающее против иммиграции. Помимо этих случаев, в североευропейских государствах часто происходят и другие столкновения в меньших масштабах.

Мусульманские женщины часто становятся жертвами дискриминации и физических нападков со стороны европейского общества. Желая выместить свое недовольство нарастающей исламизацией, европейцы направляют большую часть своей агрессии на женщин в исламских платках, ведь именно они являются очевидным маркером исламской веры.

Известно множество случаев, когда мусульманки сталкивались не только со словесными оскорблениями, но и с физическим насилием: на женщин нападают прямо на улице и публично снимают религиозные платки. Наибольшая агрессия населения Северной Европы направлена против платков, полностью закрывающих лицо – паранджи и чадры. Однако, хиджаб – самый распространенный мусульманский платок, покрывающий волосы и шею – также вызывает множество недовольств.

Мусульманские женщины, носящие хиджаб, часто сталкиваются с ущемлением своих прав и свобод. Это проявляется в сфере образования, трудоустройства, спорта и прочих. Согласно исследованиям, женщине в хиджабе сложнее получить работу, чем женщине без религиозного платка. Некоторые школы также запрещают носить религиозную одежду на своей территории.

В странах Северной Европы на разных уровнях действуют законы, ограничивающие ношение мусульманских платков. Общенациональный запрет действует только в Дании и касается платков, полностью закрывающих лицо. За нарушение этого запрета полагается штраф размером в 1000 крон, что составляет 134 евро. Специальный национальный запрет, устанавливающий ограничения на отдельные институты по всей стране, существует в Дании и Норвегии. Во всех странах также действуют частные или институциональные запреты, накладывающие ограничения на религиозные платки в отдельных учреждениях [5].

Таким образом, несмотря на то, что страны Северной Европы позиционируют себя как толерантные и выступающие за равноправие, антимусульманские настроения на их территории продолжают увеличиваться. Мировая общественность все чаще говорит о «неудавшейся интеграции» и продолжающейся исламизации Северной Европы, что приводит к столкновениям и протестам на территории этих стран. Учитывая актуальность этих тенденций, можно сделать вывод о том, что напряжение между мусульманскими общинами и североευропейским обществом продолжит расти.

Список использованных источников и литературы:

1. Чижикова Т. В. История зарождения миграции мусульман в Европу начиная с 1960-х годов XX в. // Россия и мусульманский мир. 2019. №2 (312). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zarozhdeniya-migratsii-musulman-v-evropu-nachinaya-s-1960-h-godov-xx-v> (дата обращения: 24.12.2023)

2. Четверикова О. Ислам в современной Европе: стратегия "добровольного гетто" против политики интеграции // Россия XXI. 2005. - N 1. - С. 54-87. (дата обращения: 24.12.2023)

3. Исламский терроризм в Европе: тенденции и перспективы [Электронный ресурс] // Imemo [сайт]. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2019/10-YASHLAVSKII.pdf (дата обращения: 24.12.2023)

4. Скандал с карикатурами на пророка Мухаммеда в Дании Досье [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [сайт]. URL: <https://25.hse.ru/2005/sanina> (дата обращения: 24.12.2023)

5. Restrictions on Muslim Women's Dress in the 27 EU Member States and the United Kingdom [Electronic Resource] // Open Society Justice Initiative [site]. URL: <https://www.justiceinitiative.org/publications/restrictions-on-muslim-women-s-dress-in-the-27-eu-member-states-and-the-united-kingdom> (last request: 24.12.2023)

Романенко Вероника Евгеньевна – выпускник бакалавриата, направление подготовки «Зарубежное регионоведение», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), niknik1704@gmail.ru

THE SITUATION OF MUSLIM COMMUNITIES IN THE COUNTRIES NORTHERN EUROPE

V. E. Romanenko

The article examines key issues related to the situation of Muslim communities in the Nordic countries and their impact on modern society.

Keywords: Muslims, Northern Europe, hijab, European society.

References

1. *CHizhikova T. V.* Istoriya zarozhdeniya migracii musul'man v Evropu nachinaya s 1960-h godov XX v. [The history of the origin of Muslim migration to Europe since the 1960s of the XX century.] // Rossiya i musul'manskij mir. 2019. №2 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zarozhdeniya-migratsii-musulman-v-evropu-nachinaya-s-1960-h-godov-xx-v> (last request: 24.12.2023) (In Russ.)

2. *CHetverikova O.* Islam v sovremennoj Evrope: strategiya "dobrovol'nogo getto" protiv politiki integracii [Islam in modern Europe: the strategy of the "voluntary ghetto" against the policy of integration] // Rossiya XXI. 2005. - N 1. - S. 54-87. (last request: 24.12.2023) (In Russ.)

3. Islamskij terrorizm v Evrope: tendencii i perspektivy [Islamic terrorism in Europe: trends and prospects] [electronic resource] // Imemo [sajt]. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2019/10-YASHLAVSKII.pdf (last request: 24.12.2023) (In Russ.)

4. Skandal s karikaturami na proroka Muhammeda v Danii Dos'e [The scandal with cartoons of the Prophet Muhammad in Denmark Dossier] [electronic resource] // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» [sajt]. URL: <https://25.hse.ru/2005/sanina> (last request: 24.12.2023) (In Russ.)

5. Restrictions on Muslim Women's Dress in the 27 EU Member States and the United Kingdom [Electronic Resource] // Open Society Justice Initiative [site]. URL: <https://www.justiceinitiative.org/publications/restrictions-on-muslim-women-s-dress-in-the-27-eu-member-states-and-the-united-kingdom> (last request: 24.12.2023)

Romanenko Veronika Evgenievna – Bachelor's degree graduate, field of study "Foreign Regional Studies", The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), niknik1704@gmail.ru

Статья поступила в редакцию: 22.01.2024; принята к публикации: 08.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Романенко В. Е. Положение мусульманских общин в странах Северной Европы // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – №1(7). – С. 134-139

FOR CITATION:

Romanenko V. E. Polozhenie musul'manskih obshchin v stranah Severnoj Evropy [The situation of Muslim communities in the Nordic countries] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. №1(7). P. 134-139.

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ ЭДИТ СЁДЕРГРАН: ОТ ЗАБВЕНИЯ К ПАМЯТНИКУ

С. А. Куприк

В статье рассматривается история создания и восстановления памятников, возведенных в честь Эдит Сёдергран (1892–1923), выдающейся финно-шведской поэтессы, одной из самых ярких и значительных фигур в скандинавской литературе нач. XX в. Автор прослеживает развитие мест памяти от скромной могилы в Райволе, которое после Второй мировой войны стало известно как Роцино, до установки в 1960 г. современной памятной стелы – символа устойчивости и взаимопонимания между народами в послевоенном мире.

Ключевые слова: Эдит Сёдергран, Райвола/Роцино, памятник, культурное наследие.

В истории каждой нации есть имена, которые становятся символами эпохи, ее культурными маяками. Эдит Сёдергран, поэтесса, чье творчество оказало значительное влияние на скандинавскую литературу начала XX в., является одной из таких фигур. Жизнь и творчество Эдит, наполненные трагизмом и в то же время пронизанные необычайной силой духа, продолжают вдохновлять исследователей и любителей поэзии по всему миру. Признание вклада Сёдергран в развитие скандинавской литературы подтверждается возросшим в последние годы числом исследований, посвященных ее творчеству и жизни.

Тем не менее, несмотря на значительный интерес к личности Сёдергран, вопросы, связанные с памятниками, воздвигнутыми в ее честь, остались в значительной степени без внимания исследователей. Эта тема заслуживает особого внимания, учитывая, что памятники обладают не только культурно-исторической ценностью, но и играют важную роль в процессе формирования материальной культурной памяти.

Кроме того, существует заметный пробел в доступности информации на русском языке о памятниках Сёдергран, что ограничивает возможность ознакомления с этой темой для русскоязычных читателей. Статья предоставляет возможность не только проследить

историю создания памятников, но и понять, как менялось отношение к наследию поэтессы в разные исторические периоды.

Эдит Сёдергран ушла из жизни в летний день 24 июня 1923 г. и была похоронена в Райволе, на православном кладбище, расположенном напротив ее собственного сада за оградой [1, S. 144]. Несмотря на то, что общественное внимание к творчеству Эдит и к ней самой было неоднозначным, смерть поэтессы вызвала волну скорби среди скандинавских литераторов. В газете *Arbetarbladet* поэт Элмер Диктониус (Элмер Рафаэль Диктониус (1896–1961) – финско-шведский писатель, поэт, переводчик, критик. Один из представителей модернизма в поэзии Финляндии. Элмер Диктониус и Эдит Сёдергран оба принадлежали к одному литературному кругу и поддерживали дружеские отношения – *Примеч. авт.*) опубликовал заметку под названием «Эдит Сёдергран умерла», где описывал утрату как «самый тяжелый из всех возможных ударов», он возвышал ее образ, называя Сёдергран «великой маленькой матерью» молодого поколения поэтов и подчеркивая значимость как одной из «величайших творческих женщин всех времен» [2]. Его слова отражали глубокое восхищение ее духовным богатством и поэтическим мастерством, которые оставили неизгладимый след в сердцах

современников. Диктониус делится личными воспоминаниями о встречах с поэтессой, отмечая ее как «удивительного человека» с «невыразимым духовным богатством».

Однако, как отметил Ярл Хеммер (Ярл Роберт Хеммер (1893–1944) – шведоязычный финский писатель и поэт. – *Примеч. авт.*) в *Nya Argus*, многие не осознали полную меру потери, и смерть Эдит Сёдергран не получила широкого освещения в прессе, а прощание с поэтессой прошло без особой помпы: «никаких видимых похорон с цилиндрами, речами и венками. Просто нищий гроб, опущенный в землю далеко в Карелии, в сопровождении матери и, возможно, нескольких соседей. Ничего не произошло» [3]. Хеммер критически отнесся к недооценке ее творчества, подчеркивая, что оно не соответствовало устоявшимся представлениям о поэзии и требовало от читателей глубокого понимания и размышлений. Скромные похороны отражали не только ее собственные жизненные обстоятельства, но и ту тишину, которая, по словам Ярла Хеммера, могла быть «хорошим предзнаменованием» [3], указывающим на непризнанное в то время значение ее творчества. Эта смерть оставила пустоту в мире литературы, которую, по словам современников, было невозможно заполнить.

В 1930-е гг. на Карельском перешейке наблюдался рост культурного туризма. Особенности ландшафта, привлекавшие художников и писателей на протяжении лет, стали предметом повышенного интереса у многих. Заселиться на продолжительное время в одну из пустующих русских дач можно было без особых затрат и усилий. Среди постоянных гостей Перешейка были Хагар Улссон (Хагар Улссон (1893–1978) – финская писательница-модернистка, драматург, переводчица и

литературный критик, писавшая на шведском языке. Улссон и Сёдергран были знакомы и поддерживали дружеские отношения. Она высоко ценила поэзию Сёдергран и написала о ней ряд статей и эссе – *Примеч. авт.*) и Элмер Диктониус, а визиты к Хелене Сёдергран, матери Эдит, постепенно стали традицией для друзей поэтессы. Например, в лето 1931 г. Хагар Улссон вместе с Адой Нильссон (Ада Константия Нильссон (1872–1964) – шведская феминистка, врач, одна из основательниц группы Фогельстад – *Примеч. авт.*) и Хонорин Хермелин (Хонорин Луисе Хермелин (1886–1977) – шведская феминистка, педагог и переводчик, одна из основательниц группы Фогельстад – *Примеч. авт.*) в одно из своих путешествий на автомобиле отправилась в Райвола [4, S. 125].

Спустя годы, когда ранняя смерть Эдит Сёдергран практически уже превратилась в литературную легенду, ее захоронение продолжало оставаться скромным и неотмеченным, за исключением простого белого деревянного креста, который уже начал разрушаться [4, S. 125; 5, S. 185] (рис. 1, 1а). Гости Хелены Сёдергран, в дом, невольно обращали внимание на запущенное состояние могилы ее дочери. Такое положение вещей вызывало беспокойство среди друзей и поклонников поэтессы. В результате в 1930 г. Хагар Улссон в сотрудничестве с Элмером Диктониусом и Арвидом Мёрне (Арвид Мёрне (1876–1946) – финский поэт шведского происхождения, председатель Общества шведских писателей Финляндии в 1920 и 1921 гг. – *Примеч. авт.*) инициировала сбор средств для установки памятного камня на могиле Сёдергран [4, S. 125].

Рис. 1. Edith Södergrans grav, första korset och bänken [= Могила Эдит Сёдергран, первый крест и скамейка]. 1923–1933. Svenska litteratursällskapets arkiv (Далее – SLSA)

Рис. 1а. Plakett från Edith Södergrans gravkors [= Мемориальная доска с могильного креста Эдит Сёдергран]. 1923. SLSA

В своем письме от 29 июля 1930 г. [5, S. 185], адресованном Юхану Ландквисту (Юхан Ландквист (1881–1974) – шведский литературный критик, литературовед, писатель. Член шведского литературного общества – *Примеч. авт.*), Элмер Диктониус выразил обеспокоенность и надежду на установку достойного памятника. Он упоминает,

что мать Сёдергран, несмотря на свой возраст и финансовые трудности, поддерживала идею установки мемориального камня. В письме к Ландквисту Диктониус искал в том числе финансовую поддержку за пределами Финляндии, обращаясь к шведским литературным кругам с просьбой о содействии: «Я хотел бы заранее спросить Вас, можем ли мы рас-

считывать на какую-либо связь со Швецией, как Вы думаете, есть ли там люди, которые были бы заинтересованы принять участие в расходах? И как будет организован сбор? Даже небольшая сумма в шведских кронах была бы очень кстати, поскольку мы все и наша организация бедны, а широкая публика почти не открывает свой кошелек» [5, S. 185].

К 1932 г., спустя почти десятилетие после смерти Эдит Сёдергран, вопрос сохранения памяти о поэтессе становился все более актуальным. В газете *Hufvudstadsbladet* от 3 апреля того же года была опубликована небольшая заметка: «Эдит Сёдергран, одна из самых ярких представительниц шведской поэзии последнего времени, похоронена на кладбище в Райвола. Непритязательный курган сейчас зарос сорняками и в скором времени будет полностью уничтожен. Делом чести для всех друзей нашей шведской поэзии было бы внести свой вклад в создание простого памятника на ее могиле. Союз шведских писателей Финляндии начал сбор средств на эти цели, а взносы, независимо от их размера, принимаются в кассе книжного магазина “Академический” (Академический книжный магазин (фин. Akateeminen Kirjakauppa, швед. Akademiska bokhandeln) – финская сеть книжных магазинов. Первый магазин был основан в 1893 г. и располагался на ул. Александеринкату в Хельсинки. В 1930 г. магазин был выкуплен Stockmann и вскоре новый владелец перенес его в универмаг Stockmann в центре Хельсинки, возможно именно там и происходил сбор средств на установку первого памятника Эдит. Сегодня магазин принадлежит шведской медиагруппе Bonnier Group – Примеч. авт.)» [6].

В свою очередь Диктониус написал отдельную заметку от своего имени в

газете *Arbetarbladet*. В своем эмоциональном обращении он описал могилу Сёдергран как неприметный холмик, который скоро может потеряться в забвении, если не будет предпринято действий [7]. Поэт напоминает о сборе средств для установки мемориала и призывает всех литературных друзей, вне зависимости от взглядов и доходов, поучаствовать в этом долге чести, попытке компенсировать недопонимание и пренебрежение, с которыми Сёдергран столкнулась при жизни [7].

Поначалу сбор средств шел очень медленно, даже несмотря на то, что он был распространен на Швецию; однако к 6 апреля 1933 г. все подготовительные этапы были завершены [8, S. 67]. В этот день заседание совета Союза шведских писателей Финляндии ознаменовалось сообщением от Элмера Диктониуса, который объявил, что изготовление надгробия было заказано каменщику из Выборга [8, S. 67].

В летний день, 30 июля 1933 г., эти усилия достигли своего апогея: память о поэтессе была увековечена. Церемония открытия памятника на кладбище в Райвола стала кульминацией многолетних надежд и стараний. Памятник, созданный знаменитым финским скульптором Вяйнё Аалтоненом, сочетал в себе строгость и благородство формы, став символом возвышенной духовности и вечной красоты, так соответствующей духу Эдит Сёдергран (рис. 2, 2а). Высеченные на граните строки из ее стихотворения *Ankomst till Hades* («Сошествие в Аид») символизировали бессмертие ее поэтического дара, продолжающего трогать сердца читателей сквозь время:

*Se, har ar evighetens strand,
har brusar strömmen forbi,
och daden spelar i buskarna
sin samma entoniga melodi [9].*

*Смотри, вот берег вечности,
Поток бурлит, обрыва достигая,
а смерть тем временем в кустах
свою однообразную мелодию играет [10].*

А дальше - только имя: *Edith Södergran* [9].

Рис. 2. Edith Södergrans första minnessten rest av Svenska författareföreningen 1933, ersatte träkorset [= Первый памятный камень Эдит Сёдергран, установленный Союзом шведских писателей в 1933 г. вместо деревянного креста]. 1933–1940. SLSA

Рис. 2а. Edith Södergrans grav, första korset [= Могила Эдит Сёдергран, первый крест]. 1933. SLSA

В тенистой прохладе летнего сада, где когда-то бродила сама поэтесса, состоялась скромная, но невероятно трогательная церемония. Друзья и коллеги по перу собрались в этом уединенном уголке, чтобы вместе вспомнить и отдать дань уважения ее творчеству. Венок от Союза писателей, возложенный у подножия стелы, внес ноту торжественности в эти тихие мгновения памяти. Элмер Диктониус и Хагар Улссон, в своих памятных речах, глубоко и проникновенно отметили вклад поэтессы в шведскую литературу и ее славную посмертную победу [9]. Мать Эдит Сёдергран, «полуслепая старушка» [9], «проникновенно рассказала о поэзии своей гениальной дочери и ее глубочайшем смысле, любви и вере» [9], а также с теплотой и благодарностью отозвалась о тех, кто при жизни поддерживал ее дочь, и о тех, кто теперь почтил ее память, созданием мемориала.

Дополняя эту картину, Хагар Улссон поделилась своими впечатлениями в статье для журнала *Aami*. Ее слова проникновенно отозвались, называя памятник не просто камнем, а символом «бессмертия красоты, триумфа песни и силы вдохновения» [11], который, казалось, говорил громче всех произнесенных слов и совершенных ритуалов.

Отчет о церемонии и сборе средств на памятник также был опубликован и в журнале *Nordisk Forfatter-Tidende* [12] (в период с 1949 по 1951 гг., две ассоциации шведских писателей из Финляндии и Швеции брали на себя ответственность за выпуск журнала – *Примеч. авт.*) от 1 сентября, где Союз шведских писателей Финляндии подтвердил успешное открытие надгробия.

На пороге Зимней войны Карельский перешеек продолжал оставаться оазисом активной культурной жизни, притягивающим шведских и финских писателей, художников, искателей вдохновения. Летом 1937 и 1938 гг. Элмер Диктониус обосновался в Куоккале (современное название Репино – *При-*

меч. авт.), приморском курорте, где в атмосфере творческого обмена встречался с коллегами, такими как Яльмар Гулльберг (Яльмар Гулльберг (1898 – 1961) – шведский поэт, писатель, драматург, переводчик, один из первых модернистов, новаторов поэтического языка – *Примеч. авт.*), Гуннар Бьёрлинг (Гуннар Олоф Бьёрлинг (1887–1960) – шведскоязычный финский поэт, одна из ведущих фигур финско-шведской модернистской литературы – *Примеч. авт.*), Йоханнес Эдфельт (Бо Йоханнес Эдфельт (1904–1997) – шведский писатель, поэт, переводчик и литературный критик – *Примеч. авт.*), Ральф Парланд (Ральф Парланд (1914–1995) – финско-шведский писатель, поэт и журналист, чьи братья Генри Парланд (1908 –1930; финский поэт и прозаик, писавший на шведском языке) и Оскар Парланд (1912–1997; финско-шведский писатель, переводчик и психиатр) также прославились как писатели – *Примеч. авт.*), Гуннар Экелёф (Гуннар Экелёф (1907–1968) – шведский поэт, эссеист, переводчик, крупнейшая фигура скандинавского модернизма – *Примеч. авт.*) и др. Вилла Голике (дача, расположенная в пределах Куоккалы, ныне поселок Репино. Названа в честь первого владельца – издателя Романа Романовича (Роберта Робертовича) Голике – *Примеч. авт.*), дом, принадлежавший родственникам художников Свена Грёнвалля (Свен Бертель Грёнвалл (1908–1975) – шведско-финский художник, профессор – *Примеч. авт.*) и Ины Коллиандер (Ина Коллиандер (урожд. Берсен, 1905–1985) – финская художница, особенно известная своими гравюрами на дереве с изображением ангелов. Была замужем за Тито Коллиандером (1904–1989) – финский шведоязычный писатель – *Примеч. авт.*), превратилась в культурный эпицентр для этих встреч.

В эти же годы Райвола становится местом литературного паломничества. Йоханнес Эдфельт, посетивший мать

Эдит в 1935 г., поделился своими впечатлениями в журнале *Fönstret*. В своем эссе он описал Эдит как «поэтессу с большими легкими», жившую в «тесноте, которая была ей свойственна», и заметил, что «бедность и изоляция становятся адифорой, лишь облегчая такую жизнь», подчеркивая романтический миф о гениальности, который не зависит от внешних обстоятельств [4, S. 125]. Летом 1937 г. Диктониус также навесил Хелену Сёдергран, а следующим летом привез с собой друзей из Швеции – поэтов Эббе Линде (Эббе Линде (1897–1991) – шведский поэт,

драматург и переводчик – *Примеч. авт.*) и Гуннара Экелёфа [4, S. 126]. Это паломничество стало самым известным из всех, совершенных в 1930-е гг. Гуннар Экелёф собрал свои впечатления в эссе под названием *Karelsk vallfart* («Карельское паломничество»). Эббе Линде запечатлел атмосферу вокруг участка Сёдергран, сфотографировав Гуннара Экелёфа в брюках-гольф и Элмера Диктониуса в темном костюме и с курительной трубкой, прогуливающих по саду на пути к могиле Эдит Сёдергран [4, S. 126] (рис. 3).

Рис. 3. *Helena Södergran, Elmer Diktonius och Gunnar Ekelöf* [= Хелена Сёдергран, Элмер Диктониус и Гуннар Экелёф]. 1938. Foto E. Linde. SLSA

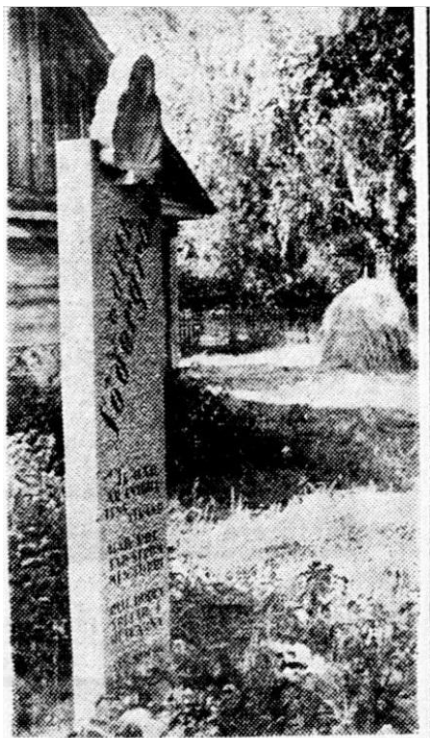
В 1937 г. по поручению журнала *Vi* Райволу также посетила Элли Яннес (Элли Мария Яннес (1907–2006) – шведская писательница и журналистка – *Примеч. авт.*). В своем очерке Яннес деликатно описывает преобразование места захоронения, как путь к могиле поэтессы направляют зеленые луковичные купола местной русской церкви, а само кладбище кажется диким садом, где между накренившимися крестами пробиваются мышиный горошек, тмин и зреющая малина [13]. Под кленом, склонившим ветви над

могилой, стоит памятник из серого гранита – дар Союза шведских писателей, а около него, хоть и увядают желтые лилии и кусты гвоздик, одинокая роза кольшется, словно в эхо словам, выбитым на камне из стихотворения Сёдергран «Сошествие в Аид» [13].

Когда в 1939 г. Зимняя война окутала Карельский перешеек, жизнь в Райволе изменилась навсегда. В преддверии бурь войны, жители были вынуждены покинуть свои дома, среди них была и Хелена Сёдергран, которая

нашла убежище в Йоройнене, где ее жизнь оборвалась в январе 1940 г. [4, S. 128]. Следы былой жизни Райволы, где каждый камень и дерево хранили истории прошлого, были зафиксированы в статье Диктониуса и на фотографиях, опубликованных в *Hufvudstadsbladet* в

1941 г. [14]. Черно-белые снимки и слова свидетельствовали о могиле Сёдергран и ее доме, который уютно располагался рядом с церковью (рис. 4), и стали бесценным свидетельством прошлого, так жестоко разрушенного военными действиями.

Edith Södergrans grav.

Edith Södergrans hem och kyrkan i Raivola.

Рис. 4 а) *Edith Södergrans grav.* б) *Edith Södergrans hem och kyrkan i Raivola* [= а) Могилы Эдит Сёдергран. б) Дом Эдит Сёдергран и церковь в Райволе]. // *Hufvudstadsbladet*. № 267. 1941. Oktober, 2. S. 5.

В письме к Диктониусу Свен Грэнвалль делился своими впечатлениями от посещения Райволы в период с 1941 по 1944 гг. Его слова рисовали картину разрушения, пронизанную вспышками ушедшей красоты. Грэнвалль описывал, как беспощадный огонь войны поглотил церковь и дом Сёдергран, оставив после себя лишь тени былого величия [13]. Среди обугленных остовов деревьев, в саду, который когда-то был полон смеха и живых голосов, удивительным образом продолжали цвести розы и кустарники [13], словно державшие вечную стражу над историей, которая теперь жила только в воспоминаниях.

Когда война утихла и Райвола, теперь уже Рощино, отошла Советскому Союзу, доступ к этим местам стал затруднительным. Но воспоминания о встречах у могилы Эдит Сёдергран и о жизни, когда-то процветавшей здесь, продолжали жить в сердцах тех, кто бережно хранил историю этих мест. В 1957 г., вдохновленные этими воспоминаниями, Пер Барк (Пер Олов Фредрик Барк (1912–1978) – выдающийся финско-шведский литературный критик, профессор истории литературы. Был председателем Союза шведских писателей Финляндии в 1953–1956 гг. и председателем Общества шведской литературы в Финляндии в 1966–1973 гг.

– *Примеч. авт.*) и Ральф Парланд решились на рискованное путешествие в Роудино, действуя в обстановке строжайшей секретности [15] (рис. 5). Их усилия увенчались успехом: им удалось

установить приблизительное местоположение утраченной могилы поэтессы [16], заложив тем самым фундамент для будущего памятника, который вновь соединит прошлое с настоящим.

Рис. 5. P. O. Barck på den södergranska tomten i Raivola år 1957 [= П. О. Барк на участке Сёдергран в Райволе в 1957 г.]. // Ringbom M. Finlands svenska författareförening: 1919–1969. Borgå, 1969. S. 68.

В послевоенное время, когда Финляндия стремилась восстановить культурные связи между Востоком и Западом, литературные общества страны нашли в себе силы наладить диалог с Союзом писателей СССР. Хотя это общение носило преимущественно формальный и церемониальный характер [17]. Тем не менее, благодаря

этому сотрудничеству удалось добиться разрешения на установку нового мемориального камня в честь Эдит Сёдергран, выполненного, как и предыдущий, Вяйнё Аалтоненом (рис. 7). Работа над изготовлением памятника велась в сотрудничестве с его сыном, архитектором Матти Аалтоненом [4, S. 129].

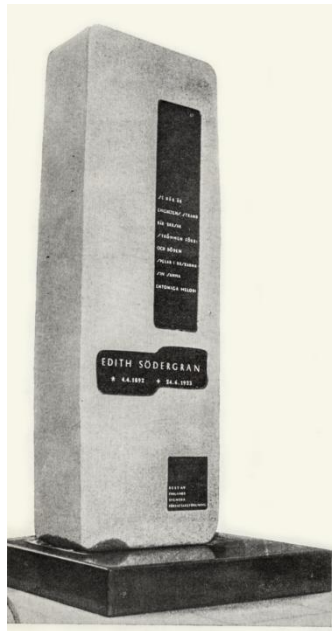

Рис. 7. Wäinö Aaltonens nya minnessten över Edith Södergran avtäcktes i Rositjino den 27 november 1960 [= Новый памятник Эдит Сёдергран, созданный Вяйнё Аалтоненом, был открыт в Роцино 27 ноября 1960 г.]. // Ringbom M. Finlands svenska författareförening: 1919–1969. Borgå, 1969. S. 70.

27 ноября 1960 г. жители Роцино стали свидетелями знакового события — церемонии открытия памятной стелы Эдит Сёдергран, где речи и возложение венков наполнили момент торжественностью (рис. 8).

Этот акт воссоздания памяти стал свидетельством того, что искусство и поэзия обладают уникальной силой объединения, способной преодолеть годы разлуки и тяготы войны.

Рис. 8. Торжественное открытие памятника Э. Сёдергран, в присутствии посла Финляндии в СССР Ээро А. Вуори, советских, финляндских и шведских писателей и жителей поселка Роцино. На снимке: советские писатели возлагают венок к памятнику. 27 ноября 1960 г. Фото В.И. Капустин. ЦГАКФФД СПб

В заключение, мемориал Эдит Сёдергран, установленный в Рошино, стал символом устойчивости и взаимопонимания между различными культурами в послевоенном мире. Ландшафты, разоренные войной, и потерянные связи были возрождены через акт памяти, который смог объединить людей разных национальностей и культурных традиций. Установка памятного камня в 1960 г. не только возродила воспоминания о поэтессе, но и создала место для культурного диалога между Советским Союзом и Финляндией.

Стоит подчеркнуть, что открытие памятника 1960 г. и события, предшествовавшие этому историческому мо-

менту, заслуживают детального изучения и будут исследованы отдельно, так как представляют собой обширную тему, полную уникальных исторических деталей. Эти события не только иллюстрируют глубину культурных связей между Финляндией и Советским Союзом в эпоху Холодной войны, но и отражают способы международного культурного обмена в контексте исцеления после периода конфликтов.

Таким образом, память о Сёдергран и ее творчестве остается живой, преодолевая временные рамки и политические барьеры, вдохновляя новые поколения и напоминая о неиссякаемой силе культуры и искусства.

Список использованных источников

1. Raivola, kotikyläni Kivennavalla: kertomuksia, kuvia ja kulttuuria. Raivola-seura, 2000. 301 s.
2. *Diktonius E.* Edith Södergran är död // *Arbetarbladet*. № 77. 1923. Juli, 6. S. 3.
3. *Hemmer J.* Edith Södergran // *Nya Argus*. № 8. 1923. Augusti, 15. S. 3.
4. *Rahikainen A.* Poeten och hennes apostlar. En biomytografisk analys av Edith Södergranbilden. Helsingfors: Helsingfors universitet, 2014. 270 s.
5. *Diktonius E.* Brev. Utgivare Jörn Donner och Marit Lindqvist. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland (SLS) 595, 1995. 456 s.
6. Edith Södergrans grav // *Hufvudstadsbladet*. № 90. 1932. April, 3. S. 8.
7. *Diktonius E.* Edith Södergrans minne // *Arbetarbladet*. № 39. 1932. April, 6. S. 5.
8. *Ringbom M.* Finlands svenska författareförening: 1919–1969. Borgå, 1969. 138 s.
9. Minnesvård på Edith Södergrans grav // *Svenska Pressen*. № 173. 1933. Juli, 31. S. 1.
10. *Ланин И. С.* Эдит Сёдергран в Райволе. СПб: Издательский центр «Остров», 2017. 48 с. (Перевод стихотворения взят из книги Сёдергран Э. Окно в сад / пер. со шведского Н. Г. Озеровой. М.: Арт Волхонка, 2016).
11. *Olsson H.* Muistopatsas Raivolan hautuumaalla // *Aamu*. № 3. 1933. Augusti, 1. S. 69.
12. Foreningsmeddelelser. Finlands svenska Författareförening // *Nordisk Forfatter-Tidende*. № 3. 1933. September, 1. S. 9.
13. *Ström E.* Edith Södergran. [Электронный ресурс]: Google Books. URL: <https://books.google.ru/books?id=NZ3YDgAAQBAJ&pg=PT148&lpg=PT148&dq=Raivola+kallas+alltsedan+Karelen+avtr%C3%A4tts+till+Sovjetunionen+f%C3%B6r+Rotsjino+och+det+har+varit+mycket+sv%C3%A5rt+att+f%C3%A5+bes%C3%B6ka+byn.+P%C3%A5+60talet+fick+dock+Finlands+svenska+f%C3%B6rfattarf%C3%B6rening+tillst#v=onepage&q=Raivola%20kallas%20alltsedan%20Karelen%20avtr%C3%A4tts%20till%20Sovjetunionen%20f%C3%B6r%20Rotsjino%20och%20det%20har%20varit%20mycket%20sv%C3%A5rt%20att%20f%C3%A5%20bes%C3%B6ka%20byn.%20P%C3%A5%2060talet%20fick%20dock%20Finlands%20svenska%20f%C3%B6rfattarf%C3%B6rening%20tillst&f=false> (дата обращения: 19.10.2023).
14. *Diktonius E.* I denna lilla vrå bland krigen // *Hufvudstadsbladet*. № 267. 1941. Oktober, 2. S. 5.
15. *Brunner E.* Där går han. 2, 1970–1990. [Электронный ресурс]: Google Books. URL: <https://books.google.ru/books?id=P6N3BgAAQBAJ&newbks=0&printsec=frontcover>

&pg=PT310&dq=S%3Fdergrans+minnessten+till+Raivola&hl=en&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 19.10.2023).

16. *Hylinger C.* Ett långt farväl. [Электронный ресурс]: Google Books. URL: <https://books.google.ru/books?id=dXSWDgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 19.10.2023).

17. *Skrivandets villkor och gemenskap* : Finlands svenska författareförening 1919–2019 / Red. S. Nygård, H. Tandefelt. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019. 455 s.

Куприк София Алексеевна – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, научный сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник» (г. Санкт-Петербург, Россия), sofiakuprik@yandex.ru

COMMEMORATING EDITH SÖDERGRAN: FROM OBLIVION TO MONUMENT

S. A. Kuprik

This article examines the history of monuments dedicated to Edith Södergran (1892–1923), an eminent Finnish-Swedish poetess and a luminous figure in early 20th-century Scandinavian literature. The author traces the evolution of memorial sites from a modest grave in Raivola, known as Roshchino after World War II, to the erection of a contemporary memorial stele in 1960—a symbol of resilience and mutual understanding among nations in the post-war world.

Keywords: Edith Södergran, Raivola/Roshchino, monument, cultural heritage.

References

1. Raivola, kotikyläni Kivennavalla: kertomuksia, kuvia ja kulttuuria. Raivola-seura, 2000. 301 s.
2. *Diktonius E.* Edith Södergran är död // *Arbetarbladet*. № 77. 1923. Juli, 6. S. 3.
3. *Hemmer J.* Edith Södergran // *Nya Argus*. № 8. 1923. Augusti, 15. S. 3.
4. *Rahikainen A.* Poeten och hennes apostlar. En biomytografisk analys av Edith Södergranbilden. Helsingfors: Helsingfors universitet, 2014. 270 s.
5. *Diktonius E.* Brev. Utgivare Jörn Donner och Marit Lindqvist. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland (SLS) 595, 1995. 456 s.
6. Edith Södergrans grav // *Hufvudstadsbladet*. № 90. 1932. April, 3. S. 8.
7. *Diktonius E.* Edith Södergrans minne // *Arbetarbladet*. № 39. 1932. April, 6. S. 5.
8. *Ringbom M.* Finlands svenska författareförening: 1919–1969. Borgå, 1969. 138 s.
9. Minnesvård på Edith Södergrans grav // *Svenska Pressen*. № 173. 1933. Juli, 31. S. 1.
10. *Lapin I. S.* Edit Syodergran v Rajvole. [Edith Sedergran in Riewoldt] // SPb: Izdatel'skij centr «Ostrov», 2017. 48 s. (Perevod stihotvoreniya vzyat iz knigi Syodergran E. Okno v sad / per. so shvedskogo N. G. Ozerovoj. M.: Art Volhonka, 2016).
11. Olsson H. Muistopatsas Raivolan hautuumaalla // *Aamu*. № 3. 1933. Augusti, 1. S. 69.
12. Foreningsmeddelser. Finlands svenska Författareförening // *Nordisk Forfatter-Tidende*. № 3. 1933. September, 1. S. 9.
13. *Ström E.* Edith Södergran. [Electronic resource] // Google Books. - URL: <https://books.google.ru/books?id=NZ3YDgAAQBAJ&pg=PT148&lpg=PT148&dq=Raivola+kallas+alltsedan+Karelen+avtr%C3%A4tts+till+Sovjetunionen+f%C3%B6r+Rotsjino+och+det+har+varit+mycket+sv%C3%A4rt+att+f%C3%A5+bes%C3%B6ka+byn.+P%C3%A5+60talet+fick+dock+Finlands+svenska+f%C3%B6rfattarf%C3%B6rening+tillst#v=onepage&q=Raivola%20kallas%20alltsedan%20Karelen%20avtr%C3%A4tts%20till%20Sovjetunionen%20f%C3%B6r%20>

Rotsjino%20och%20det%20har%20varit%20mycket%20sv%C3%A5rt%20att%20f%C3%A5%20bes%C3%B6ka%20byn.%20P%C3%A5%2060talet%20fick%20dock%20Finlands%20svenska%20of%C3%B6rfattarf%C3%B6rening%20tillst&f=false (last request: 19.10.2023).

14. *Diktonius E.* I denna lilla vrå bland krigen // Hufvudstadsbladet. № 267. 1941. Oktober, 2. S. 5.

15. *Brunner E.* Där går han. 2, 1970–1990. [Electronic resource] // Google Books. URL: https://books.google.ru/books?id=P6N3BgAAQBAJ&newbks=0&printsec=frontcover&pg=PT310&dq=S%3Fdergrans+minnessten+till+Raivola&hl=en&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (last request: 19.10.2023).

16. *Hylinger C.* Ett långt farväl. [Electronic resource] // Google Books. URL: <https://books.google.ru/books?id=dXSWDgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (last request: 19.10.2023).

17. *Skrivandets villkor och gemenskap : Finlands svenska författareförening 1919–2019 / Red. S. Nygård, H. Tandefelt.* Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019. 455 s.

Kuprik Sofia Alekseevna – Master's student, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, researcher at GBUK LO "Vyborg United Museum-Reserve" (St. Petersburg, Russia), sofiakuprik@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024; принята к публикации: 26.02.2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Kuprik S. A. Увековечивание памяти Эдит Сёдергран: от забвения к памятнику // Социогуманитарные коммуникации – 2024. – №1(7). – С. 140-152.

FOR CITATION:

Kuprik S. A. Uvekovechivanie pamyati Edit Syodergran: ot zabveniya k pamyatniku [Perpetuating the memory of Edith Cedergran: from oblivion to monument] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2024. №1(7). P. 140-152.